

41212

ЗАМѢТКИ

о

МАДОРУССКОМЪ

НАРѢЧІИ.

А. Шотебин.

Перепечатано изъ «Филологическихъ Записокъ» 1870 г.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи В. А. Гольдштейна.

1871.

СИРИ

и 4335

ЦЕНСУРЫ

Дозволено Цензором. Москва, 23 Ноября 1870 г.

ЦЕНСУРЫ
МОСКОВСКОЙ
ВЕЛИКИЙ

ЗАМѢТКИ О МАЛОРУССКОМЪ НАРѢЧИ.

Экспедиція, недавно снаряженная Русскимъ Географическимъ Обществомъ для этнографического и статистического изслѣдованія Юго-западнаго края, обратилась къ разнымъ лицамъ съ просьбою сообщать ей свѣдѣнія о Мало-русскомъ населеніи и за предѣлами этого края. Въ числѣ программъ, разосланныхъ экспедицію, находится и «Программа для указанія особенностей мѣстныхъ народныхъ говоровъ въ Южной Россіи», составленная И. П. Новицкимъ. Я постараюсь разсмотрѣть эту программу и вмѣстѣ дополнить ту часть своей статьи «О звуковыхъ особенностяхъ Русскихъ нарѣчій» (*), которая относится къ Мало-русскому нарѣчію.

Къ § 27 моей статьи. Въ «Топографическомъ описаніи Черниговского намѣстничества», составленномъ Аѳ. Шафонскимъ въ Черниговѣ 1786 г. и изд. М. Судьенкомъ въ Киевѣ 1857, (§§ 5 и 12), находимъ слѣдующее, весьма замѣчательное по своему времени, географическое и этнографическое раздѣление Малой Россіи, т. е. нынѣшней Черниговской, Полтавской и части Киевской г.

А) Въ географическомъ отношеніи Малая Россія дѣлится, на южную, степную и черноземную, которая начинается верстъ за тридцать до восьмидесяти отъ лѣваго берега Десны и Сейма и простирается къ В. и Ю. «сквозь» до

(*) Въ Филолог. Зап. 1866 г. и, вмѣстѣ съ другою статьею «О полногласіи», отдельно книжкою подъ заглавиемъ «Два изслѣдованія о звукахъ Рус. яз.» Ворон. 1866.

Днѣпра и Исла, захватывая между прочимъ части уѣздовъ Козелецкаго, Нѣжинскаго, Борзенскаго, уѣздъ Конотопскій и часть Коропскаго, и *сѣверную*, лѣсную и супесчаную, къ сѣверу отъ деревой. Степная стороны въ лѣсной части называются полянами, жители степные *полевики*, а вся степная часть «начиная отъ самой Десны» Украиной, т. е. крайнимъ, *пограничнымъ* краемъ (*), полевики ~~живутъ~~ ^{на границѣ} ~~на границѣ~~ ^{на границѣ} Литвою.

Б) По фонетическимъ признакамъ языка (разному выговору рѣчей) и тѣлосложенію народа Шафонскій дѣлить Малую Россію на три полосы: а) Сѣверо-западная полоса, *Полесье* по преимуществу, между Десною, Ипутью, Сожью и Днѣпромъ. Народъ роста небольшаго и бѣдокурый. б) Средняя полоса, составляющая переходъ отъ Полесья къ полямъ, между Десною, Сеймомъ и Сулою внизъ по Лубны, а отъ Лубенъ вправо къ Деснѣ и Днѣпру, по Киевъ включительно. «Въ сей полосѣ самый чистый Мало-рussijskij языкъ употребляется, который Литовскаго очень мягкаго, ни степнаго грубаго и тяжелаго выговора не имѣеть. Жители роста средняго, немногого выше первыхъ, волосами потемѣло». в) Юго-восточная

(*) Вотъ точка зѣрнія, въ которой восточный Mr. говорить можетъ быть названъ украинскимъ; распространіе же этого названія на все малорусское нарѣчіе возможно только ст Велико-русской точки зѣрнія. Да слову зѣрнѣчицею утверждены (Фил. Зап. 1869, I, 5), основаннымъ иконы на Иак.; лѣт. (160, 32), будто Южно-русский народъ еще въ XIII в. называлъ свою страну Украиной. Всакая драйвла отъ чего нибудь земля называлась «украиной», и потому въ Ипат. Автографъ упоминается «бѣскоѧнъ, украинъ, украинъ Переяславская» (134, 24); украинъ Талицкая (138, 9), украинъ отъ Лядской земли, куда отнесена и Берескій, именемъ Брестъ Литовскъ (160, 32) и даже украинъ не Русская а Ладскія: «Лахове украинище» (203, 13), городъ въ землѣ Лядской, «на вѣкраніи» (208, 24). Да, и теперь это слово имѣеть по преимуществу парушательное значеніе. На Украинѣ (ст. точки зѣрнія Сѣверинова) т. с. въ Подольской губ. или въ бывшихъ слободскихъ полкахъ имѣется встрѣтный напр. бабу «українку»¹ изъванную такъ потому, что долго ходила на заработки «на Україну», т. с. куда нибудь дальше на Югъ, къ Одессѣ, на Черноморскѣ, на Днѣпъ, къ Скавронилю. Когда въ известной пѣснѣ братъ спрашивается сестру: „чи привикла, сестро, на Українѣ жити?“, онъ разумѣеть только: даедо отъ дома, Україна—страна вообще: „прибувати Українѣ даедихъ“ „на свор Українѣ“ и даже свѣтъ, какъ часть виѣсто цѣлаго: „весь світъ Українѣ“.

долоса—между Псдомъ съ одной стороны и Судою по Лубны, гдѣ перешедши на правую сторону Суды—по Днѣпра. Сюда принадлежитъ между прочимъ Переяславскій уѣздъ. «Во всей этой полосѣ нарѣчіе употребляется твердое и грубое и отъ обѣихъ первыхъ отмѣнное, напр., въ Полѣсси говорять: *конь, ножъ, волзъ*, въ Глуховѣ и Нѣжинѣ—*кунь, нужъ, сула*, а за Лубнами—*кинь, нижъ, вилъ*. Въ этой полосѣ народъ вообще роста высокаго, худощаваго, лицемъ смугловать и волосомъ темпорусый.»

Одну неточность въ этомъ дѣленіи мы можемъ исправить на основаніи показаній самого Шафонскаго. Полѣссе есть терминъ географическій и въ этнографическомъ отношеніи не представляетъ единства. Оно захватываетъ часть Орловской губ. (Брянскій у.), а въ обозначенныхъ Шафонскимъ предѣлахъ, въ бывшей Новгородъ-Северской, нынѣшней Черниговской губ.—Мглинъ, Суражъ, Погаръ, Стародубъ, Новозыбковъ, мѣстности, относящіяся къ области Южно-велико-русскаго нарѣчія. Самъ Шафонскій говоритъ: «тѣ селенія (на Полѣсси), которые къ самымъ границамъ Орловской и Смоленской губерніи прилегаютъ, имѣютъ много въ своемъ нарѣчіи сходнаго съ селеніями тѣхъ губерній.» Въ сборникѣ г. Аѳанасьевъ есть цѣлько сказокъ, записанныхъ въ Погарѣ Черн. губ., довольно удовлетворительныхъ въ фонетическомъ отношеніи, изъ коихъ видно, что хотя по лексическому составу тамошній говоръ почти совершенно тождественъ съ Мало-руссіемъ, но въ фонетическомъ не представляетъ ни одной *исключительно* Мало-русской черты и потому долженъ быть причисленъ къ Велико-русскимъ, составляющимъ переходъ къ Мало-русскому нарѣчію;

— *ы* и *и* не переходятъ тамъ въ о, е ни въ глагольныхъ корняхъ, ни въ оконч. *ый*, *ий* прилаг., ед. ч. и. р.

— *о* неударяемое—*a*, но въ глаголахъ характерѣ *ова*=*u*, какъ и во многихъ Mr.: закусувать, распрашувать, рассказувать.

— *е* и *ъ* неударяемые измѣняются по Южновеликорусски, по образцамъ: бирягу, тода (изъ тоде, тоцитъ).
1*

— ё въ оконч. тѣ послѣ удвоенной согласной — я: кушанія.

— е ударяемое — ё, какъ въ Юж. Бр., съ пѣкотными особенностями, свойственными и Бр. говорамъ, напр. есть, сваёй.

— юй, ій въ имен. ед. прил. не сокращается въ ю, ії.

— Сокращеніе е: въ свайму и т. п.

— о въ началѣ словъ послѣ гласныхъ можетъ опускаться: на 'дномъ рибѣ.

— ы и ү — ё различаются.

— е постоянно мягко послѣ согл., допускающихъ смягченіе.

— гортанные измѣняются вообще по старинному: дающе, Аленюще (ю), но часты отклоненія: на дорогѣ и т. п.

— р мягко: царь, царя, крюк.

— и изъ т — с, а кажется и ү основное, твердо: бицца, на щацъ — ѿе.

— я — с и е — у, какъ въ Мр.

— Дзеканья нѣть, и если считать присутствіе этого признака непремѣнною принадлежностью Бр. говоровъ, то это говоръ не Бѣлорусскій.

По словамъ г. Минкуцкаго, Суражъ относится къ области Бр. говоровъ (Изв. II отд. Ак. Н. IV, 110).

Съ другой стороны, хотя по словамъ Шафонскаго, «полевики» все Полѣсье называютъ Литвою, хотя дѣйствительно они безразлично называютъ Литвинами и Бѣлоруссовъ и Мало-рussianъ сѣверной полосы, но эти послѣдніе, по всей вѣроятности, отличаютъ себя отъ Литвиновъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, т. е. отъ Бѣлоруссовъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ дзекающіе Заблудовцы. Самъ Шафонскій не относить Мало-руssкихъ уѣздовъ Черниговскаго и Городненскаго къ Литовскимъ (т. е. Бр.), а говорить, что въ нихъ только «нѣсколько начинается выговоръ Литовскій» (§§ 95, 137). Свѣдѣніе, что на Полѣсіи говорятъ: конь, вол, въ примѣненіи къ Мало-руssкой части этого края, несправедливо. Гораздо ближе къ исти-

нѣ г. Максимовичъ, который находитъ въ Сѣверской разности Южно-русскаго языка, отдѣляемой отъ разности Кіево-Переяславской рѣкою Сеймомъ, большее разнообразіе въ произношениі о: куинь, куопъ, конь и кунь. Послѣднее произношеніе г. Максимовичъ называетъ Бѣло-русскимъ (Ист. др. Рус. слов. 116), между тѣмъ какъ ни въ одномъ изъ дѣйствительно Бѣлорусскихъ говоровъ такого произношенія мы не встрѣтили. Если понимать слова Шафонскаго, что въ Глуховѣ и Нѣжинѣ говорять кунь, такимъ образомъ, что такое произношеніе свойственно всей средней полосѣ по Сулу, то это опять будетъ ошибочно: по Сулѣ говорятъ кінь. Впрочемъ отъ Шафонскаго насытъ отдѣляетъ почти сто лѣтъ. За это время въ языѣ могло кое-что измѣниться, но этнографическія наши свѣденія увеличились не чрезмѣрно.

Г. Новицкій въ своей программѣ различаетъ между прочимъ говоры: Харьковско-Полтавскій, Нѣжинско-Переяславскій, Черниговскій, Сѣверскій и Полѣскій. Я не утверждаю, что свѣдѣнія, сообщаемыя имъ объ этихъ говорахъ ошибочны, но позволю себѣ высказать пѣсколько сомнѣній.

Кромѣ того Полѣсья, о которомъ говорить Шафонскій, есть еще другое, на западѣ, къ которому относятъ между прочимъ часть Брестскаго у. Гроднен. губ. и которое оттуда идетъ полосою на востокъ. Какія приблизительно его границы (п. ч. о точномъ опредѣленіи подобныхъ терминовъ не можетъ быть и рѣчи), этого я не знаю. Если г. Новицкій говоритъ не о немъ, а о Восточномъ, то онъ понимаетъ это послѣднее въ болѣе узкомъ смыслѣ, чѣмъ Шафонскій, исключая изъ него области говоровъ Черниговскаго и Сѣверскаго, т. е. Новгородъ-Сѣверскаго, а не Сѣверскаго въ широкомъ смыслѣ, какъ у г. Максимовича. Но г. Новицкій разумѣеть, по видимому, западное Полѣсье: «на лѣвой сторонѣ Днѣпра и въ парѣчіяхъ Кіевскомъ, Волынскомъ и Полѣскомъ З-е л. ед. наст. — ходить, робыть» (а пе—ть) (Прогр. вопр. 50). Кромѣ этого, г. Новицкій приводитъ еще три признака Полѣс-

скаго говора: два общіе ему съ Съверскимъ, именно неизмѣнность о(конь), и вм. ыи въ именит. ед. прил. м., и одинъ общий съ Черниговскимъ: мъйичъ, прывѣйзъ, обыйдъ, купліть, а не мічъ, прывізъ, обідъ, купіть. По этимъ признакамъ невозможно узнать, гдѣ разумѣемое авторомъ Полѣсье; но можно сказать, что это не Полѣсье Гродненской губерніи. О самихъ признакахъ сказано бу-
детъ ниже.

Съверскому говору г. Новицкій приписываетъ слѣ-
дующие признаки: 1) о (въ Укр.=i) неизмѣнно, 2) ма-
тионка, а не матінка, 3) я неудар.—e, e, 4) о неудар.=a,
5) ы—неизмѣнно, 6) ы въ корняхъ глаг.=o: рой, 7)
пъйтъ, бѣйтъ, а не пийте, бийте, 8) выду, прышовъ,
а не выйду, прышовъ, 9) злы, а не злый: 10) гортан-
ные не переходятъ въ свистящіе, 11) ы твердо. Я не
имѣю прямыхъ свѣдѣній объ этомъ говорѣ, но на осно-
ваниіи того, что извѣстно о другихъ Мало-русскихъ, я
думаю, что наѣтъ ни одного Мало-русского говора, въ
коемъ бы о, переходящее въ Укр. въ i, въ другихъ въ
уо, у и пр., по правилу оставалось неизмѣннымъ. Поэтому думаю, что въ Съв. говорѣ или произносится не
конь, вол, какъ въ Бр. а нѣсколько иначе, не такъ
какъ въ Mr. коня, вола, или же—этотъ говорѣ не есть
Мало-русскій. Во всѣхъ извѣстныхъ Mr. говорахъ измѣ-
ненію основнаго о соответствуетъ измѣненіе ё изъ e,
такъ что если о=уо, то ё=ю, если о=у, то ё=ю,
если о=i, то ё=i. Въ Съв. о, по словамъ г. Новицкаго
неизмѣнно; а между тѣмъ ё изъ e въ матионка=ю.
Это требуетъ разъясненія. Точно также во Подѣскомъ о
неизмѣнно, а между тѣмъ e измѣняется въ i: мъйичъ,
прывѣйзъ. Форма—віз (изъ вѣз) предполагаетъ, что въ
томъ же говорѣ о=i или i, быть можетъ—у, но ни въ
какомъ случаѣ не неизмѣнно.

— о изъ ы въ рою, рой, гдѣ опо есть, имѣетъ при
себѣ е изъ и въ пей, вей. Измѣненія эти странно встрѣ-
тить въ Mr. говорѣ, такъ какъ даже въ Южно-великорус-
скихъ, ближайшихъ къ Мало-русскимъ, именно во всѣхъ

Бѣло-русскихъ говорахъ начиная со Смолен. и южн. части Тверской, а также и Вр. говорахъ Чернигов. губ. (въ Погарѣ) ихъ иѣть. Г. Новицкій ярописывается Сѣверскому говору только первое изъ нихъ и вмѣстѣ съ нимъ—формы 2 л. повелит., пѣйтъ, сами по себѣ требующія подтверждения, но предполагающія скорѣе иѣйте и т. (форму Апр. Руск. Mr. и Br.), чѣмъ пейте.

Заключая отъ Бѣлорусскихъ говоровъ и отъ образцовъ, записанныхъ въ Погарѣ, трудно предположить въ Сѣверскомъ говорѣ полную неизмѣнность тортенинѣхъ въ евилашіе; скорѣе можно допустить здѣсь колебанія между формами какъ ногъ и ногѣ, которая встрѣчаются и въ Сосницкомъ уѣзѣ.

Принадлежать ли Сѣв. говоры къ Мало-русскимъ или къ Южно-великорусскимъ, все равно въ немъ нельзя ожидать неизмѣнности я, то есть постоянного его равенства звуку е.

«Десна, говорить г. Новицкій, вопреки довольно распространенному мнѣнію, не составляетъ границы между различными нарѣчіями, по крайней мѣрѣ въ нижней части своего течения, а граница эта проходитъ по водораздѣлу притоковъ Десны съ рѣками текущими прямо въ Днѣпро. Миѳнѣ это, по видимому, справедливо. Въ приложеніи къ этой статьѣ приводенье записанной г. Новицкимъ въ Козелецкомъ уѣзѣ образецъ языка, изъ коего видно, что тамошній говоръ относительно измѣненій о, е, я предстаиваетъ большее сходство съ Сосницкимъ и другими занимающими сѣверную полосу области Mr. нарѣчія, чѣмъ съ Украинскимъ по Судѣ. Однако самъ г. Новицкій соединяетъ въ одинъ Нѣжинско-Переяславскій говоръ Нѣжинъ на Острѣ, притокѣ Десны, и Переяславль на Трубежѣ, притокѣ Днѣпра, то есть водсе не считаетъ вышепомянутаго водораздѣла границею между говорами. Признаки Нѣжинского Переяславскаго говора, по г. Новицкому, суть: 1) о (Укр. i)=и среднему, 2) я неударяемое, а ударяемое=i, 3) р твердо: царъ, говору, но а говорю и несколько наименѣнійъ прилагательныхъ:

стинъ (а не — синá); двойки, тройки, керез; ж—з (?); стусонути. Можетъ быть всѣ эти признаки точно относятся къ Нѣжину; но неужели въ Переяславскомъ у. ъ измѣняется при тѣхъ же условіяхъ, какъ въ Ко- зелецкомъ, Кролевецкомъ и др. съверныхъ, и неужели тамъ гласная въ нѣс такъ звучить, какъ въ низ?

Этимологическое правописаніе нужно общелитера- турному языку; но образцы народной рѣчи, существую- щіе служить материалами для исторіи языка, необходимо записывать правописаніемъ чисто фонетическимъ. Само собою, что это послѣднее, чтобы бы быть правописані- емъ, а не писаніемъ эра, какъ набѣжитъ, должно быть послѣдовательно: разъ придавши знаку извѣстное значеніе, слѣдуетъ это помнить.

Для вѣрного и не сбивчиваго изображенія звуковъ Мало-русскихъ говоровъ, азбука нашего литературнаго языка должна быть нѣсколько измѣнена. Лишніе въ ней, кромѣ ѿ и ѿ, еще знаки з и зъ въ всѣхъ нынѣшнихъ Русскихъ говорахъ на концѣ словъ не имѣть значенія. Употребленіе его въ литературномъ правописаніи безвред- но, если не имѣть въ виду сбереженія мѣста и времени; но въ грамматическихъ сочиненіяхъ, при сравненіи древ- него языка, гдѣ з есть одинъ изъ двухъ глухихъ гла- сныхъ звуковъ, съ нынѣшнимъ, въ которомъ хотя мѣста- ми и есть глухіе звуки, но не такие и не таіъ, гдѣ въ древнемъ яв. з какъ знакъ твердости конечной согласной, которая и безъ него произносится не иначе, какъ твердо, не должно быть терпимо. Тамъ, гдѣ есть возможность смѣ- шать з гласное съ ѿ, знакомъ смягченія предыдущей согласной, весьма удобно замѣнить зъ въ послѣднемъ значеніи по- средствомъ ѹ. Для той же цѣли могли бы служить на концѣ словъ занятая надъ буквою (ді=о'), но передъ гласной такому звачку можетъ быть придано и другое значеніе, о чёмъ ниже для человѣка нѣсколько знакомаго

съ иегорію славянскихъ языковъ не все равно, что ко—нь (два слога), что конj, или, по правописанію Караджича, коњ; написанія эти изображаютъ явленія двухъ во многомъ различныхъ періодовъ языка.—ъ есть осо-бый звукъ въ древнемъ языкѣ, отличный отъ ю и ё, оно есть өтимологический знакъ въ общелитературномъ языкѣ; но въ фонетическомъ правописаніи его не слѣдуетъ употреблять вовсе, не исключая и тѣхъ случаевъ где оно произносится за ю. Въ нынѣшихъ Русскихъ говорахъ нѣть ѿ, а есть только его разнообразныя замѣны, по которымъ можно узнать его присутствіе въ древнемъ языкѣ.

Слѣдуетъ различать гласные зв. ётированные отъ неётированныхъ. Это соблюдается относительно а и я=ја, о и ё (јо), у и ю; но не соблюдается относительно і и ѡ=ји, е и је=је или је. Между тѣмъ для языкоznанія не все равно, что іx, что ѡx; что же до е(=э) и је, то оба знака необходимы не только для Мало-Русскихъ говоровъ, но и для Велико-Русскихъ.

При изображеніи мягкихъ или ётированныхъ согласныхъ слѣдуетъ различать три случая: а) Мягкая гласная можетъ непосредственно примыкать къ предыдущей согласной, при чемъ знакъ ѡ или є въ я, ю, выражаетъ не самостоятельный звукъ, а вѣбность предыдущей согласной: бя, бю, бё, бі. б) Ј гласной можетъ явственно отдѣляться отъ предыдущей согласной, а эта послѣдняя можетъ быть сама по себѣ мягка. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ обозначать и мягкость согласной и мягкость гласной: бъя или бј,-вјі или вј-јі. в) Ј отдѣляется отъ предыдущей ненѣбной согласной. Для такого отдѣленія можно или, по прицатому, употребить з, или апострофъ послѣ согласной: бъя или б'я, б'ја, б'їа. Быть можетъ многіе пайдутъ различеніе этихъ тонкостей излишнимъ; но чтобы быть послѣдовательными, они должны бы считать излишними и изученіе діалектическихъ различий, что впрочемъ и дѣлаютъ. Г. Новицкій пишетъ: коњові и т. п. придавая этому мъо значеніе вѣ, между тѣмъ какъ мъо, если

принять ы за знакъ смягчения, обозначаетъ, что нѣбнос
и (и) не сливается въ одинъ звукъ со съѣдующимъ о; онъ же отождествляется написаніемъ—мъясо (т. е. и'ясо). И мъясо (т. е. мѣясо). Въ одномъ и томъ же говорѣ можно встрѣтить всѣ три случая а, б, в, напр. въ Заблудовскомъ: вѣлікі=вѣлікі, вѣцер=вѣцер (в нѣбно), рѣчка=рѣчка=рѣжка, съ твердымъ, ненѣбнымъ р, сочетаніе выраженнѣе записывателемъ посредствомъ ѿ: рѣчка. Сиѣшавшій между собою эти три случая, мы упус-
тимъ изъ виду нѣсколько замѣчательныхъ чертъ этого говора.

Для свойственнаго большинству Мало-русскихъ го-
воровъ звука, средняго между Бр. и Поль. і и Вр. Поль-
я, Н. А. Кулинъ ввелъ начертаніе и. Г. Новицкій, замѣчая, что звукъ этотъ мѣстами произносится мягче,
ближе къ острому і, мѣстами ближе къ ы, пишетъ то
и, то ы; но на это различіе лучше указать словами, не
употребляя для этого знака ы. Этотъ послѣдній нуженъ
для тѣхъ говоровъ, въ коихъ основное и=і и основное
ы (=Др. Русс. и Ст. сл.) не смѣшиваются между со-
бою. Такимъ образомъ для совокупности Mr. говоровъ
необходимы всѣ три начертанія: і, и=основной и и ос-
новному ы въ (милый) и ы=основному ы и основному и
носятъ несмѣягчаемыхъ соглашеній.

При обозначеніи двоегласныхъ, каковы уо, ui, слѣ-
дуетъ указывать, на который изъ двухъ элементовъ па-
дастъ удареніе. Догадка въ этомъ случаѣ не вездѣ мо-
жетъ замѣнить прямое свидѣтельство. Вообще, очень не-
выгодно для будущихъ изслѣдованій, что не смотря на
существованіе хорошихъ примѣровъ, образцы пародныхъ
говоровъ до сихъ поръ издаются безъ удареній. Нѣть
сомнѣнія, что ученіе объ удареніи составить весьма
важный отдѣлъ исторіи Русскаго языка.

Звукъ=лат. g необходимо такъ или иначе отличать
отъ звука=лат. h.

При стеченияхъ согласныхъ не слѣдуетъ подчиняться
этимологическому правописанію, которое вообще хорошо
только на своемъ мѣстѣ. Для исследователя, вовсе не

все равно, что *тыся*, что *цъца=цица*, что *цл, це, це,*
не все равно что *вій*, что *віј-я=вій-я*, или что *лье* что
лјле.

— Къ § 28 моей статьи. О замѣнѣ глухихъ звуковъ.
Въ Южно-русскихъ памятникахъ XIII—XV вѣка, и из-
рѣдка—даже въ болѣе позднихъ, встрѣчаемъ такія ошиб-
ки въ правописаніи, которыя заставляютъ думать, что
въ это время глухіе звуки еще слышались *внутри* словъ,
хотя и не вездѣ, гдѣ они должны быть въ Др. Русск. и
Ст. Сл. яз. Я разумѣю постановку глухихъ звуковъ, пре-
имущественно *з*, вмѣсто чистыхъ *и*, наоборотъ, употребле-
ніе чистыхъ *о, е*, иногда *ль* вмѣсто глухихъ въ тѣхъ слу-
чаяхъ, гдѣ въ позднѣйшемъ языкѣ эти глухіе совершен-
но исчезли.

Такъ въ Волынскомъ спискѣ поученій Ефрема Си-
рина XIII в. (до 1288 г. см. Срезневскаго «Свѣдѣнія и
замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстн. памят.» VI, 48)
при правильномъ употребленіи *з* и *ъ*, при частой замѣнѣ
ихъ чистыми и опущеніи, согласно съ требованіями позд-
нѣйшаго языка, находимъ: забовѣныа (забвениа) суге-
словоници (—выници), бодить (бѣдите) мезды (мѣзы),
лукавество (вѣство), въ конецихъ (—ныцихъ) и въ одномъ
случаѣ ъ: истълѣвъша перстъ (—тылѣвъша). Во Львов-
ской купчей 1400 г.—Михала Чабанеского сынъ (—нь-
ского) и тамъ же въ. е: прирожденымъ (дат. мн.) (Ак.
оти. къ Ист. Ю. и З. Руси, I № 6). Въ записи писан-
ной «у Галичу» 1409 (ib № 11) въ. ё: примучыни,
Стыцко, нашю пѣчатью, понѣдѣлокъ, пѣрдъ, и вмѣстѣ
съ тѣмъ правильно: половину дѣднини, держали, со
всѣми ужитѣки, Грабовъцкій.

Безъ сомнѣнія во всѣхъ Русскихъ говорахъ глухіе зву-
ки прежде всего стали исчезать въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ
нынѣшнемъ языкѣ они вовсе не произносятся; дольше они
удерживались тамъ, гдѣ нынѣ они замѣняются чистыми
гласными *о* и *е*. Если принять, на основаніи Волынского
списка Ефр. Сир., что въ Южно-русскомъ глухіе звуки
слушались еще въ XIII вѣкѣ въ такихъ случаяхъ, какъ

бѣдѣти, лукавство; то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ принять и то, что въ случаяхъ какъ тѣргъ, вѣлкъ, сънъ, дѣржати, лѣнъ они *внутри* словъ слышны были и въ болѣе позднее время, приблизительно до половины XIV вѣка. Болѣе ранніе случаи замѣны глухихъ зв. чистыми не могутъ служить доказательствомъ ошибочности этого мнѣнія. По общему правилу всѣ Русскіе говоры замѣнили *з*, въ извѣстныхъ случаяхъ черезъ *о*, *е* и эта всеобщность правила произошла не оттого, что самая замѣна глухихъ чистыми совершилась до появленія Русскихъ нарѣчій, а оттого, что *з*, въ оставаясь глухими, были весьма близки къ *о*, *е*, что давало поводъ къ смѣщенію этихъ звуковъ на письмѣ. Нынѣшніе Mr. говоры большей частью отличаются основные (общеславянскіе) *о*, *е* отъ позднѣйшихъ, Русскихъ *о*, *е*, происшедшихъ изъ *з*, *з*, измѣненія первые въ *ю*, *у*, *и*, *ї* и пр. тамъ, гдѣ вторые остаются неизмѣнными. Не служить ли это очевиднымъ доказательствомъ, что въ то время, когда началось специально Мало-русское измѣненіе основныхъ *о*, *е*, глухіе звуки внутри словъ—какъ сънъ и т. п.—еще существовали?

Мало-русскіе говоры представляютъ два отклоненія отъ обще-русскаго правила о замѣнѣ глухихъ зв. посредствомъ *о*, *е*:

1) Случаи, въ коихъ на мѣстѣ *з* стоять *и* среднее: дрижати, тривати, кривавий, крихта и кришити, чорнобровый. Въ Червоно-русской грам. 1424 (Ак. отн. до ист. Ю. и З. Р. I, № 16) встрѣтилось дрыва (древа), а въ нынѣшнемъ Галицкомъ говорѣ слышно блиха или блыха (блоха). Рядомъ съ этими формами въ Укр. есть и кровавый, чорнобровий. *И* въ чорнобровий и пр. слѣдуетъ отличать отъ того *ї*, въ которое въ Укр. и другихъ говорахъ превращается основное *о* и въ немногихъ случаяхъ *о* изъ *ъ*: чорних брів, крѣвця. Это *и* или *ы* на мѣстѣ *з* въ Южн. и Зап. Русскихъ грамотахъ обнаруживающихъ сильную примѣсь Польского языка, находимъ именно въ тѣхъ словахъ, въ коихъ Польскій яз. опускаетъ *з*, именно: *кривавой* (*krywawej.*) хусты

(1388 г. Ак. отн. до ист. Зап. Р. I № 9), криви (*krwi*) не розливъ (*ib*), сесь листъ нашъ маєть търывати (*trwać*) вѣчно (грам. пис. въ Луцкѣ 1438, *ib* № 37), речъ тривала (*rzecz trwała*, 1502, Ак. отн. къ ист. Ю и З. Р., № 37), тривожать (*trwoża*,) и тривога (*trwoga*) 1556—68, *ib* № 238). При *drływa* стоитъ Поль. *drwa*; при блыха—Поль. *pchła*, произшедшее безъ сомнѣнія изъ *błcha*; ср. также *drgać*, *drżeć*, *krszyć*, *brwi* (отъ *brew*) и *czarnobrwy* съ соотвѣтственными Мр. словами. Сравненія эти заставляютъ думать, что Мр. тривати и пр. суть не самостоятельный отклоненія отъ обще-руссскаго правила, по коему должно бы быть *o* или *e* послѣ плавнаго звука (тровати или тревати, какъ дрова или крест), а лишь приспособленія Польскихъ словъ къ Мало-русскому произношенію. Галиц. лижка и лижга я считаю теперь тоже явлеиемъ не самостоятельнымъ, а прямымъ заимствованіемъ съ Пол. *łyżka*. Быть можетъ Укр. *лиhatи*, въ особенности, если оно гдѣ либо произносится съ г=лат. *g*, есть искаженіе Пол. *łykać*, глотать, какъ Мр. дригати (съ г=лат. *g*) именно въ силу этого есть заимствованіе съ Пол. *drygać* (при *drgać*). Впрочемъ не могу утверждать, чтобы и Мр. *одлина* (оттепель) было заимствовано, такъ какъ соотвѣтственныя Пол. слова не опускаютъ *z*, а замѣняютъ его посредствомъ *i*: *odwilż*, *wilgoć*.

2) Въ томъ же Галицкомъ говорѣ, въ коемъ слышится дрива, блыха и лыжка, по свидѣтельству Я. Ф. Головацкаго, говорятъ: кертице, кертовина (крот—), кервавый, тервати (съ *e* вм. *ь*) и рь-стити (*krzcić*, крестить), вы-рь-ста (ср. Пол. *prze-krzta*) водо—р—щи (водохреши), вр—х; въ Карпатскомъ—христити, выхрьста, водохрьщи връх, трьвати. Въ этомъ послѣднемъ говорѣ даже при другихъ согласныхъ, кроме *r*, слышенъ глухой звукъ: дънь, пънь или днь, пнь (Головац. «Розправа о языцѣ Южно-руssскомъ», 50). Вагилевичъ, не опредѣляя, гдѣ именно, говорить, что часто можно услышать: въкъ, гърло, дърва, кървавый, дънь, но приказы-

ваетъ читать эти слова какъ вівк, hірло, дірва, кірявый, дінь (Gram. 177). См. также два свидѣтельства о глухихъ звукахъ въ говорахъ Бойковъ и Лемковъ въ моей статьѣ сгр. 153, 155. Несомнѣно, что въ этихъ говорахъ глухой звукъ (какъ бы онъ ни произносился) и е (тамъ гдѣ другіе русск. говоры требуютъ о изъ з) не со-ставляютъ правила, а суть скорѣе исключенія, и какъ такія легко могутъ быть заимствованіями или туземными приспособленіями не русскаго произношенія. Въ Галицкой грам. 1409 (Ак. отн. къ И. Ю—З. Р. I)—«поло-вину дѣдьнины Тристяньцы—это написаніе можетъ соотвѣтствовать не только Польскому произношенію безъ ѿ (trzcinia) но и нынѣшнему произношенію Лемковъ удер-живающихъ ѿ: тр—стина, Трстяна (село).

Во многихъ сѣверно-велико-русскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка конечные глухіе звуки часто выражаются посредникомъ о, е; е встрѣчается даже тамъ, гдѣ въ Ст. сл. и др. Русск. ѿ на концѣ не писалось, хотя безъ сомнѣнія произносилось, именно послѣ й: отъць мое (г. е. мои—, мой; Паремейникъ 1271, Бул. Хр. 75), талантъ твоє (Прологъ Ю. Экз. по Рус. сп. XII в.; Карайд. Ю. Экз. 130). Эти конечные глухіе впослѣдствіи дѣй-ствительно замѣнились чистыми, и въ этомъ видѣ доны-нѣ сохранились въ нѣкоторыхъ Свр. говорахъ (см. моей статьи § 16). Въ нынѣшнихъ Ювр. и Мало-русскихъ го-ворахъ незамѣтно ничего подобнаго, за исключеніемъ обще-русскихъ именъ м. р., на о и Mr. оконч. 1 л. мн. настоящ. и повелит. на mo. Есть основаніе думать, что въ этихъ говорахъ потеряны конечные глухіе звуки еще въ XII в. или раньше. Такъ напр. въ Галицкомъ Ев. 1144, Матѳ. 25, 14—30, слова вѣрный и вѣрне (зв. п.) написаны безъ ѿ, что указываетъ или на опу-щеніе этого звука въ выговорѣ, или на весьма слабое его произношеніе; но слово вѣрны дважды написано съ ѿ, и это именно потому, что потеря конечнаго ѿ сдѣ-лала болѣе явственнымъ произношеніе ѿ во второмъ сло-гѣ, ставшемъ по строенію среднимъ. Хотя Мстиславово

Ба. (до 117) писано въ Новгородѣ, однакожъ въ этомъ согласно съ Галицкимъ: въ домѣ же мѣстѣ въ немъ дважды *вѣрни* (безъ *ь*) и дважды *вѣрнѣ* (Калайд., Год. Экз. 30; см. такое же разсужденіе о беззвучности з на концѣ въ Супрасл. рукоп. XI в. у Миклошича. Vergl. gr. 71-2). Однакожъ Срезневскій приводить одинъ случай замѣны конечнаго з посредствомъ о (разумо) въ вышеуказанныхъ поуч. Ефр. Сир., а во Львовской купчей 1400 (Ак. оти. дѣ И. Ю. и З. Р. I № 6) находимъ другой: пано Мичко Кудиковскій, пано Мацица, пано Яшко Мазоющанинъ. Въ той же купчей есть и другой признакъ, обыкновенный только въ памятн. Новгородскаго письма и въ нынѣшнихъ Сѣв. Бр. говорахъ, именно два з или ы (гасрест. два о или е) вместо одного глухаго или его замѣны при р, и между двумя согласными: *едо-
лосъ* (вм. въ дѣлѣ). Я думаю, что на случай, какъ разумо въ Южно-русскомъ памятникѣ, слѣдуетъ смотрѣть какъ на рѣдкій уже въ то время архаизмъ, или какъ на случайность.

Окончаніе —мо въ 1 л. мн. ч. наст.. и повел. свойственно всѣмъ Mr. говорамъ, кроме говоровъ Бойковъ и Лемковъ, гдѣ по Словакци—це: співамо. Нахожу совершенно вѣрнымъ мнѣніе г. Максимовича (Новые письма о старобыт. Mr. нар. День 1863, 8), что этого *мо* недѣлѣя считать ни заимствованіемъ съ Сербскаго или Хорватскаго, имѣющіхъ тоже окончаніе, ни признакомъ особенно тѣснаго родства съ этими нарѣчіями. Съ другой стороны въ Mr. не вижу основаній преувеличивать степень родства Mr. нарѣчія съ Сѣв. Бр.: Въ нѣкоторыхъ говорахъ сего послѣдняго, именно въ Ситскомъ, оконч. 1 л. мн. наст.—мо есть слѣдствіе стремленія замѣнять ковческий звукъ з (основной, или произшедшій изъ е) посредствомъ о не только въ этомъ случаѣ, но и въ другихъ: то во 2-мъ л. ед.—мо (щь щи), въ 3-мъ мн.—мо, напр. идѣто, идѣмо, идуто; между тѣмъ въ Mr.—мо есть слѣдствіе болѣе частной недочинности звуковъ.

Въ Волынскомъ сп. поуч. Ефр. Сир.—*мо* встречает-
ся только въ повелит. накл. глаголовъ, въ коихъ харак-
теръ повелит. накл. слѣдуетъ за гласною: отрицаймо,
поразумѣймо, покаймося, не помышляймо, убоимося, не
послѣдуймо, работаймо, послушаймо (Срезнев. I. с. 49—
50); между тѣмъ въ томъ же памятникѣ (со включеніемъ
поуч. Зарубскаго черноризца) окончаніе 1 л. мн. наст.
есть *мы* и *мъ*: *есмы*, *идемы*, *творимы*, *упросимъ ся*,
узыщъмъ (= *омъ*). *Мы* кажется, что такое различеніе
не случайно. Въ совремѣнномъ Mr. окончаніе—*мо* необ-
ходимо только послѣ стеченія согласныхъ, а послѣ одной
согласной можетъ стоять или *мо*, или—*м*, смотря по
требованію уха: необходимо даймо, поїдьмо; произволь-
но— хбдимо и хбдим, ходимо и ходим. Если бы въ даймо,
знаимо и не сократилось въ *j*, то эти формы могли бы
безслѣдно потерять конечный з и существовали бы те-
перь въ видѣ дајим, знајим. Согласно стъ этимъ слѣдуетъ
полагать, что и въ Волынскомъ пам. XIII в.—*мо* въ
работаймо вызвано тоже стечениемъ согласныхъ, т. е.
тѣмъ, что и произносилось уже какъ *j*, между тѣмъ какъ
въ узыщъмъ (= *омъ*) конечный глухой звукъ уже вовсе
не произнеслся. Это *мо*, стало быть, не есть непо-
средственная замѣна основной формы—*ма* (с), а предпо-
лагаетъ обще-русскую и обще-славянскую форму оконч. 1 л.
мн. ч.—*мъ*;—*мо* вызвано фонетическою необходимостью,
именно стечениемъ согласныхъ *jm*, въ то время, когда
конечные глухіе звуки стали исчезать, и уже впослѣдствіи
распространилось и на тѣ случаи, где этой необходимости
не было. Было ли въ Южно-русскомъ въ XIII ст. и
раньше окончаніе *мо* послѣ гласныхъ, это вопросъ. Г.
Прыжовъ (Мало-россія въ истор. ея литерат. Фил. Зап.
1869, 1, 7), которому почему то кажется, что въ Галиц.
Ев. 1144 г. слова *ськыра*, *тихению*, *свѧжъте*, *убои-
никъ* суть Mr. признаки, за такіе же признаки считаетъ
и приводимые имъ оттуда же слова *сыметаемо* (зіс) *на-
рицаємо*. Вѣроятно онъ принимаетъ ихъ за 1 л. ин.
наст. иначе что же въ нихъ Мало-руссаго? но я

тщетно ищу окончанія *мо* для 1 л. мн. наст. въ описанихъ этого Еванг. и выпискахъ изъ него у Кадайовича (Цо. Экз.), Горского и Невоструева, Буслаева (Матер. и Христ.). Въ Христ. Буслаева точно есть «вымѣтаемо» (42) нарицаемо (48), но это причастія среднаго р., а не настоящія времена.

Оконч.—*мо* послѣ гласныхъ встрѣтилось мнѣ впервые въ грам. Ягайла 1388 (Ак. отн. къ Ист. Зап. Р. № 6); чинимо, слюбуемо, имъемо (и отдамы, имаемы). Гесмо встрѣчается раньше (напр. въ грам. Подольского кн. Александра 1375, Срезн. Др. пам. Русск. письма 265); въ немъ согласно съ вышесказаннымъ, нѣть основанія считать — *мо* болѣе позднимъ относительно *о*, чѣмъ такое же окончаніе въ поведил. послѣ согласныхъ.

Почему въ Волынскомъ «сп. Ефр. Сир. въ вышеприведенныхъ примѣтрахъ 1 л. мн. пов. не употреблено окончаніе *мы*, употребительное тамъ же для 1 л. мн. наст. вр., на это отвѣтить трудно. Ясно, что это — *мы* не можетъ быть объясняемо, какъ *мо*, одними фонетическими требованіями; оно возстановляеть смыслъ оконч. 1 л. мн. наст. *мѣ*, отождествляя его съ раздѣльнымъ мѣстоим. *мы*. Для Mr. нарѣчія оконч. *мы* вовсе не характеристично: оно встрѣчается и въ Ю. Р. и въ Сѣверно-русск. пам., напр. въ Новг. лѣт. есмы, (27 и др.) не вѣмы (39, 29). Въ Ипат. со. лѣт.—*мы* столь же употребительно въ пов. накл., какъ и въ наст. вр. напр. поѣдемы (54, 38) и поѣдмы (ib. 55), сами ся урядимъ, а крови хрестьянъскы не пролеймы (61, 25, вм.—лѣймы; относительно жъ въ этомъ гл. см. Mikl. Vergl. gr. III, § 238). Нынѣшнимъ Mr. говорамъ это окончаніе не свойственно. Употребление его въ Зап. Русск. грам. могло поддерживаться влияниемъ Польск. языка и въ такое время, когда въ народномъ Русск. языке этого окончанія уже не было.

Окончаніе 1 л. мн. наст. *ме* (напр. въ грамотѣ Рижанъ, къ Витеб. князю, около 1300 г., Русско-Лив. Ак. № 49, рядомъ съ недамы, продамы; въ гр. Витовта 1398, рядомъ съ есмо, ib. № 122; въ догов. гр. Дмитр,

Ивановича. 1368, Соб. Гос. гр. I, № 28; въ Новг. I л. при есмы, напр. 28, 1; 43, 21; въ Ипат. лѣт. напр. 31) держится въ стариныхъ памятникахъ почти исключительно слова есме. Я замѣтилъ только одинъ случай употребленія этого окончанія въ другомъ глаголѣ: кръви не проливаемъ (=не, Новг. I, 34, 30; по Ак. сп.—«не продиваемъ» съ позднѣйшою замѣною повелительного формою настоящаго. Быть можетъ, это—ме и возникло именно въ гл. существительномъ, изъ мъ, вслѣдствіе ошибочнаго перенесенія оконч. мъ на 1-е л. множ. ч. Не сомнѣнно, что въ этомъ гл. окончанія 1 л. ед. и 1 л. мн. смѣшивались, то есть ставилось есмъ вм. есмы и наоборотъ (напр. «мы съ тобою готови есмъ», Ип. лѣт. 23; тому есмъ радъ, Новг. I, 37, 24, рядомъ съ правильнымъ употребленіемъ), есми не только въ значеніи 1 л. ед. ч., где ми есть древнѣйшая основная форма этого окончанія, но и въ значеніи 1 л. мн. ч., что не можетъ быть оправдано: если цѣловали, Ип. 25, 3; если взяли ів 30; если поѣхали ів. 43; кончали есми (1485, Ак. Юр. 82) и такъ въ Вр. пам. до XVII в. включительно: у Авраамія Палицына—готови есми (Бул. Хр. 1017). есми вм. есмъ рядомъ съ этой послѣднею формою, или выѣснивши ее, тоже обыкновенно не только въ Вр. памят. до XVII в. включительно, но и въ Mr. того же времени. Впрочемъ въ Вр. пам. XV—XVII въ большинствѣ случаевъ отличается 1 л. ед. если отъ 1 л. м. есмы; послѣдняя форма—изъ есме, какъ Вр. же есть изъ есте.

—Къ § 28, 3. Для характеристики Mr. говорѣть было бы полезно перечисленіе а) Mr. словъ, въ коихъ—бѣглай гласная, между тѣмъ какъ въ В.—русскихъ говорахъ всѣхъ или нѣкоторыхъ—гласная постоянная, напр. безъ зву к нам въ Іості навъязався» (Котляр.), отъ зов; зве (3 л. ед.)—зоветь; б) Mr. словъ съ гласною постоянную при В.-русской бѣглой, напр. лён, лёну—сон, сону (апетопе); в) Mr. словъ съ бѣглою гласною при совершенномъ отсутствїи гласной въ Вр., напр. рубель, рубля; слово это въ значеніи серебрянаго рубля

встрѣтилось въ этой формѣ въ Южно-русской, по языку, грамотѣ Александра господаря Молдавскаго, 1407: одинъ рубель серебра (Ак. отн. къ Ист. Зап. Р. I, № 21); г) случаевъ, гдѣ относительно бѣглости или постоянства гласной замѣнившей ъ, ь, или вставной, въ Русск. говоры сходны между собою. Относительно полное перечисленіе такихъ словъ, невозможное безъ хорошаго Мало-русскаго словаря, котораго нѣтъ, обнаружило бы нѣкоторыя довольно важныя различія въ эвфоническихъ стремленіяхъ Русскихъ говоровъ.

— Къ § 28, 2. Въ своей статьѣ я, согласно съ мнѣніемъ г. Лавровскаго (Обзоръ замѣч. особенностей нар. Mr. 1314. Ж. М. Н. Пр. 1859. 6), объясняю появленіе звуковъ и, а въ началѣ словъ, въ коихъ въ Др. Русск. за первую согласную слѣдовать глухой звукъ, перестановкою этого глухаго и его замѣною чистымъ. Теперь я нахожу это объясненіе ошибочнымъ. Есть слова въ Br. и Mr., изъ коихъ иные даже показаны въ моей статьѣ, въ коихъ прибавочный начальный звукъ вовсе не предполагаетъ въ древнемъ языке глухого слѣдующаго за первою согласной. напр. иняти (ияти, яти), исимъ (симъ, твор. ед.). Изъ этихъ примѣровъ видно, что приставная гласная не всегда стоитъ передъ стечениемъ согласныхъ. Согласно съ этимъ, отношеніе формъ юла, рѣжа къ мѣла, рѣжа можетъ представляться двояко: или появление начальной гласной вызвано исчезновеніемъ ъ, въ и происшедшими отсюда стечениемъ согласныхъ или же начальная гласная явилась еще при существованіи глухихъ, а стеченіе согласныхъ образовалось уже послѣ. На возможность этого послѣдняго случая, т. е. предполагаемой формы и-мъ-гла (3 слога) указываетъ не столько то, что такое полногласие дѣйствительно возврѣтается (исъпрѣчуть, оръжаные см. ниже) сколько тѣ случаи, въ коихъ глухой звукъ, правильно замѣненъ чистымъ и кроме этого въ началѣ прибавлеца гласная, напр. Mr. ѿшов (шыль), ѿзо мною (съ мною). Въ обоихъ случаяхъ начальный гласный звукъ, какой бы онъ ни былъ

(и, о или а) слѣдуетъ назвать неорганичнымъ, конечно, не въ смыслѣ лишняго, а въ смыслѣ такого, который не возникъ непосредственно изъ другаго. На противъ, въ Серб. р—ча (два слога) и т. п. глухой звукъ, слышимый передъ р, выражаемый нѣкоторыми пишущими латинскими буквами посредствомъ а и е, но вовсе не тождественный съ чистымъ а, е, не есть эвфоническая приставка, и непосредственно примыкаетъ къ з, которое нѣкогда и слышалось и писалось послѣ р.

Въ западныхъ и южныхъ Русск. памятникахъ эвфоническое и встречается уже въ XIV в: въ договорѣ Гедиминовичей и другихъ князей съ кор. Казимиромъ, 1340 г.—исъ королемъ, ислюбумъ (Ак. отн. къ И. З. Р. I, № 1); въ жалов. грам. Подольск. кн. Александра Корятовича Смотрицкому монастырю, 1375—кого коли исъпрячуть людии къ собѣ... (Срезнв. Др. пам. Русск. письма 265; въ Ак. отн. къ И. З. Р. I № 4—испрячуть, безъ з); во Львовской купчей 1400 г. воевода Ильзовский (Ак. отн. къ И. Ю и З. Р. I, № 6); въ гр. Александра Господаря Молдавскаго, 1407 г. чинимъ знаменито исимъ нашимъ листомъ, Ильзовскаго мѣста, до Ильзова (ib въ Лвовѣ), па искладѣ, изнайдуть (Ак. отн. къ И. З. Р. I № 21); въ записи Киево-Печерскому монастырю 1486—изъ своею женою, изъ нашими дѣтьми (ib № 86); въ договорѣ Полочанъ съ Рижанами 1407—у Полоцку искладѣ вчинили; а тотъ искладѣ (вар. складѣ) держати; послати свои колоколы и скалвы (вѣсы) къ Полоцьку на свою истраву (=страву, иждивеніе) (Русск. Ливон. Акты № 164). Даже въ договорѣ Новагорода съ Ив. Вас. 1471, читаемъ: тому вамъ вѣры не иняти (С. Г. Гр. и Дог. I, № 20) между тѣмъ какъ въ прежнихъ Новгородскихъ грам. того же содержанія, въ той же формулы стоитъ обыкновенно «вѣры не яти», да и въ той же грамотѣ 1471 нѣсколько ниже—«не яти». Это иниати въ Новг. грам. не удивительно, такъ какъ и теперь эвфонич. и въ началѣ свойственно не только Мало-русскимъ, но и Велико-русск. говорамъ, между прочимъ

смежныиъ съ Новгородскими говорами Псковской и Тверской губ.

Въ нынѣшнемъ Мр. эвф. *и* или *и* въ ѹшов (шоль) не присемѣсто: формы какъ пошов, коща (а не пойщов) встрѣчаются въ образцахъ яз. Пружан. Бѣльск. Брест. Кобрин. Кролевецк. у., а вѣроятно и въ промежуточныхъ Мало-русескихъ мѣстностяхъ Минской и Черниговской губ. Въ этомъ не видно никакого заимствованія, тѣмъ болѣе что въ сосѣднихъ Бѣло-руssк. говорахъ слышится не пашов, а пайшов.

Проф. Буслаевъ (Граи. § 30, прим. 4; Христом. 614) въ выраженіяхъ «Ярославна рано плачетъ (=ъ) въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: о вѣтрѣ (=е)» и др. под. въ Сл. о П. И. считаетъ «аркучи» за одно слово ркучи (говоря), съ приставочнымъ *а*, какъ въ Вр. авчера и т. п. Тоже повторилъ проф. Тихонравовъ (Сл. о П. Иг. 25). Такъ и я въ своей статьѣ о звукахъ (стр. 97) сравнивалъ относительно начального *а* это аркучи съ Пек. Тв. иркатъ; оратъ, кричать; теперь миѣ совершиенно ясно, что это два слова: «а (союзъ) ркучи» (=ркучи), принятая за одно и написанная слитно, потому что съ точки зрѣнія современного языка такое употребленіе союза *а* кажется непонятнымъ плеоназомъ. Въ древнемъ Русскомъ оно обыкновенно: Пльсковици взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивъше, *а* рекуче: «то вы, а то Новгородцы, а намъ не надобъ» (Новг. I, 43, 14); Котянъ съ князи Полоцьцкими... одариша князь Русьскыхъ, *а* рекуче тако: «нашию землю днесъ отъали, а ваша заутро взята будетъ» (ib 40, 1); се биль челомъ... а ркучи танъ:... (Акты Юр. 1, 3 и др., XV вѣка); оже хочетъ истьчь, или (=и если) иметь й (обвиненнаго холопомъ, а не свободнымъ послухомъ) *а* река тако: «по сего речи (=рѣчи) юмлю тя, нъ азъ юмлю тя, а не холопъ,» и юмете (=юмлите или имѣте, =то возьмите) и на жельзо (Русск. Пр. по Син. сп. XIII в., Русск. Дост. I, 53); приведе пѣлки изъ Переяславля, *а* река (по Ак. си. а ркучи) тако: «хочю ити на Ригу»

(Новг. I 43, 10); князь на съезде зоветъ па Ригу, а шотл ити на Шльковъ (ib 43, 17.) Невозможно отвергать сходства этихъ а рекучи, а рекучи, а река, а река, а хотя съ а ркучи (т. е. а ркучи) слова о Полку Иг. и невозможно видѣть эвфонич. приставку въ знаменательномъ союзѣ. Не вдаваясь въ объясненія употребленія союза *a* въ этихъ случаихъ, замѣчу только, что оно сходно съ *и* въ такихъ обычныхъ выраженіяхъ, какъ напр. «заутра въставъ *i* рече» (Лавр. лѣт. 4).

Въ Южно-велико-русскихъ говорахъ эвфоническое *a* (авторникъ, аржаной) произошло изъ *o* неударяемаго, по общему правилу (авторникъ; высеки оръжаные, Домострой), по Коншинск. сп. изд. Голохваст. 73). Подъ ударениемъ это *o* остается неизмѣннымъ, напр. *Ориша*, старинное *Ръша*, напр. вся Вачьславъ Ръши. Ипат. л. 7, 15. Въ Мало-русск. находимъ только о приставное, а не *a*, въ слѣдующихъ словахъ: *Оржиця* (притокъ Сулы; вѣроятно изъ Ръжица); *Овруч* (еще въ полов. XVI в.—*Овручий*, напр. Акт. от. къ И. Ю. и З. Р. I, № 238; какъ теперь Гадач и Гадачий; въ древ. Русск. *Вручий*, напр. Лавр. лѣт. 32); *орела*, качель; Бр. рель, па рлиц основ. форма рель; въ Брест. у. Гродн. губ. слышится «родина» не *есенька* (уменьш. отъ вся, Сб. пам. народ. творч. СВЗ. кр. I, 200), съ чѣмъ сравнимъ выраженіе грамоты 1457, писанной въ Вильнѣ: «будуть вольни османѣкы (всѣ) и выяты» (Акт. от. до И. З. Р. I № 61), гдѣ-акромъ начального *o*, замѣтимъ измѣненіе *и*: послѣ гласной въ *j*, какъ теперь въ Карпатскомъ говорѣ *i*, кажется, мѣстами въ Гродн. губ.; въ той же грамотѣ есть и эвфонич. *ii*: «для лѣщаго исчастія набытья»; *оселедецъ* (сельдь); Галиц. *орів* (ровъ; Вагилевичъ, Граммат. VII). Мне кажется, что *i* въ четырехъ слѣдующихъ словахъ начальное *o* есть эвфонич. приставка, а не предлогъ: *оселедица* (насть;ср. «облакы, воды, снѣгъ, эжидица» въ Жит. святы 1529. г. Востоковъ, Словарь яз. в.); оба-лонне: у Вільбові на *оболоні* (наї?); стайл *Иасъ іврае*, *копъе* вихае, *Метлинъ*; 334, *Остеръ*, съ чѣмъср. егор,

Русск. болонъв, напр. въ Ипат. лѣт. 89, 39: «сташа на болоны (по Ери. сп. XVIII в. на оболонѣ) въ лозахъ» (*). Польс. błońie, лугъ, Чеш. blana (съ корот. в), лугъ, открытое поле, выгонъ; оболона, въ значеніи омоничаго стекла—уже въ Волын. инвентаряхъ XV—XVI в. Бр. болона, болонь, заболонь (см. Даля Сл.), Пол. błona, Чеш. blána (а долгое), плева и пр.; омолонка, прорубь б. и, собственно—место очищенное отъ льда, Чеш. plano открытое поле, вырубленный лѣсъ. Вероятно въ Мр. найдутся слова, въ коихъ въ разныхъ мѣстностяхъ или даже въ одной и той же ставится въ началѣ то эвф. о, то и (i). Если нынѣ Малороссіяне произносятъ только *Ильтица* (Максимовича Нов. письма; осн. форма Лътица), то безъ сомній туземно и не заимствовано и другое название этой рѣчки Олто (напр. Ипат. Л. 43, 11, поистота въ Олто, а по Ери. позднему сп. въ Альту) при основной формѣ Лъто.

— Къ § 29 и слѣд. Объ измѣненіи звуковъ о, е, ѿ, у, ю и пр. Г. Новицкій въ 4 § своей программы спрашиваетъ: «какъ произносится о, если на него опирается слѣдующая согласная?» Вопросъ сдишкомъ узокъ: во первыхъ, измѣненію основнаго о обыкновенно соответствуетъ зависимое отъ тѣхъ же условій измѣнение основнаго е (нюос, нюс, ніс—несла), о коемъ въ програмѣ вовсе не упомянуто; во вторыхъ, о и е измѣняются характеристичными для Мр. говоровъ образомъ не только тамъ, гдѣ они, «опираются» на слѣдующую согласную, но и тамъ гдѣ они ни на что не опираются, т. е. не только въ слогахъ обратныхъ и среднихъ, но и въ прямыхъ: ну—женъка, ні—женъка.

Къ перечисленію случаевъ измѣненія о, е и ихъ неизмѣнности я въ настоящее время не могу ничего прибавить. Замѣчу только, что наблюденія, проливающія

(*) Т. е. безъ сомній, въ тальниѣ, а не «въ виноградныхъ садахъ». (Древности, т. II, вип. I, Матеріали для Археолож. слов, болонье.)

свѣтъ на это явленіе (въ коемъ г. Максимовичъ не усматривалъ ничего, кроме разнообразія, произвольности и вѣроятнаго, по его мнѣнію, заимствованія отъ Полабскихъ Славянъ, Ист. Др. Русск. Слов. Киевъ 1839, 115), сдѣланы, сколько извѣстно, впервые Ив. Вагилевичъ (его Grammałyka języka Małoruskiego w Galicji, Lwów, 1845, стр. IX и 175) и Я. Ф. Головацкій (Грамм. Русск. яз. Львовъ 1849 § 32 и слѣд.) Наблюденія эти суть: о, е изъ з, ѣ, а равно и въ словахъ полногласныхъ по общему правилу неизмѣнны; измѣняемость о, е основныхъ зависитъ отъ качества слога.—Къ какимъ объясненіямъ Mr. перехода звуковъ о, е ведутъ эти наблюденія, это показано въ 34 § моей статьи.

Мало-русское нарѣчіе, принимаемое въ смыслѣ совокупности Мало-русскихъ или точнѣ, Южно-русскихъ говоровъ, характеризуется не столько тѣмъ, во что измѣняются звуки о и е (такихъ измѣненій этихъ звуковъ извѣстно не менѣе восьми, изъ коихъ по крайней мѣрѣ пять есть и въ другихъ слов. нарѣчіяхъ), сколько сходствомъ или единствою условій этихъ измѣненій и ихъ исходною точкой.

Древнѣшняя форма Mr. измѣненій звуковъ о, е, встрѣчаемая въ памятникахъ, есть у, ю. Памятники эти восходятъ къ XIV вѣку. Пожалуй, въ жалованной грамотѣ Галицкаго кн. Льва Даниловича Спасскому монастырю, 1293 (Головацкій, Христоматія. Вѣна 1854, 315, гдѣ эта Грам. перепечатана пзъ Грам. яз. Рус. Левицкаго, Перем. 1834) встрѣчаемъ: «владыце нашему... и по июмъ будучимъ епископомъ»; но подлинность этой грамоты, равно и другой того же князя 1302 (ib 316), сомнительна, почему онѣ и не упомяты въ Др. пам. Русск. письма и языка, Срезневскаго.

Въ записи на имѣніе въ Червоной Руси, писанной «у Вышни» 1393 (Ак. отн. къ И. Ю. и З. Р. I, № 3, со списка, доставленнаго г. Зубрицкимъ), находимъ «шисть» (шесть). Въ грам. Бенка, старосты Галицкаго и Снятинскаго, писанной въ Коломыи 1398 (изд. въ снимкѣ

и спискѣ въ Др. пам. Р. письма, и яз. Срецин. и въ спискѣ, не совсѣмъ точномъ—въ Ак. отп. до И. Ю. и З. Р. I, № 3), по чтенію И. И. Срециневскаго: «перед кымъ будеть (въ снимкѣ—будеть) членъ», «свои женѣ», «на своемъ селѣ», «на свою вотчинѣ». Въ Ак. отп. до И. Ю. и З. Р. знакъ ю въ этой грамотѣ прочтены за ю (=ё): членъ, на своемъ селѣ, на своей вотчинѣ (въ спискѣ очевидно «вотчинѣ»), своей женѣ (въ снимкѣ—свои). Въ Львовской купчай 1400 г. (Ак. отп. до И. Ю. З. Р. I, № 6): «передъ кымъ коли буде тъть листъ членъ», «продалъ за 30 копъ Русыхъ безо дву купу и за кунь.» О «членъ» въ этихъ двухъ грамотахъ замѣчу, что такого измѣненія е въ причастіяхъ страд, на—енъ въ современныхъ говорахъ я не встрѣчалъ: обыкновенны на западѣ только прич. въ опредѣленной формѣ па—ёный, оный (ёны,—оны); но ю изъ е встрѣтилось въ загадкѣ, записанной въ Кобрин. у. въ сходномъ суп. енъ прилагательного черлюн (изъ черлён, чырвенъ); въ этой формѣ прилагат. это есть или было и въ Галиції какъ видно изъ фамиліи Черлюн-чак-евич. Говорится ли гдѣ либо теперь членъ? Въ гр. 1400 г. у въ «дву купу» (вм. копу) мнѣ совершенно не понятно и похоже на ошибку. Въ Правой грам. выданной Петрашемъ, Старостою Галицкимъ 1401 или 1431 (Ак. отп. къ И. Ю и З. Р. № 8): «подъ Божьимъ нарожинемъ.» Въ заемномъ письмѣ, писанномъ во Львовѣ 1421 (ib. № 14): «ишаю дати ту (а не то?) сто купъ... а пакъ ли бы панъ Васко не (от) далъ тѣхъ ста купъ... отъ себѣ матки Божьей у рука, тогда... Въ Кобрин. грам. 1479 (по списку въ метрикѣ Литов. ib № 228): «покиль живъ.» Въ Слуцкой грам. 1493—4 (съ подлинника, ib № 232): отсюль, оттуль и отоль. Въ Луцкомъ актѣ 1596 (Русск. Бес. 1857, 3): отъкуль, на туи же слѣду. Ю въ отсюль произошло изъ е и есть исключительно Mr. явленіе; но у въ—куль,—туль, хотя могло образоваться изъ о, по Малорусски, однако могло произойти и другимъ путемъ, такъ какъ распросраненіе этихъ формъ шире пре-

дъловъ Mr. парѣнія: *мокуль* обыкновенно въ Зап. Русск. грам. XV (напр. Ак. Ю. и З. Р. I, № 31); оттудь—въ записи 1479 о Ржевской дани, памятникъ не Мало-русскомъ (Ак. отн. до И. З. Р. I № 71); и теперь—*куль*,—тутъ есть въ Велико-русскихъ мѣстностяхъ.

Свидѣтельство памятниковъ, однако, не доказываетъ, что написанная въ нихъ форма Mr. измѣненій о, е есть точно древиѣшняя. Напротивъ есть основанія думать, что въ Mr. о, е первоначально перешли въ двоегласныя.

Въ пынѣшихъ Mr. говорахъ замѣчаемъ слѣдующее:
а) Въ Заблудовскомъ (Бѣлостоц. у. Грод. губ.) о=уб (вубъз, одинъ слогъ) и е=юб (одинъ слогъ: вյюза—везла). б) г. Аѳанасьевъ Чужбинскій (Mr. Словарь въ Матер. для сравнит. слов. и гр. т III) свидѣтельствуетъ, что о=уб и въ Черниговской губ: бубб, буор, вубъз, вубъл и пр. Къ сожалѣнію, онъ счелъ излишнимъ сообщить, какую мѣстность Чернигов. губ. онъ разумѣеть. Извѣстно, что въ Черн. губ. есть не только Mr. говоры довольно различные между собою, но и Южно-великорусские. Но, нѣкоторымъ примѣтамъ осмѣдываюсь думать, что дialectологическая свѣдѣнія г. Аѳанасьева—Чужбинскаго, добыты не изъ непосредственныхъ наблюдений, а изъ собственной головы, на основаніи немногихъ данныхъ. Такъ напр. сомнительна форма *вувона* (Укр. вовна, основ. форма въла, шерсть), а еще сомнительнѣе *вичаруовна* (первое о=i, второе=уо). Двоегласную юб (уо послѣ согласныхъ несмягчаемыхъ, напр. вечуор, жуонка) находимъ у г. Аѳ. и въ *верюовка* (Укр. верёвка), между тѣмъ тамъ слѣдуетъ ожидать неизмѣннаго ё (изъ е бѣлаго, вставного; которое приравнено языкомъ къ е изъ т) или, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ коихъ, какъ въ Сосниц. и Козелец. у. р. твердо,—о (*веровка*). При *загніт*, род. загнету выставленна Черн. форма загнітет, изъ коей видно, что въ основаніи ея лежитъ форма съ т: гнѣт; между тѣмъ два приводимы въ словарѣ значенія этого слова (1-е то, чѣмъ придавливаютъ дощечки въ кадкахъ съ соленемъ и т. п.; 2-е подрумніваніе хлѣба), предполагаютъ двѣ различныя

формы: 1-му значению соответствует осн. форма *иаетъ*, въ коей е должно бы перейти черезъ ё въ ю, ю и т. д. второму—осн. форма *гнѣтъ* (гнѣти, ассендерег). При *затѣтывать* (отъ шептати) выставлена Черн. форма *затѣуптавать*, изъ коей видно, якобы і (и) въ Укр. формы драиваша изъ е черезъ о; но въ другихъ таихъ же глаголахъ, какъ и слѣдуетъ, Укр. і принято за произошедшее не изъ о (геср. ё), а изъ ю, правильного усиления основнаго е: такъ при Укр. *затѣсывать* (тѣс—изъ тес), *зачисовать* (чес—) выставлены Черн. формы *затѣсавать*, *зачисавать*, а не *зачусавать*. При Укр. *жмієнка* (отъ *жмієння*) выставлено Черн. *ожмієнка*, и здѣсь точно нельзя ожидать ни ё, ни ю, ю изъ е, потому что слѣдуетъ мягкая согласная, и можетъ быть только сомнѣніе относительно того, дѣйствительно ли въ Черн. стоитъ іе (и ё)и или же другой подобный звукъ: въ *сусідії* г. Ае. при таихъ же условіяхъ ставить і (и). Объ этомъ іе будетъ рѣчь ниже. Какъ бы то ни было, пока нѣть оснований утверждать, что ни въ одномъ изъ Мр. говоровъ Черниговской губ. нѣтъ ю, ю (изъ о, е), существованіе коихъ въ Заблудов. говорѣ не подлежитъ сомнѣнію.

в) Въ Черниговскомъ говорѣ (т. о. около Чернигова, или во всемъ уѣздѣ?), по показанію г. Новицкаго (программ. § 4) «о переходитъ въ особенный *глухой* звукъ, выражаемый, хотя и не совсѣмъ точно, буквами уы: луы, вуыс, туылько, суыль, дуыль.» Относительно эпитета *глухой* замѣчу, что мы привыкли называть глухими звуки подобные древнимъ з, ѣ, и существующіе и теперь въ разныхъ Слав. нарѣчіяхъ, звуки, которые никогда не бывають двоегласными; избѣгая смѣщенія понятій, звуки двоегласныхъ, каковы очевидно уы, не будемъ называть глухими, какъ бы трудно они ни улавливались ухомъ. Каково измѣненіе е, соответствующее измѣненію о въ уы, этого г. Новицкій не сообщаетъ. г) Въ Сосницкомъ у. Черн. губ. г. Кулишъ замѣтилъ уе (уэ) изъ о: вуе; другой наблюдатель таинъ же этого не замѣтилъ, о чёмъ см. въ прилож. къ этой статьѣ, д) Г. Срез-

невскій (Мысли объ яз. Р. яз. 56) упоминаетъ о произношениі гдѣ-то въ Мр. нар. *о* за *уи* (=*yi*), *уат* буіг, *буаг*. Во всякомъ случаѣ такое произношеніе имѣетъ мѣсто или въ сѣверной полосѣ Мр. говорѣ, сосѣдней съ В.-русскими, или же за Карпатами. е) *у изъ о, ю изъ* съ замѣчаются въ Бѣлостоцкому говорѣ (изрѣдка, при *уо*, *юо*), въ уѣздахъ: Пружан. Бѣльск. Брест. Кобринскомъ Гродн. губ. въ Пинскомъ Минской, въ части Волынской губ. въ уѣздахъ Козелецкомъ, Сосницкомъ (см. прилож.) и Кролевецкомъ Черниг. губ. Это произношеніе идетъ тоже полосою отъ запада на востокъ, южнѣе произношенія двоегласнаго. Съ другой стороны *у изъ о* слышится въ округѣ Сатмарскомъ и Бережскомъ, (Срезнев. Мысли объ И. Р. яз. 56; его же статьи Русь Угорская, отрывокъ изъ опыта географіи Русского яз. въ Вѣст. Имп. Русск. Географ. Общ. 1851. ч. II; я не имѣлъ подъ руками; Mikl. V. Gr. I, 344). ж) Въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Брестскомъ при *у изъ о* встрѣчается и *ю изъ* того же *о*: *рюдний*. Вѣроятно это *ю* произносится здѣсь нѣсколько иначе, чѣмъ въ люблю. Кажется, нѣчто подобное слышится и въ Угорщинѣ. Вагилевичъ (Gram. ХХ) говоритъ, что *у Гуцудовъ* въ горахъ округовъ Станиславовскаго и Коломыйскаго и въ Буковинѣ произносятъ *борлюг* (Укр. берліг, Черниг. (по Аванасьеву) берлуог), гдѣ *ю изъ о*. з) Произношеніе *о за и* среднѣе (близкое къ *ы*) тоже идетъ двумя полосами. Г: Новицкій находитъ его въ говорѣ Нѣжинско-Переяславскомъ, что, быть можетъ, не совсѣмъ вѣрно: *лий, ис, сия*. Оно же встрѣчается въ Брест. *у*. рядомъ съ *у* и съ *о*: *ридиний*. Съ другой стороны этимъ произношеніемъ отличается, по Головацкому, говорѣ Карпатскому (по обоимъ склонамъ Карпатъ отъ Попрада до верховьевъ Быстрицы и Тисы). Между прочимъ у Лемковъ въ *кѣнь*, *мѣг* (=*кинь*, *миг*) гласная явственно отличается отъ *i* въ *тїнь*, *мїх* (см. въ моей статьѣ стр. 155). и) *о=i*, не смягчающему предыдущей согласной (почему пишутъ *л'їй*, *н'їс* и можно бы писать *л'їй*), свойственно, по Г: Новицкому, говорамъ Кіевскому и Восточному Подоль.

скому, а по Головацкому — говору Волынско-Подольскому (со включенiemъ части Галиції по лѣвую сторону Середа и по обѣ стороны Буга), который отождествляется имъ съ Украинскимъ (Розправа и пр. 48). i) Наконецъ і (изъ о) смячающее предыдущую согласную, подеравшее всякий сѣдъ своего происхожденія, по Головацкому, свойственно говору Галицкому, (въ средней части Русской Галиції между говорами Карпатскимъ и Подольскимъ). По г. Новицкому тоже и въ западномъ Подольскомъ, Полтавскомъ и Харьковскомъ. Относительно двухъ послѣднихъ я сошлюсь однако на то, что иные и здѣсь различаются і въ нис (нос) отъ і въ ніс (несъ). Требуетъ изслѣдованія вопросъ: идетъ ли подоса съ оестрымъ і изъ о отъ Галицкаго говора на востокъ непрерывно, или же она прерывается гдѣ либо инымъ произношеніемъ.

Какъ ни исполны, а отчасти шапки эти свѣдѣнія, но изъ нихъ видно, что і изъ о (смячающее, или несмагчающее предыдущей гласной) свойственно срединнымъ говорамъ; къ чимъ прилегаютъ съ обѣихъ сторонъ говоры съ и изъ о: къ этимъ тоже съ двухъ сторонъ говоры съ у; окраинамъ области занимаемой Mr. нарѣчіемъ свойственно двоегласное произношеніе о (уо, уи и пр.). Понятно, что сказанное относится только къ мѣстностямъ издревле занятымъ Южно-русскимъ племенемъ. Мѣстности на востокѣ, хотя и крайніе отъ В.-русскихъ, какъ нѣкоторые уѣзды губ. Курской и Воронежской, но населенныя относительно недавно выходцами изъ срединныхъ мѣстностей Южной Руси, по говору, принадлежать къ срединнымъ. По всѣмъ соображеніямъ (см. въ моей статьѣ § 30, 1, 2 и 34) оказывается, что наиболѣе длинный путь пройденъ измѣненіями основнаго о въ срединныхъ говорахъ, гдѣ это о == і, а наиболѣе древнія формы этихъ измѣненій сохранены на окраинахъ. Нѣчто подобное замѣчается и въ измѣненіяхъ звука ѿ. Этой архаичности крайнихъ говоровъ нисколько не противорѣ-

чить то, что въ другихъ отношенияхъ они подверглись болѣе сильнымъ постороннимъ влияніямъ, чѣмъ средніе.

Миѣніе М. А. Максимовича (Ист. др. Р. сл. 112), что у за о «только изрѣдка бываетъ въ Южно-русскомъ произношніи, но гораздо болѣе въ языкѣ Бѣло-русскомъ» напр. «кунь, вул.» слѣдуетъ считать ошибочнымъ. Если не будемъ смиѳшивать ослабленія о неударяемаго въ *у*, имѣющаго мѣсто и въ Вр. и въ Mr. говорахъ (см. въ моей ст. § 19 въ 36, б) и составляющаго правило въ нѣкоторыхъ Болгарскихъ (голему чуду изъ големо чудо) съ измѣненіями основнаго о предполагающими его долготу, какоѣ измѣненіе о въ кунь—кояя (*); то увидимъ, что сего послѣдняго измѣненія, ни ему подобныхъ вовсе неѣть ни въ Бѣло-русскомъ, ни въ Велико-русскомъ вообще. Замѣчу одинъ случай, дающій поводъ думать, что Велико-русскому не совсѣмъ чуждо измѣненіе о въ и (i): *опричъ* при *опрочъ*. Кажется, эти слова, не смотря на тожество значенія, по происхожденію, различны. Въ Вр. памятникахъ XV вѣка при *опрочъ*, *опроче* (кор. *опрокъ*) находимъ не *опричъ*, а *оприсно*, *оприснъ*, откуда *опричній*, *опричинна*, съ *и* и изъ *съ*, какъ во *вчераинній* отъ *вчера—съ*. Такъ напр. въ грам. 1406, *опроче и опричинна* (С. г. гр. и дос. I, № 39); въ гр. 1410 (ib. № 40) даль... городецъ на Волзѣ *оприснъ мыта и тамги*; въ гр. 1434 (ib. № 54) «*опроче Углича пола*» и «*оприсно* *того села*». Возможно, что форма *опричъ* выведена яѣсколько позже этого времени, посредствомъ ошибочной этимологіи, или изъ *опричній*, *опричинна*, въ коихъ *и* принato за происшедшее изъ *и* (какъ въ яшвой-ячвый), а не изъ *съ*, согласно съ чѣмъ и пишется *опричинна*, *опричникъ*, или изъ *оприснъ*, *оприсно*, въ коемъ съпринato за происшедшее изъ *и* посредствомъ *и*, по выговору нынѣ свойственному нѣкоторымъ сѣверно велико-русскимъ говорамъ (см. въ моей ст. § 26, в.) такимъ

(*) И. И. Срезневский именно и сравниваетъ *серку* и *урагвей* (изъ моровей) съ *буг*—*бога*. (Мысли объ и. Р. яз. № 58).

образомъ, какъ ясной—изъ язычной; а это изъ язычной, язычный. На самомъ же дѣлѣ отриць—одного происхождения съ присъмъ и не имѣть связи съ прош.

— Въ Mr. *a* переходить въ *i* (тамъ же, где и овъ *i*, а не въ *u*, *ы* и пр.), сколько известно, въ одномъ только словѣ *край*, где оно въ значеніи предлога; да и тутъ чаще слышится *край*. Можно думать, что *i* возникло здѣсь черезъ посредство *o*, замѣтившаго, по случайной неправильности выговора, основное *a*. Въ *айд*, *айдкий* основной звукъ есть на *a*, какъ въ *айдкій*, а *ы*, которое въ Укр. и остается въ видѣ *и* средняго. Слова *рай* вм. *рай* (Лавровскій, Обзоръ замѣч. особ. нар. Mr. 7, Ж. М. Н. Пр. 1856, 6) мнѣ не случалось встрѣтить, а оно приведено безъ ссылки. Постоянно говорится *рай*, а *рой*=*рай*. Слова *вирій*, род. *виряя* никакимъ образомъ нельзя разложить на *вы* и *рай*; его болѣе древняя форма есть *ирий*, род. *ирия* (Лавр. лѣт. 101, 40), съ бѣглымъ *и* (какъ Юрий, Юрия), каковымъ никогда не бываетъ изъ *o*.

— Больше случаевъ перехода основнаго у въ *i*: въ Укр. говорѣ—огірок, заміж (но непремѣнно муж, мужа), діброва (въ Гродн. а вѣроятно и Черн. губ,—огурок, замуж, дуброва); по Вагилевичу (Gram. VII—VIII) еще—сім (изъ *сум*, вѣроятно одного происхождения съ сумний, сумовати), жійт (жиут), гільтай (гультай), кічма (кучма), між (муж), піть (путь), каламітний (калямутний); въ письмѣ записанной въ Кобринскомъ у. встрѣтилось *буйниї*: вітрики (буиниї). Измененіе это произошло вѣроятно по аналогии съ переходомъ *o* въ *i* черезъ *u*; но до полнаго сходства между этими явленіями недостаетъ случаевъ чередованія *i* въ слогѣ среднемъ съ *u* въ прямомъ. Что до *снігр*, которое Вагилевичъ относитъ сюда же на основаніи Пол. *спіегч*, то въ немъ *i* не изъ *u*, а изъ общѣ-руссаго *ы*, которое въ Укр. и произносится какъ *и* среднее (*снігирь*); подобнымъ образомъ и въ *глубокий* и не изъ *u=u*, *i*, а изъ *ы*: глубокий.

— На вопросъ: «какъ образуется дат. и предложн.

ед. ч. прилаг. ж. р. в г. Новицкій отвѣчаетъ: «общеупотребительное окончаніе его—на *ий*, напр. черній, но одновременно съ нимъ существуетъ еще, преимущественно на правой сторонѣ Днѣпра, окончаніе на *ї*: чернї, а въ Киевскомъ нарѣчіи еще на *ойї*: черной, біой, сходно съ родительнымъ» (вопр. 38). Эту послѣднюю форму, выходящую изъ ряда обычныхъ, интересно бы встрѣтить въ образцахъ Киевскаго говора. Окончаніе *ий* общеупотребительно только тамъ, где о=і. Общемалорусская основная форма этого окончанія есть *ой, ёй, и гдѣ о*, ё переходитъ не въ і, а въ *уо—юо, у—ю, и—і*, тамъ и въ дат. и мѣстномъ прил. и мѣстоим. ж. р. находимъ *однуой—своюой, одинй—свойй*. Отсюда видно, какъ ошибочно акбы этиологическое Мало-русское написаніе дат. и мѣст. чужжій, лисжій, синжій (Головац. грам. 16, 93—др.; но тамъ же и правильнона сухбій, стр. 93).

— Въ § 31 и 33 моей статьи различены два случая измѣненія основнаго *e*: одинъ, когда е черезъ е переходитъ въ ё, а послѣ шипящихъ—въ о и за тѣмъ подвергается совершенно одинаковымъ измѣненіямъ—съ основнымъ *o*, какъ напр. въ причастіяхъ на я глаголовъ съ корнеизъ на согласную и безъ характера въ темъ неопределеннаго наклоненія (*вյоов—вюв—вів* изъ вёв—вела) и др. отъ корней плет, мет, бред., вез, нес, греб, скреб, рек (*вирікся—вирукся*), пек, тек, стерег, берег (*степріг—стерегла, беріг—берегла*); другой—когда е (изъ *e*) мѣстами остается, мѣстами переходитъ въ і, но не черезъ посредство ё, напр. сім (=сјем)—семи (Забл. семі). Первый случай имѣеть мѣсто передъ согласными, твердыми уже въ др. Русск. языку (вечір, жінка, тітка, плітка, намітка, матінка, утінка изъ матёнка, матюнка); передъ согласными отвердѣвшими въ позднійшемъ языке (матір изъ матюр); въ мѣстахъ пад. ед. прилаг. и мѣстоим. м. и сред: по сім ~~бесід~~ по сюм=по сём, изъ основ. семь); передъ ј въ мѣстахъ и мѣстномъ ед. прилаг. и мѣстоим. ж: сей, синей=сюй, синюй=сюй, синой=сій синів. Украинское окончаніе мѣстнаго п. мн. ч. на єх, напр. въ чо-

ботих, воротих имѣть основную форму не *лъхъ*, а *лъхъ*, откуда сохранились въ западныхъ говорахъ формы *лъхъ*, *юхъ*: у синѣхъ, въ бостюхъ (Кобр. у.). Укр. *лінъ=люнъ*, *люнъ* не изъ *лъхъ*, какъ можно заключать изъ *лянна*, а изъ болѣе древняго и правильнаго *лъгъ*; откуда *лѣнъ*, *люнъ* формы *лянти*, *лянъ* обязаны свойствомъ я стремленію языка сравнять корень второй темы (*легъ*) съ корнемъ темы настоящаго: *лѣгъ*, откуда *лягу*, *ляжу*. Дѣлъ другія формы съ коренными *лѣ*, быть можетъ, увлечены аналогіею съ *лінъ=люнъ=люнъ=лягна* (*лѣнна*): *запрѣнъ* (Кобр. запрюниши, запрюнъ изъ запрѣнъ ви. запрянъ, которое тоже употребительно), *запрянла* и *раздѣнла* («въ одежі лінъ и не раздѣнла», Котляр. Эн., раздѣншишъ ів.), раздѣлагася. Аналогія не подействовала, однако, на *простянъ*—*простяна*, *досянъ*—*сянна*, *натянъ*—*тинна*. Второй случай, то есть отсутствие посредствующаго въ при переходѣ съ въ і имѣть место только передъ согласными мягкими въ настоящее время или такими, которые были мягкими въ то время, когда установилось чередование *съ—є* въ среднемъ слогѣ съ *є* въ прямомъ. Сюда относится: шість—шести (Заблуд. ш'есць или шыесць—шесці), сімъ—семи (Заблуд. сјемъ—семі), піч—печи, піац (род. мн. при плечи) піж (ижели), міжъ (ижжи), вѣроятно—имена ежъ м. и ж. р. *какъ* рубіжъ (и производный напр. Рубіжна, село Валковскаго у.), карбіжъ («бінъ—мс., на щотахъ не училась, надъ карбіжемъ тожъ не трудиласъ» Котляр., Эн. между тѣмъ какъ следовало бы ожидать: *надъ карбѣжемъ*), молодіжъ, крадіжъ; лебідъ, постіль, нетіль, осінь, камінь, кремінь, ячімінь, корінь и съ передъ оконч. євъ: пірія, вірічко (Забл. піер'ющко), весілля, весіллячко (Забл. весільчко) зілля (Сосн. зелле). Это измѣненіе наиболѣе сходно съ тѣми немногими случаями, въ коихъ *є* изъ *и* въ среднемъ слогѣ чередуется съ *є* въ прямомъ, какъ *річ*—*речи*; *вустрія*—*зустречи*, *ведмідъ*—*ведмежій* и др.

Не знаю, следуетъ ли признать за обще-русскую форму *ей* изъ основъ *иа* въ словей, дверей, коней и допустить обратное изменение *є* въ *ї* въ словей, словіяко,

соломінсько, канарійка (Баліск. Брест. Кобр.), двері (Брест.), коній (Галиц.). Трудно предположить, что *и* есть здесь основное *и*.

Въ дополнение къ § 24 замѣчу слѣдующее: измѣнение *o, e* въ *i* въ слогахъ среднихъ и неизмѣнность этихъ звуковъ въ слогахъ прямыхъ объясняли тѣмъ, что въ среднемъ слогѣ *o, e* сжаты слѣдующимъ согласнымъ звукомъ, а въ прямомъ — давленія согласной не существуетъ (Головац. грам. §§ 32, 35; Осадца грам. §§ 29, 33). Допустивши, что это объясненіе понятно, мы должны найти его недостаточнымъ, п. ч. рассматриваемая гласная могутъ переходить въ *i* и безъ всякаго давленія со стороны слѣдующей согласной: виволѣкти, но на самомъ дѣлѣ, если представить себѣ вліяніе заключительной согласной средняго слога *давленіемъ*, невозможно понять какимъ образомъ дѣйствие тяжести производить явленіе противоположное ожидаемому, т. е. не сжиманіе, сокращеніе гласной, а ея расширение, превращеніе въ двоегласную: въ рѣкѣ — руки первоначально вліяніе конечной согласной обнаружилось въ дифтонгированіи *o, e*, а *i* произошло уже позь двоегласной.

Напротивъ, весьма легко понять, какъ гласная должна можетъ превратиться въ двоегласную, какъ напр., изъ *oo* можетъ выйти *uo*, изъ *ee* — *ie*, а потомъ *je*. Славянская наука въ противоположность Романскимъ дифтонгируютъ именной долгія гласныхъ (см. Два изсл. стр. 38). Сравненіе съ царѣчіями, сохранившими настоящія неифтонгированныя долготы, показываетъ, что долгая гласная можетъ стоять не только въ среднемъ слогѣ, но и въ прямомъ. Такимъ образомъ принявши двоегласную изъ долгой гласной за исходную точку той смѣны гласныхъ, въ концѣ которой появлялось Укр. *i* изъ *o, e*, мы до некоторой степени объяснимъ цѣ толькъ такие случаи какъ *стін*, но и такие какъ *видолекти, стіжок*. Изъ такого объясненія вытекаютъ два вопроса: почему средний (или обратный) слогъ требуетъ удлиненія гласной и почему удлиняется гласная, первоначально короткая, въ

слогахъ прямыхъ? Отвѣтомъ на первый вопросъ служить, до нѣкоторой степени, сравненіе вліянія средняго слога на удлиненіе гласной въ Славянскихъ языкахъ съ вліяніемъ Санскритской, Греческой, Латинской позиціи на гласную. Средний или обратный слогъ есть Славянская позиція. По тѣмъ же побужденіямъ человѣкъ удлиняетъ гласную, предчувствуя слѣдующее за нею стеченіе согласныхъ, то есть собственно такъ называемую позицію, по какимъ онъ это дѣлаетъ въ Славянскихъ языкахъ передъ одиночною заключительной согласной слога. Понятно, что это сравненіе не есть конечное и полное объясненіе; по фактическому частному изыкоzначенію, дѣй, кажется, далѣе итти не удобно. Что до втораго вопроса, то здѣсь удлиненіе гласной зависитъ уже не отъ одного элемента слова, не отъ слога, въ коемъ заключена гласная, а отъ вліянія суффикса: *волок—ти*, въ коемъ по особеннымъ причинамъ, (о коихъ ниже), о неизмѣнно, несмотря на средний слогъ, удлиняется это *о*. затѣмъ измѣняетъ его въ двоегласный и въ *и*, *ї*, въ слогѣ *примомъ*, получая новый характеръ *а*: *виволі—ка—ти*.

Очевидно сходство между случаями Серб *бог—бога*, Mr. *буон* (*буиць*, *біць*) *бона* и т. п. и такими же *жокъ—сон—сна* или *сну, пень—пня*; но вмѣстѣ видна и разница между нами. И тамъ и здѣсь средний слогъ образовался въ слѣдствіе потери конечной гласной: *бо—гъ, съ—нъ, пъ—нъ*; но въ первомъ случаѣ коренная гласная въ среднемъ слогѣ удлинилась, а во второмъ замѣнилась чистою, но долготы не прѣобрѣла; въ прямомъ слогѣ въ первомъ случаѣ гласная осталась краткою, а во второмъ исчезла уничтоживши слогъ: *сна* изъ *съ—на*, *дна* изъ *пъ—на*. Слѣдовательно для удлиненія гласной и превращенія ея въ дифтонгъ нужно было известное, или качество, полагаю — нѣкоторая, меньшая степень долготы, качество, коего не оказалось въ глухихъ *б, в,* несмотря на ихъ близость къ *о, е* въ древнемъ русскомъ произношѣніи. Выше было уже сказано, что еслибы въ то время, какъ началось удлиненіе основныхъ *о, е*, въ сред-

немъ слогъ гаухѣ звуки въ Mr. уже замѣнились чистыми *o*, *e*, то мы имѣли бы теперь Mr. Формы сон—сону, сін—сону, а не сон—сону, сну, спа.

Почему *o*, *e* въ среднихъ слогахъ словъ полногласныхъ (пороѣ, берѣ) не удлиняется и не измѣняется въ *i* и пр? Г. Лавровскій (Обз. замѣч. особ. нар. Mr. стр. 8) говоритъ что выговоръ въ этихъ случаяхъ о (resp. *e*) за *o* (*e*), а не за *i* «опирается на твердомъ началѣ первоначальной долготы гласнаго *a*, развившагося въ Русскомъ языѣ, въ силу его полногласія, въ два *o* (resp. *e*), т. е. потому говорится холод, и не холід, что въ хладъ *a* было долгое. Это не вѣрно. Изъ сравненія съ Сербскимъ извѣстно, что Русск. оро, оло, ере, еже предполагаютъ и посредствомъ ударенія различаютъ основные слоги ра, ла, рѣ, лѣ какъ долгіе, такъ и короткіе. Поэтому ошибочно сказано и въ моей статьѣ о звукахъ (стр. 102), что «оро, оло, какъ всякое разложеніе долгаго звука, кратки»: они бывають разложеніемъ и краткаго, и долгаго слога. Тѣмъ не менѣе, какъ и при объясненіи неизмѣнности *o*, *e* изъ *ä*, *ë*, причину неизмѣнности втораго *o* въ холод и т. п. слѣдуетъ, ишь кажется, видѣть въ особенной краткости *o*, которая была замѣтна въ началѣ движенія звуковъ *o*, *e* по направлению къ *i*. Позднѣйший языкъ въ полногласныхъ словахъ представляетъ двойкій отступленія отъ правила: одни какъ напр. Водын. и Галицк. произношеніе ворії вм. вороѣ, уничтожающія старинныя тонкія различія звуковъ разнородныхъ по происхожденію и ничего не созидающія; такія нарушенія строя языка могутъ дѣлать дѣти, безъ чутыя языка, иностранцы, покорные случайнымъ аналогіямъ, говорящіе напр. пиво брожить, п. ч. говорится брожу и броженіе. Другія отступленія творческія, сопровождающія образованіе новыхъ словъ, основанный на вѣрныхъ аналогіяхъ, какъ напр. въ виподѣскувати (отъ подоскати), въ хдѣмъ *z* поставлено вм. *o* потому же, почему тѣ Br. вынуждены скрывать—*a* вм. *o*.

и въ съединеніи съ *и* и *ы* (такъ какъ въ *и* и *ы* не звучитъ *и* и *ы*, а звучитъ *и* и *ы*), и въ съединеніи съ *е* и *о* (такъ какъ въ *е* и *о* не звучитъ *е* и *о*, а звучитъ *е* и *о*). Въ съединеніи же съ *а* звучитъ *а* и *а*, т. е. *а*. Слѣдуетъ, очевидно, предполагать, что въ *и* и *ы* звучитъ *и* и *ы*, а въ *е* и *о* — *е* и *о*. Иначе говоря, въ *и* и *ы* звучитъ *и* и *ы*, а въ *е* и *о* — *е* и *о*, и въ *а* звучитъ *а* и *а*. Но это означаетъ, что въ *и* и *ы* звучитъ *и* и *ы*, а въ *е* и *о* — *е* и *о*, и въ *а* звучитъ *а* и *а*, т. е. въ *и* и *ы* звучитъ *и* и *ы*, а въ *е* и *о* — *е* и *о*, и въ *а* звучитъ *а* и *а*. Итакъ, въ *и* и *ы* звучитъ *и* и *ы*, а въ *е* и *о* — *е* и *о*, и въ *а* звучитъ *а* и *а*.

— Къ § 32. *Переходъ въ ё, о.* Г. Новицкій спрашивается: «какъ произносится *о* со смягченіемъ предъидущей согласной въ притяжательныхъ на—*о-и*, дательномъ и. р. на—*о-и*, творительномъ и. р. на—*о-и* и жен. на—*о-ю*? Въ восточныхъ нарѣчіяхъ, начинавшихъ съ Киевскаго, это *о* переходитъ въ *е* съ потерей смягченія согласной, напр. *вишневий*, *комеві*, *конек*, *Василеві*, *землю* вместо: *вишловий*, *коньові*, *коньом*, *Васильові* землью. Этотъ переходъ соблюдается и тамъ, где дѣствительнаго смягченія не было, по несмѣгчаemости согласной: *грушевий*, *рожевий*, *бурею*, *квачем*, *душею*, *цареві*, ам. *грушовий*, *царові* и пр.» (вопр. 5). Говорить о переходѣ ё, о въ *е* — значитъ считать ё, о звуками основными, болѣе древними по отношенію къ *е*; но нормамъ, менѣ грушевий, вишневий, бурею никогда не предшествовали формы грушовой, вишнёвой, бурою. Въ Ст.-Сл. о звоне не можетъ стоять послѣ мягкой согласной и Русск. языкъ, подобно всемъ остальнымъ Слав. нарѣчіямъ, предполагаєтъ этого законъ. Ошибочно также утвержденіе, будто тамъ, где *e*, о слѣдуютъ за шипящими и за *r*, дѣствительнаго смягченія не было по несмѣгчаemости согласной. По требованію древней Русской фonetики *r* можетъ соединяться и съ мягкими, а шипящіе и *u* въ дубомъныхъ словахъ не могутъ сочетаться ни съ какими другими, кроме мягкихъ, что австрактно никакъ изъ древнихъ Рус-

скихъ памятниковъ, такъ и изъ современныхъ говоровъ, изъ коихъ въкоторые не только удерживаютъ, но и увеличиваютъ нѣбность этихъ согласныхъ. Гдѣ одни изъ Mr. говоровъ имѣютъ *e*=*ə*, а другие ё, о, тамъ общею исходною точкою для тѣхъ и другихъ было или ь, или основное Русское и общеславянское *e*, смягчающее предыдущую согласную, и отличное какъ отъ твердаго э, такъ и отъ ю. Связью между Малорусскими говорами служить тѣ случаи, въ коихъ основное *e* повсемѣстно (гдѣ не было постороннихъ вліяній) отвердѣло до э, и тѣ, въ коихъ оно повсемѣстно черезъ ю перешло въ ё, о, которые частью остались, частью подверглись дальнѣйшимъ измѣненіямъ въ двоегласный и *i*.

Довольно хорошо известны условія измѣненія *e* въ ё (ю) въ Южно-великорусскомъ и въ Польскомъ. О первомъ см. § 9 моей статьи. Непослѣдовательность въ этомъ отношеніи въ Южно-великорусскихъ говорахъ происходит отъ причинъ болѣею частью известныхъ: отъ книжнаго вліянія удерживающаго звукъ *e*, отъ вліянія Сѣверно-русскихъ говоровъ (измѣненіе въ ё звука *e* неудареннаго), отъ различія ударенія въ разныхъ мѣстностяхъ (напр. идетъ и идѣтъ), отъ того, что слѣдующая согласная мѣстами осталась мягкою (идѣть), мѣстами отвердѣла и тѣмъ повліала на измѣненіе *e* въ ё. Въ Польскомъ лите-ратурномъ почти въякое основное *e*, а весьма часто и *e* изъ ю перешло въ ё—ю послѣ вѣкъ согласныхъ, допускающихъ вторичное смягченіе (т. е. послѣ всѣхъ, кроме шипящихъ и гъ изъ р и ј). За тѣмъ уже одно основное (*a* не *e* изъ ю) измѣняется въ ё (ю), а послѣ несмягчаемыхъ (въ вѣкотоихъ же отдельныхъ словахъ и посљ. согласныхъ, допускающихъ смягченіе въ другихъ случаяхъ, напр. wesolу изъ wesioły)—въ о передъ согласными твердыми, обыкновенно, за исключеніемъ гортанныхъ и губныхъ. При этомъ мягкость слѣдующихъ за *e* согласники опредѣляется не нынѣшнимъ состояніемъ языка, а тѣмъ, которое современно началу измѣненія *e* въ ё, напр. кіему (а по землю, хотя ziemek и др.)—въ

силу віяння суффікса *ъ* и на предыдущее *m* (см. Małocki Gram. § 68—9). Обще въ Ювр. и Поль., кроме предварительного измѣненія *e* въ *e*, — ассимилирующее віяніе слѣдующей мягкой согласной: *j* заключенное въ *r* словъ первъ, *r̄egzo*, удерживаетъ *e* отъ перехода въ *ё*; это послѣднее оказывается несовмѣстимъ со слѣдующимъ *j*, подобно тому какъ въ древнемъ періодѣ всѣхъ Слав. нарѣчій оно было несовмѣстимо съ предыдущимъ *j*. Само собою, что какъ вообще весьма мало всеобщихъ законовъ благозвучія, такъ и несовмѣстимость *io* со слѣдующею мягкой согласной есть требование временное. Въ позднѣйшемъ Поль. (XVIII—XIX в.) оно нарушается весьма часто, обыкновенно подъ віяніемъ формъ съ *io*, *o*, принятыхъ за первообразныя (*siostra*, *siostrze* вм. стар. *siestrze*) иначе съ пользою для лексического богатства языка (напр. архаич. па *czele*, во главѣ, при новомъ па *czole*, на лбу). Вообще, однако, старинное правило еще не стерлось.

Въ Мадорусскомъ найти условія измѣненія *e* въ *ё* гораздо труднѣе, вѣроятно потому, что за время существованія этого періода нѣсколько разъ измѣнялись его условія, каждый разъ оставляя послѣ себя новые ряды словъ съ *ё*, *o*. Какъ въ обоихъ В.-русскихъ и въ Польскомъ, такъ и въ Mr. непремѣнное условіе измѣненія *e* въ *ё*, *o* есть предварительное смягченіе этого *e*, бодшее, чѣмъ то, какое свойственно этому звуку до появленія діалектическихъ различій. Нынѣ этого смягченія бодшою частью незамѣтно послѣ шипящихъ, но вѣдь теперь только мыслями слышны послѣ этихъ звуковъ и *я*, *ю*, между тѣмъ какъ сочетанія этихъ звуковъ съ шипящими несомнѣнно свойственно древнему Русскому языку; чути, а не чути и пр. Mr. нарѣчіе разнится отъ Br. Поль. въ томъ, что въ немъ (за исключеніемъ сѣверныхъ говоровъ, какъ Заблудовскій, въ коихъ въ силу позднѣйшаго Br. віяння всякое *e*, стоящее не послѣ шипящей, измѣняется въ *ø*) лишь въ сравнительно немногихъ случаяхъ *e* смягчилося, но *e* смягченное за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ послѣ шипящихъ и не многихъ другихъ даре-

шло въ ё, ô, не зависимо отъ ударения и отъ того, будешь ли это въ основное, или произшедшее изъ ё.

Древнѣе прочихъ кажутся обще-малорусскія измѣненія въ основнаго (не изъ ё) въ о послѣ шипящихъ передъ согласными твердыми, напр. жонá. Эти случаи были уже, какъ кажется, до замѣны глухихъ звуковъ чистыми. Къ нимъ примыкаютъ по времени появленія обще-малорус. о изъ є=ь послѣ шипящихъ и ё изъ е послѣ другихъ согласныхъ. Всъма вѣроятно, въ это первое время слѣдующій твердый слогъ дѣйствовалъ на предыдущій, какъ въ Ювр. и Поль., не допуская измѣненія е въ о, и что слѣды этого вліянія слѣдуетъ видѣть въ формахъ, какъ чернити, пшениця, шестій про чбрній, пшонб, шостій, въ словахъ полногласныхъ съ ere, какъ жеребецъ, жерело, черінь, (осн. ф. черень), черемха, черес и чересло и др. подобныхъ. Можемъ предположить, что, какъ и въ Ювр., известный согласный, напр. с, р, не мѣшаютъ ассимирирующему дѣйствію слѣдующей мягкой согласной, ибо сами слигчаются, напр. жесть, жердь. Впрочемъ остается довольно словъ, въ коихъ е послѣ шипящихъ передъ твердыми согласными осталось неизмѣннымъ, напр. въ червоній и т. п.

Другой обще-малорусскій случай—тотъ, гдѣ ё изъ е основнаго (а не изъ=ь) вызвано вліяніемъ средняго слога и потомъ большую частью заглушиено позднѣшими измѣненіями своими въ юо, ю, і, какъ напр. въ віз (віоз, вію) изъ вѣз, вез, а это изъ везль. И здѣсь ё образуется не прямо изъ е, а черезъ с. Твердости слѣдующей согласной при этомъ не требуется, какъ видно вайр: изъ дат. фі. ѹї (-юй) изъ єй, формы дѣйствительно существующей и теперь при творит. єю.

Относительно новы тѣ случаи, въ коихъ ё, о, не зависимы отъ ударенія и качества слога, стоять въ Западныхъ говорахъ при Укр. е. Такъ въ говорахъ Гроднен. губ. находимъ: тверозий, черот (очерет), берожок, кужарки, вітёр, борол (орел) човѣн, служонька, даёкій, земешій, весолій, четвортій, дет. ед. м. р. сви, сви

(=еві), твор. ед. муж. ёи, ои, (=ем), твор. ед. жен., ёю, ою (=ю), всёй, (им. ед. и. весь), все (Брест, Кобр.) деревцо (Кобр.).

Ко § 35. Измѣненія звука ѿ. Въ программѣ г. Но-
вицкаго вопросъ поставленъ такъ: «какъ произносится ѿ,
или е съ оширающею на него согласною?» (вопр. 8).
Какъ будто все равно, что ѿ, что е? Извѣстно, что въ
Мр. нарѣчіи эти звуки гораздо болѣе различаются между
собою условіями своего измѣненія въ другіе, чѣмъ въ
Ювр. Изъ наличныхъ образцовъ Мр. говоровъ видно
слѣдующее:

а) Въ Заблудовскомъ говорѣ: ѿ ударяемое внутри и
на концѣ словъ послѣ смягчаемыхъ согласныхъ—је (ье),
послѣ несмягчаемыхъ—ые (одинъ слогъ—'је): лјес, hr'јех
—hрыех, сестр'је—сестрые; ѿ неударяемое внутри послѣ
смягчаемыхъ—е, послѣ несмягчаемыхъ—е: лесы, вы-
стреліу; ѿ неударяемое на концѣ послѣ смягчаемыхъ—і,
послѣ не смягчаемыхъ—и: у лјесі, на рыечи (—ди).

б) Въ Пружан. у: ѿ удар. въ срединѣ и на концѣ
послѣ смягчаемыхъ—е, послѣ несмягчаемыхъ—е: свет, у
ночѣ; ѿ неудар. въ серединѣ—е (беда), а на концѣ.
Быть можетъ сравнительно съ Заблудовскимъ здѣсь разни-
ца только въ написанії, а не въ произношеніи.

в) Въ Овруч. у: ѿ удар. внутри—е (лес), неударяе-
мое внутри—е, на концѣ—і: бежить, въ светѣ.

г) Въ Сосницкомъ у: ѿ ударяемое послѣ нѣкоторыхъ
согласныхъ ѡі (ы), послѣ другихъ—і: вітер, ріки, тоїді;
ѿ неударяемое—е: бежиш.

д) Въ Козелецкомъ у: ѿ удар.—е и і: свечка, по-
јдем; неудар. внутри—е, на концѣ и: стена, въ ѿси.

ж) Въ Кобринскомъ у: ѿ ударяемое въ серединѣ и
на концѣ—і, неударяемое и (=ы) изрѣдка—е: цвіт, у
лозі, зацвітают, у соломи. Тоже, но съ менѣшою пра-
вильностію, быть можетъ, по винѣ записывателя, замѣтно
и въ образцахъ Брест. уѣзда.

з) Въ Укр. говорѣ ѿ вообще—і во всѣхъ случаяхъ,
за исключеніемъ 1) немногихъ словъ, въ коихъ ѿ подчи-

иено вліяню качества слова и измѣняется какъ основное е въ тѣхъ словахъ, въ коихъ это е переходить въ і безъ посредства ё: біль (слогъ средній) — бе-ли, какъ сім (изъ сен) — семи; 2) еще меньшаго числа словъ, въ коихъ ё=e, не зависимо отъ качества слова, какъ напр. въ Эн. Котляревскаго: «пішов треск, стук од молотів», «з великом треском». Ё=i и въ говорахъ Подольскомъ, Галицкомъ. Карпатскомъ, хотя въ послѣднемъ изрѣдка встрѣчаются и ё=e.

Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о съверной полосѣ Мр. говоровъ замѣчу: Въ образцахъ говора Пружан. у. Михайловской волости, Бѣльск. и Пин. уѣздовъ (см. приложенія) нельзя разобрать условій измѣненія ё. Видно только, что въ Пруж. Мих. вол. ё=e, i, u; въ Пинскомъ ё=e, e, i, u; въ Бѣльскомъ ё большею частью=i, рѣже=e и u. Г. Аѳанасьевъ Чужбинскій въ своемъ Мр. словарѣ (Матер. для сравнит. и объяснит. словаря и грам. т. III), ссылаясь па Черниговскую губ. вообще (какъ будто эта губернія по говору однородна), приводить формы, въ коихъ ё и ударяемое и неударяемое=e (т. е. ie, ye (e), ё, напр. біёлка, біёсов, віёхоть, вывіётривать, віётер, завіёна (это должно значить тоже, что Укр. завѣпа, т. е. завіна; но извѣстна только форма завіїпиця, спазмы въ желудкѣ, отъ которой можно заключать только къ формѣ завіїна, завейна или завѣйна); доменять, дёвка; вылѣчавать, засвѣчавать (ѣ у него=i); біёда, залієтать, замієтать, засіевать; допекать, делить, засекать. Такими неопределеными и сбивчивыми показаніями пользоваться не возможно.

Г. Новицкій говорить, что «въ Съверскомъ нарѣчіи ё остается неизмѣннымъ», разумѣй: произносится какъ e; но образцовъ такого Мр. говора, въ коемъ ё постоянно произносилось бы какъ e, мы не имѣемъ, а на основаніи извѣстнаго можемъ даже сомнѣваться въ ихъ существованіи.

Объясненіе заимствованіемъ извѣти того, что намъ странно въ языкѣ или иной сфере, потому кажется много-

гимъ легкимъ и привлекательнымъ, что оно переноси
двление въ другую область, изслѣдованиемъ коей мы не
занимаемся, служить для насть предлогомъ отдѣлаться отъ
непонятного въ кругу нашихъ изслѣдований; но, доставляя
изслѣдователю нѣкоторое удовольствие, это объясненіе
весьма часто сводится на приравненіе одной неизвѣстной
величины къ другой столь-же неизвѣстной. Такъ напр. тѣ,
которые считали Mr. нарѣчіе аномаліею по отношенію
къ тому Русскому языку, который имъ былъ извѣстенъ,
и объясняли появление Mr. нарѣчія польскимъ вліяніемъ,
тѣ или вовсе не знали ни Малорусского, ни Польского, или
не знали именно тѣхъ сторонъ этихъ нарѣчій, знаніе ко-
ихъ необходимо для вѣрнаго опредѣленія ихъ взаимныхъ
отношеній. Въ извѣстномъ языкѣ мы вправѣ считать за-
имствованнымъ не то, что намъ кажется аномальнымъ, а то,
что сверхъ этого, вполнѣ совпадая съ явленіями другого
языка, дѣйствительно понятно намъ въ этомъ послѣднемъ
по въ силу его родовыхъ свойствъ, а въ силу пріобрѣтен-
ныхъ имъ особенностей. Такъ въ Сѣв. Mr. говорахъ
произношеніе *e* (=Укр. *ø*) за *e* (какъ въ Заблудовск.),
о неударенаго (=Укр. *o*) за *a* (какъ въ Пинск. Кролев.), *e* и *ø* неударяемыхъ (=Укр. *ɛ* и *ø*) за *a* (какъ въ Пинск.)
есть заимствованіе не только потому, что въ среднихъ и
южныхъ Mr. говорахъ нѣть ничего подобнаго, но и по-
тому, что именно тоже есть и объяснимо въ Юср. Но
зачѣмъ искать объясненія Малорусскому измѣненію *o* въ
yo, *u* или *i* въ заимствованіи съ Польского, Словенскаго
или Подабскаго, когда въ тѣхъ нарѣчіяхъ измѣненія *o*
не совпадаютъ съ М.-русскими и когда о Подабскомъ *i* изъ
о извѣстно несравненно менѣше, чѣмъ о Малорусскомъ?
Точно также я не могу согласиться съ мнѣніемъ г. Ма-
ксимовича, что «Южно-русскій языкъ въ Сѣверской раз-
ности своей, прикасаясь къ средне-русскому нарѣчію
Br. языка и къ Бѣло-русскому, сбивается на выговоръ
того и другаго... въ произношеніи *ъ* какъ *e*», такъ какъ
«многіе Сѣверяне говорять уже Чернеговъ, Нежинъ, воз-
можеть, ходемъ, идетъ» (нов. накл.). (Истор. Др.-Русс. Слов.,

107). Въ другомъ сочиненіи (Нов. письма о старобытности Мр. нар. въ «Днѣ» 1868, № 8) тотъ же ученый опровергая мнѣніе г. Лавровскаго объ особенной близости Мр. нар. съ Серб., говорить «о Черниговскомъ произношениі иже ви. лъ»: «такое произношение ведется и у Сербовъ Герцеговинскаго нарѣчія. Но это не имѣть никакого отношенія къ большинству Малороссійскаго народа, у котораго господствуетъ острое и ви. лъ, равно какъ и у народа Галицкаго и Карпато-русскаго. Звукъ е произносимый двоегласно, когда лъ приходится съ удареніемъ, есть областная особенность говора Сѣверскаго, которая въ немъ легко могла развититься и на Деснѣ, и на Сеймѣ, по ближайшему сосѣдству Сѣверянъ съ Вятчами и Радимичами, врѣзавшимися по рѣкѣ Сожѣ въ четыре сѣверные уѣзда Черниговской губерніи, где и донынѣ они дзекають и акаютъ, обличая тѣмъ свою принадлежность къ нарѣчію Бѣлорусскому. Въ Средне-русскомъ нарѣчии, особенно въ Рязанскомъ говорѣ, слышится также двоегласное е ви. лъ съ удареніемъ, напр. сасѣдъ, наїелси, йедя т. е. йдетъ (по Караджичевой пра-Вописи: «сасијед, најијелси, иједъ»).

(3) На эти мнѣнія я замѣчу:
Изъ вышеупомянутыхъ, изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній, болѣе подробнѣ изложенныхъ въ прибавленіи къ этой статьѣ, съ вероятностью можно заключить, что во всей сѣверной полосѣ Мр. говоровъ безъ перерыва до сравнительно новыхъ Мр. поселеній на востокѣ (въ Курской и др.) измѣненіе лъ зависитъ отъ присутствія или отсутствія ударенія. Относительно лъ Заблудовскаго вѣцер относится къ бежиш, какъ Пружан. Овруч. Кролевец. вѣтер къ бежиш, какъ Сосниц. вітеръ къ бежиш, какъ Брест. Кобр. вѣтеръ къ бижиш. Въ этомъ уравненіи мы можемъ вместо Заблудовскаго в. (ie) въ бежиш поставить е (—e), такъ какъ е въ этомъ случаѣ есть дѣйствительно заимствованіе, и тогда увидимъ, что во всѣхъ этихъ говорахъ вліяніе ударенія йотируетъ замѣнѣ основнаго лъ (при чёмъ говоръ Кобр. Брест. путемъ прогрессивной ассимиляции)

иляции доводить эту замынку до *и*), а отсутствие ударения требует замынки *и* пейотированной гласною. Въ ряду отношеній: *ѣ: ѿ: ѹ: ѹ=ј: є=јi: є=ї: и* ни одинъ членъ не можетъ быть вырванъ изъ общей связи и объясняемъ отлично отъ другихъ. Кто хочетъ объяснить *је* и *є=ї* Велико-русскимъ вліяніемъ, тотъ долженъ также объяснять и *и*, *и=ѣ* и *е (э)*, *и (ы)=ї*; но въ какомъ же это Южно-велико-русскомъ говорѣ *ѣ=е (э)*, *и (ы)*, *јi*, при такихъ же условіяхъ?

Во вторыхъ, въ вышеприведеніемъ ряду замынокъ основного и нѣть двоегласныхъ, т. е. соединенія двухъ гласныхъ въ одинъ слогъ, ибо *је* состоять изъ согласнаго *ј* и гласной. Въ Заблудовскомъ замынка *и* ударяемаго послѣ согласныхъ, не допускающихъ непосредственнаго соединенія съ *ј* (т. е. послѣ ц, р и шипящихъ) имѣть звукъ, выраженный очень умѣльмъ записывателемъ чрезъ *ыё* (рыѣчка). Я не сомнѣваюсь, что эти звуки составляютъ одинъ слогъ, но думаю, что и здѣсь нѣть двоегласной, что вмѣсто *ыё* слѣдовало бы выразить этотъ звукъ посредствомъ *је* съ апострофомъ или, если угодно, съ *ѣ* отдѣляющимъ это *је* отъ предыдущей согласной: *р'јечка, р'јечка*. Въ послѣднемъ случаѣ *ѣ* есть знакъ, а не гласная, такъ что выговорить *рие=r'је=r'је* никаке, какъ съ ударениемъ на *е*, столь же невозможно, какъ и поставить удареніе надъ *ј* въ *в'јера* или *в'јира* (*вьера, вьра*).

Не знаю, откуда гг. Лавровскій и Максимовичъ почерпнули свѣдѣнія о Черниловскомъ *ије* изъ *и* ударяемаго; если изъ словаря Аѳанасьевъ-Чужбинскаго, то свѣдѣніе это не вполнѣ достовѣрно. Я думаю, что это *ије*, или по написанію г. Аѳанасьевъ *ије*, есть не что иное, какъ *је* (не двоегласная, а согласная съ гласною) и что поэтому-то г. Аѳанасьевъ смыливаетъ этотъ звукъ съ *е*. Замѣчательно, что г. Максимовичъ считаетъ это *ије* на столько-же двоегласны, какъ Рязанское *ъе* въ сасьедѣ, въ поемъ вовсе нѣть двоегласности. Что до мнѣнія, будто-бы это сасьедѣ по прописанію Караджича было бы *асијед*, то сие

ошибочно. Правописание Караджича весьма точно: въ чём строго различаются сочетания јे и јје; последнее всегда обозначаетъ два явственные слога, изъ коихъ каждый можетъ имѣть на себѣ ударение, напр. рї—јеч (рѣч) и ри—јё—ка (рѣка). Безъ сомнѣнія Южно-сербское је образовалось изъ двоегласной (изъ одного слога), но теперь оно не есть двоегласная въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Между Mr. говорами, въ коихъ лъ ударяемое=је, ъ неудар.=е и Южно-сербскимъ, въ коемъ лъ долгое= ље или џё, а лъ короткое ударяемое или неударяемое =је, есть нѣкоторое сходство, впрочемъ не дающее права видѣть въ сѣв. Mr. произношениі Сербское вліяніе. Между сѣв. Mr. и Южно-велико-русскимъ со склоненіемъ Бѣлорусского не нахожу даже и сходства, кромѣ того, которое установлено, единствомъ исходной точки. Въ Ювр. вовсе не вижу того различія лъ ударяемаго и неударяемаго, по которому первое йотируется, а второе нѣть; въ немъ всякое лъ йотируется, уравнивадсь этимъ съ е, а затѣмъ при отсутствіи ударенія въ извѣстныхъ случаяхъ переходить въ я (ялобъ, какъ бяру), а подъ удареніемъ остается: вѣникъ, какъ сем.

Въ-третьихъ, точно-ли Свр. Mr. различіе лъ ударяемаго и неударяемаго не имѣть никакого отношенія къ говорамъ Укр., Подольскому, Галицкому, Карпатскому, въ коихъ вообще лъ=ї? Точно-ли нѣть никакого перехода отъ је, е=ї къ і=ї? Какъ остатки е изъ лъ въ говорахъ среднихъ и южныхъ (бѣль, бели и т. п. См. въ моей статьѣ О звукѣ. особ. § 35-й), такъ и је, е=ї въ сѣверныхъ доказываютъ, что для всѣхъ Mr. говоровъ исходною точкою было произношеніе лъ близкое къ е, при томъ не въ доисторическую пору полнаго единства Русскаго языка, а незадолго до того времени, когда съ одной стороны потеряны были глухіе звуки на концѣ словъ и обнаружилось вліяніе качества слога на измѣненія гласныхъ, а съ другой стороны появилось вліяніе ударенія на качественные измѣненія лъ. Нѣкоторыя изъ

Съверно-малорусс. говоровъ показываютъ намъ, какъ *ъ* ударяемое черезъ *је* можетъ перейти внутри слова въ *јі* и *і* (вјетер, вјітер, вітер). Если бы оказалось вѣрнымъ, что гдѣ либо въ Mr. дѣйствительно есть *ије* изъ *ъ*, то въ объясненіе того, какъ изъ этихъ двухъ слоговъ можетъ образоваться чистое *и* можно бы сослаться на Южно-Сербское; въ коемъ при *и=ије*, въ извѣстныхъ случаяхъ, стоять не только *и* изъ *ъ* основнаго, но даже и изъ основнаго *еје*; *ије*: *нисам* изъ *нијесам* (нѣсмъ), о чёмъ см. Mikl. Vergl. Gr. I. 309—10. Въ тѣхъ-же съв. говорахъ встрѣчаемъ не концъ словъ *и*, происшедшее изъ *ъ* неударяемаго безъ посредства той явственной интонаціи, которая слышна въ вјетер, (или виетер), а прямо изъ *е*: *на свѣтѣ ёсъ ти* изъ *те*, а не изъ *тј=ты*, какъ въ Свр. и Ювр. говорахъ (см. въ моей стат. О зв. оссоб. стр. 65, 82). Я нахожу вѣроятнымъ, что въ Укр. говорѣ и другихъ, не отличающихся *ъ* ударяемаго отъ неударяемаго, это различеніе нѣкогда существовало и что часть звуковъ *i=ъ* въ этихъ говорахъ произошла вышеуказанными двумя путями. Несомнѣнно, что другая часть—произошла подъ влияніемъ среднихъ слоговъ (какъ въ біль). При всемъ этомъ трудно объяснить, какъ въ Укр. и другихъ подобныхъ вытѣснено значительное количество звуковъ *e(=в)* изъ *ъ*, неударемыхъ или стоящихъ въ слогахъ прямыхъ, посредствомъ *и*? Не думаю, чтобы за среднюю ступень между *е* и *и* можно было принимать то среднее *и* (*=ы*) изъ *ъ* неударяемаго, которое находится въ Брест. Кобр. у. Быть можетъ, потерянная средняя форма между *свїт*—*свети* и *свїт*—*світити* есть *свїт*; *свїтити*, состоящая въ смягченіи *е* изъ *ъ* неударяемаго? Во всякомъ случаѣ потеря переходныхъ формъ не даетъ еще права утверждать, что между Сѣв. Mr. говорами и Укр. относительно замѣны *ъ* нѣть никакой связи. Скорѣе можно думать, что Сѣв. говоры въ этомъ отношеніи столь-же архаичны по отношенію къ Укр., но столь-же связаны съ пимъ, какъ и въ замѣнѣ *о*, *е* посредствомъ *уо*, *юо*... *о*.

— Mr. говоры и въ настоящевъ время къ большинствѣ случаевъ даютъ возможность отличать основное *e* отъ *ъ*; однако въ древнихъ южно-русскихъ памятникахъ употребленіе знаковъ *e* и *ъ* не безошибочнѣе, чѣмъ въ Велико-русскихъ. Такъ въ Волынскомъ спискѣ поученій Ефрема Сирина X III в. г. Срезневскій находитъ множество случаевъ употребленія *ъ* вм. *e*, при томъ не только тамъ, где въ нозднѣйшихъ Mr. говорахъ *e* измѣняется въ *i* (напр. вечѣръ), но и тамъ где нынѣ *e* никогда не переходитъ въ *i*, напр. З л. васт. вр. идѣть, зѣмля. Въ томъ-же памятникѣ—изрѣдка вм. и: обѣтели (что чрезвычайно часто въ Mr. письменности XVI—XVII в.), изрѣдка *ъ* вм. *ъ* (истлѣвъша перстъ) и значительно чаще *и* вм. *ъ*: раздѣляюще (Свѣдѣнія о малоизвѣстныхъ и неизвѣст. памятн. VI, 49). Въ Волынскихъ памятникахъ XV—XVI в. очень часто ставится *e* вм. *ъ*. Отсюда слѣдуетъ, что встрѣчая въ памятникахъ южныхъ по происхожденію, но переписанныхъ на сѣверъ, *ъ* вм. *e*, не слѣдуетъ слишкомъ поспѣшно приписывать эту неправильность Велико-русскому переписчику; на оборотъ, зная, что не только въ Свр., но и въ нѣкоторыхъ Южно-великорусск. областяхъ *ъ* даже подъ удареніемъ иногда переходитъ въ *и* (напр. теперь въ Ценз. губ. смотрѣль); не слѣдуетъ считать формъ, какъ напр. Печениги въ Лавр. лѣтъ за признакъ внесенный непремѣнно Киевскимъ переписчикомъ. Говорю это, имѣя въ виду мнѣніе г. Максимовича въ Новыхъ шиесмахъ, стр. 55.

— Неясно, слѣдуетъ ли считать за фонетическое явление соотвѣтство звука *я* звуку *ъ* въ нѣсколькоихъ царѣчахъ въ Укр. говорѣ? Такъ у Котляревскаго «и вояся з нї
єю ашибас», вм. обыкновеннаго *осі*, съ опущеніемъ начального *о* и съ конечнымъ *i*, которое указывается на основную форму не вовсе, а вовсѣ; *післі*, *опіслі* (послѣ); *відк-ія*, *відс-ія*, *відт-ія* (отколѣ, отселѣ, оттолѣ) при *відкі* (—кіль), *відти* (—тіль), *відси* (—сіль); въ старинныхъ Юруес. и Зап.-Рус. грамотахъ находимъ *поколі*, *доіполя* (Червоноорус. гр. 1401 г. Ак., отц. къ И. Юж.)

З. Р. I, № 8), доколи (1340, 1388, Ак. отн. къ И. З. Р. I № 1, 7) потоля (1383, ів № 6), теперь въ Укр. поки, поти, доки изъ—тиль, киль; въ Волын. гр. 1564 (Рус. Бесѣд. 1857, 8, 29)—оттоля; нынѣшнее Укр. биля и киль (Галиц. піля) изъ підля (подлѣ).

Къ слову ёамъчу, что производство словъ подль, өозлъ отъ предлоговъ под, өоз съ частицею лъ (Буслаева Грани. I § 73, 1) мнѣ кажется невѣрнымъ. Въ подль вовсе нѣтъ значенія подъ, sub; оно есть синонимъ От.-Сл. и Др.-Рус. по-длъгъ, по-длъгъ, Стар.-Сербск. подльгъ, полъгъ, полагъ, Польск. podlугъ, и эта синонимичность происходит отъ того, что подль—изъ по—длъ (одного корня съ долъ, долина, длина). Миклошичъ (Lex. s. v.) считаетъ правильнымъ писаніе подль, но старинные памятники даютъ такое же или большее право писать на концѣ лъ. Тотъ-же ученый совершенно вѣрно, какъ мнѣ кажется, производить өозлъ изъ өозз дль т. е. дълъ, съ коимъ слѣдуетъ сравнить Поль. we-dlug, Поль. Чеш. we-dle, өозлъ.

Къ § 36, 1. «Какъ произносится о безъ ударенія?» спрашиваетъ г. Новицкій. Здесь нужно различать несколько отдельныхъ явлений. Во-первыхъ, общеславянское знаменательное усиленіе о въ а въ глаголахъ съ значеніемъ большей длительности, усиленіе отчасти сохраняемое Mr. парѣчіемъ: донаіти, помочати и т. п. Это а изъ о первоначально вовсе не имѣть связи съ отсутствіемъ ударенія, но въ Укр. говорѣю, получая ударение, опять возвращается къ о: добноваючи. Во-вторыхъ, Кривошеинскомъ говорѣ (а быть можетъ и въ другихъ) какъ и въ Вр. усиленіе о въ а остается подъ ударениемъ: добноварувати (Укр. добновбрювати). Во-вторыхъ, специально Малорусское склонническое измѣненіе о неударяемаго въ слогахъ, предшествующихъ ударяемому въ а, напр. качан, качан, мѣстами корабель (Укр. корабель) нахавиці и десятокъ или около того другіхъ. Съ такимъ измѣненіемъ, а не съ правильнымъ Ювр. переходомъ о неударяемаго въ а, слѣдуетъ сравнить тѣ немногіе

Инояземные слова въ коихъ *a* изъ *o* встречается въ древн.-Русскихъ памятникахъ: Манамахъ и Монамахъ (напр. въ Ип. Л. 1, 5), монастырь (часто, такъ и теперь въ Mr.) Марава (Лавр. Л. 11 и др.). Е Напротивъ, сюда не относятся приводимыя Вагилевичъ Галицк. слово *hárdi*, *hajnij* (въ Поль. *hardy hojny* съ непольскимъ *h*) въ коихъ измѣненіе *o* ударяемаго въ *a* не имѣть ничего сходнаго съ Укр. Въ *третыхъ*, свойственное только говорамъ смежнымъ съ Ювр. измѣненіе въ *a* всякаго неударяемаго *o*, неперешедшаго по требованію Mr. фонетики въ *у*, *у* и пр. Это — заимствованіе съ Ювр., притомъ болѣе позднее, чѣмъ Малорусское измѣненіе *o*, зависящее отъ качества слога и долготы. Замѣчу здѣсь, что изъ извѣстныхъ Сѣв. Mr. говоровъ, въ Пинскомъ болѣе звуковыхъ Br. примѣтъ, чѣмъ въ другихъ: въ немъ есть и дзеканье, и смягченіе *e* въ *е*, и измѣненіе *e*, *ø* неударяемыхъ въ *я*, и аканье. Въ Заблудовскомъ есть дзеканье и *e* изъ *e*, но нѣтъ аканья. Въ Сосницкомъ и Кролевецкомъ, кромѣ аканья, не видно ничего B.-русскаго. Въ *четвертыхъ*, у изъ *o* неударяемаго, кромѣ глагольного характера *ova*: буяре и т. п. (См. въ май ст. § 36, I б.). Это явленіе свойственное и Зап. и Восточ. говорамъ такое-же спорадическое, какъ и *a* изъ *o* въ неакающихъ говорахъ. Отъ него, *въ-пятыхъ*, слѣдуетъ отличать *u* изъ *o*, *ю* изъ *ø* въ глагольномъ характерѣ *ova*, гдѣ *u*, *ю* появляются не въ силу одного отсутствія ударенія, но и отъ ассимилирующаго влиянія звука *e*. Есть говоры, въ коихъ *u* изъ *o* появляется въ другихъ случаяхъ, но не въ *ova*; напр. въ Кобр. *u* мурдовати, а не мордувати. какъ въ Укр. Въ характерѣ — *ova* о неизмѣнно въ уѣздахъ Бѣлостоцкомъ, Пруж., Бѣль., Брест., Кобр. Пинскомъ, Овруч., Козелец., Глуховскомъ. По г. Аѳанасьеву *овать*, *ёвать* (а не *ювать*, *увать*) и въ Харьковской губерніи. Это можетъ быть справедливо развѣ относительно немногихъ мѣстностей, но какихъ именно? Произношеніе — *ува*, — *юва* обычно въ губ. Харьков. Полтавской, въ Кролевецкомъ у. Чернигов.

(см. образецъ), въ Киев., Подольск., въ Галиції. Оно выходитъ за предѣлы Мр. нарѣчія, ибо въ Погарѣ Черн. губ., где говоръ не Мр., тѣмъ не менѣе находимъ: за-кусувать, распрашувать, разказувать и пр. Замѣтимъ въ грамотѣ Александра Господ. Молдавскаго 1407 г. Малорусской по языку, торгувати (Ак. оти. до И. З. Р. I. № 21; грамота доставлена въ епискѣ Д. Зубрицкимъ).

— Мнѣніе, что увати, — ювати возникли не изъ оеати, — гвати (кои мы счищаемъ общеславянскими), а удержаны у, ю первоначальной формы на ути — юти (Лавровскій, Обзоръ замѣч. особ. нар. Мр. стр. 12) столь же невѣроятно, какъ и мнѣніе того же ученаго, что і въ біий не возникло изъ ю, адержано отъ дославянскаго времени.

— «е безъ ударенія въ западныхъ нарѣчіяхъ по выговору близко подходитъ къ ю» (Новиц. вопр. 9). Это произошеніе условлено предварительнымъ выговоромъ е за э и имѣть мѣсто безразлично какъ въ Западныхъ говорахъ (См. въ прилож. образцы говоровъ Бѣльск., Брест. Кобр.), такъ и по лѣвой сторонѣ Днѣпра въ губ. Полтав., Харьк., Екатерин., но такъ, что окрѣпло лишь въ немногихъ словахъ, а обыкновѣнно составляетъ лишь особенность личнаго небрежнаго выговора: одинъ и тотъ же человѣкъ скажетъ и метѣ и митѣ и т. п. Такоже личная небрежность производить и обратный переходъ средняго неударяемаго и въ е; напр. въ Кобр. ніт некбю (=нікбю, Укр. нікбю). Въ Свѣ. говорахъ, где е = в, это въ само собою, можетъходить при отсутствіи ударенія, уже не въ и, а въ і, что и встрѣчается въ Забудовскомъ: німа (нема = немає). Въ Нинскомъ в (изъ в) безъ ударенія можетъ, по влиянию Ювр., переходить въ я: вазу и т. п..

— «Какъ произносится я, когда на немъ лѣтъ ударенія? Въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Сѣверскомъ оно переходитъ въ atomъ случаѣ въ е (їе), если оно находится въ началѣ слова или послѣ гласной: йекій, йелина, пойесь; если же ему предшествуетъ согласная, то смяг-

ченіе *е* теряется: ребый, сонешникъ, яцегата (Новицк. вопр. 1); «въ Черниговскомъ, вслѣдствіе перехода *я* безъ ударенія въ *е*, окончаніе—ять» (З. л. ед. ч. наст. вр.) измѣняется въ—еть, съ потерю смягченія согласной: ходеть, водеть, носеть; при этомъ выпадаетъ и эвфоническое *я*, гдѣ таковое находится послѣ губныхъ звуковъ, напр. ребеть, любеть, ловеть, лупеть, вмѣсто робъть, лупльть» (ib. вопр. 53). Въ приводимыхъ ниже образцахъ измѣненіе *я* неударяемаго въ *е* замѣтно въ Заблуд., Пружанскомъ (гдѣ однако ся—са, а не се, се), Овручскомъ, Сосницкомъ (гдѣ—ся), Кролевецкомъ. Нигдѣ не замѣтно измѣненія конечнаго *я* въ *с*, кромѣ, мѣстами, въ ся. А рѣзкі можно сказать, что послѣ согласныхъ несмягчаемыхъ въ извѣстномъ говорѣ (напр. р, ц, иногда с) это *е* изъ *я* превратится въ *е* твердое; но что такое превращеніе имѣть мѣсто послѣ всякой другой согласной, кромѣ *ј*, напр. послѣ *я*, *и*, это требуетъ подтвержденія образцами, вѣрно записанными разными лицами. Въ Заблудовскомъ встрѣчаются примѣры мягкости въ послѣ *я*, *и*, *е*. О примѣрахъ, приводимыхъ г. Новицкимъ, замѣчу одно-
дующее: *элна* можетъ непосредственно примыкать къ основ. формѣ *ель*, вовсе не предполагая непосредственно формы *ялна*, *е* твердо въ сонешникъ легко объясняется изъ въ солнечн.—(какъ и въ соотвѣтственныхъ формахъ Вр. и Цольской) и въ такомъ случаѣ оно архаичнѣе. Украинскаго я въ соняцннй, сонашникъ, сонахъ. О *лягти* и *лягти* подозрительно извѣстно, что это позднѣйшія, ^{затѣмъ не обще-мѣдведицкія} формы; что въ *лягти* *я* неправильно перенесено изъ первой темы (*ляжъ*, *лягу*, *ляхъ*) во вторую, гдѣ должно было быть *е*, сохраненное, напр. въ Кобрин., Брест., Галиц. *дѣчи*, *дѣли*; что первоначально отъ этой второй темы съ *е* образуется глаголь съ характеромъ $\frac{ee}{a}$ и съ усиленіемъ коренного *е* въ *я*: *лягти*, сохраненный въ Галиц. *лянати*; что, стало быть, Черниг. *дѣнати* можетъ предполагать не форму *лягти*, а *лянти*, въ коей *я* неударяемое по правилу будетъ—*e*. Извѣстно, что отсутствіе

— 45 —

евв. *я* въ Ст.-Сл. любать, Др.-Рус. и Вр. любять, любят, древнѣе, чѣмъ его присутствіе въ Укр. люблять; но вовсе не доказано, что эта послѣдняя форма есть общемалорусская и что слѣдовательно Черниг. любеть (невозможно отъ твердости *е*) павѣрное возникла изъ люблять: она прямо могла образоваться изъ любять.

Звукъ *е* въ зѣць род. зайца слышится и въ Укр. говорѣ, напр. въ Польг. г., гдѣ *я* неударяемое вообще неизмѣнно, и это объясняется тѣмъ, что въ црнѣто здѣсь, какъ и во многихъ другихъ Рус. говорахъ, за такую же бѣглую гласную, каково *е* изъ *ъ* въ боецъ и т. п., между тѣмъ, какъ въ Стар. Рус. памятникахъ здѣсь постоянное *я—и*: заяцъ, заяця.

Въ примѣненіи ко всѣмъ Mr. говорамъ недостаточно вопросовъ: переходитъ ли *я* неударяемое въ *е* (или *e?*) и, если переходитъ, то гдѣ: только въ началѣ и внутри словъ или и на концѣ? въ послѣднемъ случаѣ имѣеть ли мѣсто этотъ переходъ только въ мѣстоменіи сѧ, или и въ другихъ случаяхъ? Извѣстно, что въ Галицкомъ говорѣ, какъ это показано у Вагилевича, Головацкаго и въ моей статьѣ (§. 37, 1) *я* (*—я* и *и*) внутри и па концѣ словъ послѣ согласныхъ переходитъ въ *е*, мѣстами въ *i*, *u*, не зависимо отъ ударенія, въ силу одной прогрессивной ассимиляціи. Къ сожалѣнію, Галицкіе ученые не дѣлаютъ различія между *я* и *ъя*, *ъя*, между *е* и *ъе*, *ъе*, такъ что напр. Вагилевичъ характеризуетъ Кіевскій говоръ приписываетъ ему форму *плица*, *пявка*, тогда какъ мы иначе произносимъ такъ написанные слова, а иначе *пъявка* (*пјавка*), а еще иначе *плявка* (*пјлавка*). По его словамъ (Gram. xv) въ Галицкомъ говорѣ произносится: опеть, рѣд, зъбести (зъбнуть), въ род. ед. князье, писарье, мужье; но, при сбивчивости его правописанія, неизвѣстно, что онъ хочетъ этимъ сказать: опеть или опеть, писарье или писаре? То и другое не только возможно, но, кажется, дѣйствительно существуетъ мѣстами.

— Обратное измѣненіе, именно *е* въ *я* въ окончаніи

ніи именъ на *ое* (зімля), свойственное Украинскому и (безъ удвоенія предыдущей согласной) Карпатскому (Головац. Розправа, 48), то же не зависитъ отъ ударенія (напр. *знатті*, *смітті*); *е* въ этомъ случаѣ остается въ Галицкомъ и сѣверныхъ Мр. говорахъ.

Къ § 36, I. в. Звукъ *ї* на концѣ окончанія родит. ед. прил. опред. ж. *ої*, *еї* (*ёї*) или, какъ пишутъ, *ої*, *еї* произошло изъ ~~і~~ *и* черезъ посредство *е*: изъ добрая, синяя—вышло доброе синее, а отсюда доброї, синеї. Нѣкоторые изъ Мр. говоровъ не только удерживали окончаніе *ое*, *еє* въ XVI в. (см. въ моей статьѣ § 4, 5, 6), но удерживаютъ и до нынѣ: въ Пружан. у. находимъ ни *іо́дное* (одной), въ Пинскомъ—старшое свашки; однако въ Заблудов.—*ої*: злой, русої. Это *ої*, свойственное большинству Мр. говоровъ, находимъ уже въ грам. Подольского князя Александра Корятовича 1375; князь и гдарь Подольской земли (Срезнев. Др. пам. Рус. письма 265), откуда видно, что уже въ то время была въ этомъ отношеніи разница между Мр. говорами. Дальнѣйшее измѣненіе *ої*, *еї* въ *ої*, *еї*, свойственное В.-русскимъ говорамъ, въ М.-русскихъ встрѣчается лишь изрѣдка, и то не въ разговорной рѣчи, а какъ поэтическая вольность, напр. въ Эпейдѣ Котляревскаго: «так вічній памяти бувало у нас въ нетманшині колись», или въ пѣснѣ записанной въ Брест. у.: «здрадило юї (изъ ёї, *еї=іеї*) ночное почование», «моюї (изъ моїй, *моїї*) стеженьки».

Тоже слѣдуетъ сказать о сокращеніи конечнаго *ю* въ *ї* въ творит. един. прил. и сущ. (см. въ моей ст. § 36, 3, н). Эта вольность тоже встречается у Котляревскаго: «з дійницей ричка виступала», «павук торкав *ії* ної», «рушаїте як один шульгой»; но не въ обыкновенной рѣчи, и только съ этимъ ограниченіемъ можно принять мнѣніе Миклошича (Vergl. gr. III, § 548) и г. Новицкаго (Прогр. вопр. 35), что на востокѣ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра творит. ед. ж. оканчивается на *ої*, *еї*. Что до оконч. твор. ед. ж. на *ое*, *еє* въ Западномъ

... дд ...

Подольскомъ (какъ говоритъ г. Новицкій), Галицкомъ и Карпатскомъ, то изъ предположеній о происхожденіи этого окончанія я теперь считаю единственно вѣроятнымъ то, по которому это *ов*—изъ общерусскаго *ою* посредствомъ опущенія *ј*: *доброу*=*доброр* изъ *доброу* какъ въ Карп. моу изъ мою. Свѣдѣнія, сообщаемаго г. Новицкимъ, что въ западномъ Подольскомъ и Галицкомъ твор. ед. ж. оканчивается также на *оюв* (*добройовъ*, *бѣлойовъ*) нѣтъ ни у Вагилевича, ни у Головацкаго, ни у Миклошича и Осадцы, а потому покамѣсть позволительно усомниться. У Лемковъ при *ов* встрѣчается *ом* (см. въ моей статьѣ стр. 155; приведенное тамъ написаніе—*водовъ*, *водомъ*, относительно *ь*, кажется, выдумано записывателемъ), вѣроятно образовалось подъ вліяніемъ Польскаго *а*, (*woda*), хотя въ Сербскомъ, где теперь *водомъ* и т. п., это *ом* образовалось изъ *ов*, которое въ этомъ падежѣ употреблялось въ XII—XIII в. напр. у Сербскаго переписчика Шестоднева Іоанна экзарха (1263 г.)—съ великовъ печалию, своеовъ душовъ. (Калайдов. Іоан. Экз. 164; см. также Майкова Ист. Серб. яз.).

— Въ Брестскомъ у. находимъ виѣсто *ої* (*ojí*) въ родит. ед. прил. и мѣстоим.—*еї* (*eї*), а въ Кобринскомъ сверхъ этого и въ творительномъ *ею* вм. *ою*: *тѣї*, *молодёї*, *тѣмнеї*, *тѣю* яснею. Измѣненіе это не зависитъ отъ ударенія. Еслибъ оно встрѣчалось только въ родительномъ, то его можно бы приписать Польскому вліянію (*małodej*), равно какъ и *е* въ уединенно стоящемъ творит. шовкем (Кобр. у. Пам. нар. тв. въ СЗ. кр. 24); но такъ какъ это *е* есть и въ творительномъ, къ чему Польское *а*, въ *małoda* не могло быть поводомъ, то, не объясня, сошлюсь только на такія же оконч. родит. на *еї*, твор. на *ею* въ Вр. говорахъ (см. въ моей ст. стр. 59).

— Окончаніе—*иес* (*ыгє*), *іє* (*а не ијі, іјі*) въ именит. мн. прилагат. и мѣстоимен. трехъ родовъ свойственно всей сѣверной полосѣ Mr. говоровъ (см. приложенія) и по отношенію къ *ијі*, *іјі* есть архаизмъ, а не заимствованіе изваѣ, ибо форма *молодијі*, *молодијі* предпола-

— 56 —

гаетъ — ыіе. По мнѣнію г. Максимовича, оконч. ыи, ии напр. горы Угорьески (сл. о П. Иг.), синій мѣній (ib), на великии бороды (Ипат. л.) есть признакъ Малороссійскаго нарѣція, которое «издревле» привило это окончаніе для всѣхъ трехъ родовъ (Новыя письма, 27). На это замѣчу, что если же не вывелоось въ Mr. говорахъ до сихъ поръ, и если оно обыкновенно въ Волынскихъ памят. XVI в., то тѣмъ обычнѣе оно должно быть въ XIV—XV, хотя въ это время было уже и ыи: въ Червонор. гр. 1424—законы есмо закоцали вѣчны (А. отн. къ И. Ю. и З. Р. I № 16); «штобы тое жито давали прироженны мои и по мнѣ будучіи (1486, ib. № 229). Съ другой стороны ыи, ии для именит. и вицит. мн. ч. трехъ родовъ свойственно и чисто Велико-руссикимъ памятникамъ XIV в., хотя и не есть для этого и позднѣйшаго времени окончаніе единственное. Примѣровъ множество. Укажу напр. на духовную Ивана Калиты, 1328, гдѣ «чашки круглыи, въ блодци мещани, въ седѣ Коломенськии (Соб. Гес. гр. и дог. I); на грам. Олега Рязанскаго, 1356, въ (дав) ныни грамоты (Срез. Ар. пам. Рус. письм. 263); на Новгор. I лѣт. по Синод. и Ак. спискамъ, гдѣ часто черныи люди, послове Нѣметскіи и т. п. Отсюда видно, что встрѣчая въ памятникахъ южныхъ по происхожденію, но дошедшіхъ до настъ въ сѣверныхъ спискахъ съ явственными следами Свр. говоровъ (каковы Сл. о П. Иг. и Ипат. сп. лѣт.) окончанія ыи, ии для именит. вин. мн. ч., при болѣе древнихъ, мы не имѣемъ права видѣть въ этихъ окончаніяхъ что-либо характеризующее Южно-руссій языкъ сочинителей. Гораздоѣ, что въ языкѣ этихъ послѣднихъ еще не было смышенія имени и вин. мн. муж. р. а также и смышенія оконч. муж. съ жен. и средн.

— Мнѣ кажется весьма страннымъ утвержденіе г. Новицкаго (Прogr. вопр. 40), что мынѣшнее Mr. «оконч. именит. мн. прилагательныхъ находится въ тѣсной свя-зи съ переходомъ о: гдѣ о переходитъ въ і со смягченіемъ согласной или безъ него, тамъ и прилаг. въ именит.

и. оканчиваются тѣмъ же звукомъ: чорні, білі или чорнї, білї; всѣмъ же остальнымъ измѣненіямъ соотвѣтствуетъ въ этомъ падежѣ окончаніе ы: чорны, білы». Тутъ не можетъ быть никакой связи: ни преемственности, ни аналогіи; ыи, іи образуются изъ ыс, іс, въ силу вліянія ј на е, т. е. въ силу прогрессивной ассимиляціи; затѣмъ єї прямо стягивается въ і, а ыї, смотря потому, какъ вообще въ извѣстномъ говорѣ произносится среднее и, въ ії и і, какъ въ Українскомъ, или въ и, какъ въ Брест. Кобр. съ одной стороны, въ Карпатскомъ съ другой.

Въ Кролевецкомъ замѣтно въ іе обратное явленіе, т. е. поглощеніе первого элемента вторымъ: усяке очи, рядомъ съ іишіе, такіе.

Со стяженіемъ оконч. именит. мн. ч. ыji, иji въ ы—и, і предсталяетъ нѣкоторое сходство стяженіе окончанія именит. ед. прилаг. и. р. ыї, ії въ и (среднее и) или ы, (гдѣ оно осталось) і: добри, сині, имѣющее мѣсто въ Заблуд. Пруж. Минскомъ, Сосницкомъ, Кролевецкомъ и съвернѣе въ Бѣлорус. говорахъ Гродненской, Віленской и вѣроятно Минской губерній, а съ другой стороны по крайней мѣрѣ мѣстами въ гов. Галицкомъ и Карпатскомъ Въ у. Брест. и Кобрин., если не вводить нась въ заблужденіе записыватели, ыї (ий), ії, а не ы—и, і. Въ Заблудов. и въ Бр, говорахъ слышится и бї ви. бїй (бей).

— «Опускается ли й (изъ і) въ глаголахъ сложныхъ отъ іты, іматы? Это имѣть мѣсто въ Сѣверо-восточныхъ говорахъ: виду, пришовъ, виму, приму» (какъ будто иму отъ имати?) «вм. вайду и пр.» (Новиц. Прogr. вопр. 14). Стяженіе ыї, ії есть и въ СВЗ. говорахъ напр. въ Пружан. обидеш, придется; а въ при-шов можетъ вовсе не быть стяженія, ибо эвфоніч. ж, ії въ йшов вовсе не есть необходимая принадлежность. Mr. говоровъ.

— «Не вставляется ли въ нѣкоторыхъ словахъ промежуточное и? Мѣстами, преимущественно въ Черниг. нарѣч. говорятъ двіачи, трейчи, трейтій, юйстрий, буйстрий ви, двічи и пр.» (Новиц. Прogr. вопр. 13).

Въ двійчи, трейчи *и* не есть вставное и эвфоническое и формы эти стоять не вмѣсто двіичи, а наоборотъ *двіичи*, *триичи* образовано изъ двійчи, трийчи, а это—изъ двойчи, тройчи. Эти послѣднія формы извѣстны по древнимъ Рус. памятникамъ, напр. въ Поликарповомъ Ев. 1307 г. «преже даже курь не успоетъ двоичи» (Буслаевъ Материалы, 33); въ Лавр. лѣт. 14, 23: да въспитить (взъвратить) троичь (вар. троиче, троичи). Ср. у Иоанна экз. по Сербскому сп. 1263, другойжде (въ другой разъ, въ другомъ мѣстѣ, въ другое время); при этой Ст.-Сл. формѣ есть и другія Ст.-Сл.: другойшти, другоичи, другойци (см. Mikl. Lex. тамъ-же и двоичи, двоичь, троичь).

— Кѣ § 36, 3, а. Къ примѣрамъ стяженія въ мѣстоименіяхъ прибавлю Брест. Кобр. ма (моя), меї, твеї, свѣї (мої і пр.), мею, свєю (моєю), мему (моєму), сви (свої). Все это новообразованія, коихъ не слѣдуетъ ставить въ рядъ съ очень древними общеславянскими формами: ми, ти, си, мѣ, тѣ, сохранившимися въ Галиц. Польск. и Волын. мі, ті, сі (такъ пишеть г. Новицкій, вопр. 41), но, можетъ быть, *и* и пр. со средн., *и?* мъя, тя, и въ обще-рус. ся. Эти формы вовсе не стоять *омѣсто* мені, мене и пр. А род. Галиц. то, *му* дѣйствительно образовались изъ него, гему черезъ форму *йно*, *йму*, какъ *йолка*, мати изъ *йолка*, *ймати*.

Кѣ § 36, 3, к. «Опускается ли о, когда ему предшествуетъ гласная? Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ начальное о, оставаясь по большой части неизмѣннымъ, не получаетъ при томъ-же приыханія, оно при стечениіи съ гласною не рѣдко выпадаетъ: не'дам, не'диню, одно 'дного, по'бивати, по'рати, вм. не одам и пр.» (Нов. прогр. вопр. 7). Слѣдовало сказать не «въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ...», а «въ тѣхъ случаяхъ, когда...», потому что въ одной и той-же мѣстности, напр. въ губ. Полтав. и Харьк. возможно не віддам, и не одам, и, для разнѣра не'ддам. Я не думаю, чтобы это явленіе можно было считать особенностью какого либо одного говора и чтобы гдѣ либо оно составляло правило.

Ко § 36, 3 д. и 37, 2. Согласно съ мнѣніемъ г. Максимовича, который говоритъ, что въ Словѣ о П. И. поизить, вонзить (вм.—те) поставлено по-малороссійски (Новые письма, 28), и я думалъ, что эти формы слѣдуетъ читать такъ, какъ онѣ написаны; но теперь думаю, что въ выраженіи «уже поизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени» лучше читать «понизите, вонзите, потому-ли, что въ рукописи стояло «понизит» съ титломъ надъ *т* (какъ предполагаетъ г. Тихонравовъ, (Сл. о П. И. 10), или, вѣроятнѣе, потому что въ «понизить» поставлено вм. *е*, по обычаю Сѣверно-русскихъ писцовъ замѣнять конечное *е* черезъ *о*, *е* и *ѣ* черезъ *ѣ* и наоборотъ. Подобно этому въ выраженіи «Ярославнинъ гласть слышить (=ся), звгицею незнаемъ рано кычеть» вм. незнаемъ слѣдуетъ читать незнаемъ, что даетъ удовлетворительный смыслъ: «кукушкою незнаемо (т. е. не замѣчаемая никѣмъ, потому-ли что еще рано, или потому что она одна, не сопровождаемая никѣмъ, что въ скорби ищетъ уединенія) кукуетъ». Между тѣмъ «не знаемъ» принятое за имен. пад. ед. ч. м. р., т. е. за «незнаемъ», какъ у Дубенскаго, не даетъ никакого смысла, Въ выраженіи: «мало-ли ты бяшеть горъ подъ облакы вѣти» гг. Тихонравовъ и Буслаевъ вм. горъ читаютъ горъ, Въ Новгор. памятникахъ *з* вм. *ѣ*, по нескодству звуковъ, можетъ стоять развѣ по опискѣ, и потому, если предположить, что такое чтеніе вѣрно, то въ рукописи стояло не горъ, а горъ.

Ко § 37, 3, а. «Какъ произносится ы? Въ Западныхъ нарѣчіяхъ звукъ этотъ произносится весьма твердо, какъ въ Бр. говорахъ: мы, ходылы, быты, выла, волы; въ нарѣчіяхъ-же лѣвой стороны Диѣпра подобнаго звука нѣть вовсе, и его замѣняетъ звукъ болѣе мягкий, выражаемый буквою и» (Новиц. Прогр. 10). Составитель программы спрашиваетъ о произношеніи ы, что, правильно понятое, можетъ быть отнесено только къ основному ы; но, какъ видно изъ примѣровъ, разумѣть произношеніе какъ основнаго ы, такъ и основнаго и. Такая неопре-

— 60 —

дѣлнность вопроса была бы безвредна только въ томъ случаѣ, если-бы все Mr. населеніе не дѣлало различія между Обще-руссікимъ основнымъ ы и и; но эти звуки различаются съ одной стороны въ Заблудовскомъ, а вѣроятно и въ нѣкоторыхъ другихъ сѣверныхъ говорахъ, а съ другой—въ Карпатскомъ, гдѣ осн. ы выговаривается грубо, по однимъ—близко къ е (э), по другимъ (Wahilev. gram. XVIII)—сходной съ ой или уй. Не вижу надобности считать такое различіе заимствованнымъ откуда бы то ни было, тѣмъ болѣе что крайніе говоры и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ архаичнѣе среднихъ. Въ тѣхъ-же говорахъ ы въ словахъ корня бы не измѣняется въ у. Тоже замѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ говорахъ, въ коикъ и сравнялось съ и, напр. въ Пружан. у. (бывалою), Бѣльскомъ (была, Пам. Нар. тв. Свз. кр. 152), Брест. (бытай, была), если, впрочемъ, это не ошибки записывателей; у въ бути и пр. есть не основное у этого корня, а слѣдствіе специально Мадорусскаго стремленія удержать здесь обще-славянское основное гортаное ы, несмотря на потерю этого ы во всѣхъ другихъ случаяхъ. Такъ и теперь иные иностранцы вм. ы говорятъ или ё, или у, уй. Древнійшій случай у въ бути и т. п. косвенно свидѣтельствовалъ-бы, что въ то время ы въ среднихъ Mr. говорахъ было уже потеряно.

Отдельные случаи замѣны ы черезъ и, свидѣтельствующіе о древности смѣщенія этихъ звуковъ въ Mr., восходятъ къ XIII в.: простыя жёны въ Волынск. сп. поуч. Ефрема Сириня, 1288 (Срезн. Свѣд. о малоизв. пам. I, 49). Въ грам. Витовта, 1383, писанной впрочемъ въ Полоцкѣ,—лѣта тысячиго трисотнаго... (Ак. отн. къ И. З. Р. I, № 6); съ гр. 1395, 1398—тысяча (ib № 11 и 12); тоже въ Червоноорус. гр. 1404 (Ак отн. къ И. Ю. З. Р. I, № 9); въ Львовской купчей 1400 г. (ib. № 6)—наоборотъ ы вм. и: дѣты его.

Формы какъ мъногашды и м'ногашды въ Изборн. Святосл. 1073 г. (Бул. Матер. 9) и въ Остром. Ев. могли-бы быть приводимы въ доказательство смѣщенія

ы и и въ Mr. или взаимной замѣны этихъ звуковъ въ Новгородскомъ (Максимовичъ, Нов. письма 25) только въ томъ случаѣ, еслибы мы были увѣрены, что колебаніе между ы и и въ этихъ формахъ не внесено въ Изборникъ и Остр. Ев. изъ нерусскихъ текстовъ. Русское окочаніе есть—чи съ и.

Не вижу никакой связи между безразличностью и и въ большинствѣ Mr. говоровъ, и спорадическою замѣною и черезъ ы на концѣ словъ въ нѣкоторыхъ Свр. говорахъ и взаимною тоже спорадическою замѣною этихъ звуковъ—въ другихъ (см. въ моей статьѣ § 24, а).

— Кѣ § 37, 3, б. и в. Изъ приводимыхъ въ приложениі къ этой статьѣ образцовъ говоровъ Гродненской губ. кроме Бѣлостоцкаго у., видно, что въ говорахъ этихъ ставится и, болѣе—менѣе близкое къ ы, не только тамъ, гдѣ въ Укр. стоить і, произшедшее изъ и основнаго безъ слѣдовъ предыдущаго ј, (напр. зіма, дат. на—ові), но и тамъ, гдѣ Вост. Mr. і основано на вліяніи предыдущаго ј, произносимаго слитно съ другою согласною напр. въ ібні, два коні, пісні (род. ед.) пісні (им. мн.). Въ Кобр. у. находимъ и (пишутъ ы) въ слѣдующихъ случаяхъ: въ окончанії дат. и мѣстн. ед. ч. на ови, єви какъ и въ Галицкомъ, напр. молодцеви, на сінови.; въ именит. мн. и двойств. сущ. м. р., независимо отъ того, принадлежать ли они первоначально къ темѣ а, или къ темѣ и: кони, три коні, гости; въ род. ед. и именит. мн. именъ жен. съ мягкими оконч.: пісни; въ частицѣ ии, ани (Укр. і, апі); въ Брест. у. находимъ сверхъ этого зіма, что правильнѣе, чѣмъ зіма.

— Въ § 38 слѣдуетъ исправить и прибавить слѣдующее: а) въ Кобр. и Галицкомъ бервинок е не произошло изъ а, а осталось отъ Латин. формы регуінса; напротивъ и въ Укр. барвінок — івъ е; въ Заблудовскомъ зарез (зараа) аналогично Галиц. далеко (далеко, Wahil. gram. XV); б) матюнка, матюр вовсе не изъ матінка, матір, а наоборотъ; ю и за тѣмъ і возникли здѣсь изъ ё, е, почему этотъ случай и долженъ быть отнесенъ къ § 20;

в) *бондарь* есть несомненно перестановка изъ *боднарь*, Польск. *bednargz*, кои—отъ бодна (обыкновенно бодня), *bedna*; но послѣднія слова ошибочно произведены мною отъ предлога *бе* и *до:* корень здѣсь *бд*, что въ Серб. *бадань*.

Къ § 39, 1, а и 40, 7. Необходимо отличать *дж* изъ *дѣ*, свойственное иѣкоторымъ Mr. говорамъ въ случаѣхъ какъ: *ходжу*=*хожу*, отъ спорадического *дж* въ началѣ словъ, предполагающаго не *д*, а гортанные звуки, но по всей вѣроятности примыкающаго непосредственно не къ этимъ гортаннымъ, а къ *ж*. Это *дж*, напр. въ джерело при жерело, Галиц. *джук*, джаворонок при Укр. *жук*, жайворонок, можетъ быть сравнено съ *ձ* при з въ Галиц. одзеро, дзвір, дзеркало, при Укр. озеро, звірь, зеркало и въ Украинскомъ дзвін, дзига, дзиз. (Польское *zuz*: «дивився дзизом», буцім потайнá собака т. е. косо). Такъ мѣстами и въ Болгарскомъ: *джелѣзо*, дзвѣзда, дзѣрина мисе (зѣрнъ ми сѣ, мнѣ показалось) дзадница, дзвонѣц (Цанцовы, Gram. der Bulg. spr 7, пишутъ *dželězo*, *džvězdù*, *džérnù mise*, *dزادница*, *džvünécs*; при чемъ ѹ означаетъ глухой звукъ, независимо отъ происхожденія). Я думаю, что какъ въ Болгар. дзадница, джелѣзо—звуки *ձ*, *дж* образовались изъ обще-слав. звуковъ з, ж, какъ мы ихъ произносимъ, и не имѣютъ отношенія къ различію между Ст. Сл. зѣло и земля, если оно было (См. Mikl. Vergl. gr. I, 217 — 18), такъ и въ Mr. джук, дзвір прямо изъ жук, звірь. Впрочемъ, основавательное решеніе этого вопроса требуетъ этимологического разсмотрѣнія всѣхъ, какъ туземныхъ, такъ и заимствованныхъ Mr. словъ съ *ձ*, *дж*, а словъ этихъ въ разныхъ говорахъ, несравненно больше, чѣмъ сколько вошло въ словарь г. Аѳанасьева. Я укажу здѣсь на три иностранныя слова, въ коихъ въ Укр. говорѣ стоять *ձ*, *дж*. *Дзиллик* (съ г.=Латин.), Польск. *zedlik*. *zedel* есть Нѣм. *sessel* по Нижне пѣмецкому произношенію съ т. Тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Укр. *ձ* изъ, з=Нѣм. *s* передъ гласною. *Дзиндзівер* значитъ

а) не то, что по Даю Бр. зинзией, т. е. не проскурнякъ, *althaea officinalis*, и не то, что, по другимъ, зинзиевъ, *salva silvestris*, а растеніе той же породы, любимое въ Малорусскихъ цвѣтникахъ, *salva moschata* или другое подобное, но непремѣнно съ нѣсколько пряніемъ запахомъ. Обстоятельство это важно для объясненія слова.
б) По причинѣ прямаго и довольно высокаго ствola этого растенія, дзиндзівер — молодецъ:

Турн и сам дзиндзівер (sic) — зух:
Коли чи пъе — не продивае,
Коли чи бъе — то вже влучав:
Ёму людей давить — як мух (Котляр. Эп.).

Котилася — разбилася цицбова тарілка,
А в нашою приїшою дзиндзівер, не дівка:
Ой як вона зановбрить — як у дзвони дзвонить;
Ой як вона засмієтца — в Полтаві слишетца!

(Гребовичная пѣсня, ведичанье хозяйствской дочери).

Въ хожденіи Аѳанасія Никитина за три моря (1468, по позднему списку) читаемъ: «Келекотъ же есть при-
станище Индѣйскаго моря всего... а родится въ немъ пе-
рець, да зенъзебилъ, да цвѣт да мошкатъ, да калашъфуръ
(Ср. Серб. каранфил, *saguophylus agomathicus*, *gewürgznelke*), да корица, да гвоздники (нѣчто отличное отъ
«каланфура?»), да пряное кореніе». Этаъ зенъзебилъ есть
латомум *zingiber* или *zingiber officinale*. Соответствен-
ное греческое слово ζυγίβερις и его исказенія, какъ
Итал. *zenzevere* или *giengiero*, Нѣмецкое, потерявшее пер-
вую согласную, *ingwer* (откуда нашъ имбирь), по изслѣ-
дованіямъ Потта, пришло вмѣстѣ съ самою вещью изъ
Индіи и основано на Санскрит. срнга — вѣра, рогооб-
разный, имѣющій видъ рога (корень имбирный) (Pott,
Etymol. Forsch. 2, 810). Этимъ вообще опредѣляется
происхожденіе Mr. дзиндзівер, но я не берусь рѣшать,
перешло ли оно прямо изъ Греческаго, или черезъ Ита-
лиянскій, что тоже возможно.— *Приджиджулитсья*.
принадѣльти, *джиджулахъ*, что любить, чтобы на се-

бѣ и вокругъ было чисто и нарядно (Номисъ, въ Основѣ 1861, VI, 28) предполагаютъ формы съ н передъ вторымъ дж, что видно изъ джинндэсурѣстий:

Пек твоїй матері, яка джинджуристася

Купив аршин бархатки, що хоче намиста.

Эту форму я сравниваю съ Серб. *кинћурити се*, рядиться, кажется, болѣе въ комическомъ или презрительномъ смыслѣ, какъ *кишошити се* при *китити се*, наряжаться, украшаться. Второе дѣлъ въ Mr. словъ=Серб. ѳ (дѣль, Поль. dz'), а первое могло образоваться изъ к. черезъ Серб. ѳ и ч; впрочемъ есть у Караджича и съ начальнымъ ѳ: ѳинћер, какое-то украшеніе и въ переносномъ смыслѣ —эпитетъ человѣка; отсюда ѳинћерити (и ясно значеніе) ѳинћуха, стекляная бусина.

— «Измѣняются ли въ спряженіи *д*, *т*, *с* и во что? Въ Западныхъ нарѣчіяхъ, особенно въ Киевскомъ и восточномъ Подольскомъ, они чаще остаются неизмѣнными: ходю, пустю, летю, просю; на лѣвой сторонѣ Днѣпра они пореходять: *д* въ *ж*, *т* въ *ч*, *с* въ *ш*: хожу, пушчу, лечу, прошу; кромѣ того *д*, преимущественно въ Киевскомъ говорѣ, переходитъ въ *дж*: *хеджу*» (Новиц. Прогр. вопр. 46). Почему же пропущено *з*: возю и вожу? Въ § 39, I, г) и 39, 3, а) моей статьи показано, что непосредственное смягченіе *д*, *т*, *зд*, *ст*, *з*, *с* обыкновенно именно въ восточномъ Мр. въ губ. Харьковской и Полтавской, но при томъ не во всѣхъ случаяхъ гдѣ Древ.-Рус. языкъ и большинство Рус. говоровъ требуетъ звуковъ *ж*, *ждж*, *ч*, *ш*, *щ*, а только въ 1 л. ед. наст. вр. глаголовъ съ характеромъ $\frac{\text{и}}{\text{и}}$, $\frac{\text{и}}{\text{и}}$ (видю, јізду), въ образованыхъ отъ нихъ а) существительныхъ на *же* черезъ причастіе страдательное (јіздіння) и б) глаголахъ на $\frac{\text{ю}}{\text{ю}}$ $\frac{\text{ю}}{\text{ю}}$ *вати*. При этомъ остается и старинное смягченіе: јіжджу, вожу и пр. Но не замѣтно непосредственнаго смягченія рассматриваемыхъ согласныхъ въ глаголахъ опредѣляемыхъ формулой $\frac{\text{je}}{\text{a}}$, какъ писати, пишу: *нигдѣ на восто-*

кѣ; сколько мѣръ известно, не говорится: писю, лизю, кло-
потю, свистю (при свищеш: свистю при свистиш —воз-
можно). Происходитъ это отъ того, что въ этихъ глаго-
лахъ, въ силу характера темы настоящаго времени, та-
же форма смягченя согласной, какая въ 1-мъ лицѣ ед.
ч., остается и въ другихъ лицахъ: пишеш, лижеш; стало
быть форма *лисю* при пишеш висосила бы ненужное раз-
нообразіе въ спряженіе настоящаго вр. Напротивъ, видю
при видиш уравниваетъ форму корня во всемъ настоя-
щемъ. Эта непосредственная смягчаемость д и т. п. въ
видю есть проявление не звукового закона, действующа-
го независимо отъ сознанія, а такъ называемой народ-
ной этимологіи. Изъ сказанного, если принять и свидѣ-
тельство г. Новицкаго, выходитъ, что ни хожу, ни ходю и
т. п. неограничены какою либо одною стороною Днѣпра.
Что до дж изъ д, то къ сказанному въ моей статьѣ (§ 39,
1, а и 13, а) о распространеніи этого звука, по г. Новиц-
кому, слѣдуетъ прибавить Киевскую губ. а также нѣкоторая
другія мѣстности Гродн. губ. кроме Заблудовья. Вопросъ
объ измѣненіяхъ д, т въ ж, ч и пр. обнимаетъ не одни
только спряженія, но (если не растягивать понятія о
спряженіи безъ всякой мѣры и нужды) и словообразованіе
вообще.

— «Не переходитъ ли иногда окончаніе неопредел-
леннаго наклоненія въ чы? Въ Галиціи употребляются
и иногда формы *печы*, *бережчи* вместо пекти, берегты» (Прogr. вопр. 45). Къ сказанному объ этомъ въ § 39,
2, а) моей статьи прибавлю: а) Формы неопредел. накл.
глаголовъ съ корнями на гортанную, безъ характера во
второй темѣ, подобная двумъ вышеупомянутымъ, встрѣ-
чаются не только въ Галицкомъ, гдѣ составляютъ пра-
вило, но и въ Сѣверозападномъ краѣ, напр. въ Брест. у.
гдѣ *утечи* (общерусская древняя ф.) и позднѣйшее *легчи*
(съ е основнымъ, а отнюдь не изъ я). б) Формы какъ
печи, *течи* вовсе не стоять вместо Украин. пекти,
текти. По отношенію къ тѣмъ и другимъ слѣдуетъ при-
нять три периода языка: одинъ доисторический, отрывае-

мый только путемъ анализа и сравненія, когда въ Славян. языкахъ возможны были сочетанія—*кти*, *ти*, какъ теперь въ Литовскомъ; другой, въ которомъ въ силу фонетической необходимости образовалось Ст.-Сл. *пешти*, *мошти*, Руск. *печи*, *мочи* и соответственные формы въ другихъ Славян. нарбчіяхъ; третій, къ коему относятся областные формы *пекти* и *пекчи* и т. п. Дѣйствующія въ этой послѣдній періодъ звуковыя стремленія только допускаютъ сочетанія *кти* и т. п., но не требуютъ ихъ; съ этими стремленіями столь же было бы согласно сохраненіе старинныхъ формъ, какъ *пекти*. Языкъ, передѣльвая *печи*, въ *пекти* и *пекчи*, руководствуется не законами благозвучія, а психологическими побужденіями, именно стремленіемъ возстановить этимологическую ясность слова, какъ и въ вышеупомянутыхъ формахъ: видю ви. вижу. При этомъ *пекти* оказывается болѣе совершеннымъ образцомъ народной этимологіи, чѣмъ *пекчи* и т. п. въ коихъ—*чи*, кромѣ суффикса неопредѣл. накл. ти, заключаетъ въ себѣ видоизмененіе конечной согласной корня, которая въ неизмѣнномъ видѣ и безъ того находится въ корнѣ. *Пекчи* до нѣкоторой степени сходно съ Франц. *être* (=ess-t-ge съ эвфонич. t, изъ esse-re), въ коемъ суф. неопр. накл. содержится дважды. *Пекти*, по времени образования и по дѣйствующимъ въ этой формѣ стремленіямъ языка, вполне соответствуетъ формамъ *гребти*, *ревти*, въ коихъ тоже нарушены звуковыя законы предшествующаго періода, ради этимологической ясности. Думать же, что *пекти*, *гребти*, *ревти* древнѣе формъ *мечи*, *зрести*, *рюти* и сохранились отъ доисторического времени—столь же ошибочно, какъ было бы (напр.) ошибочно объяснять Ювр. *a* изъ о неударяемаго тѣмъ, что это *a* есть остатокъ того же основнаго доисторического звука.

Къ § 39, 3, г. До какой степени колебанія между мягкостью и твердостью звука *и* въ приводимыхъ ниже образцахъ говоровъ Пружанскаго, Брестскаго, Кобрин. у. зависятъ отъ записывателей? Въ образцахъ говора Кролевец. у. основное *и*, если вѣрить записывателю, мягко

тамъ же, гдѣ и въ Укр., но и изъ тс (дивицце)—твѣрдо.

Мягкость и въ Мр. говорахъ есть остатокъ древняго общерусскаго произношениѧ, и въ этомъ смыслѣ не есть специально Малорусская особенность.

«Когда я встрѣчаю, говорить г. Максимовичъ, у Нестора напр. *у отца*, то говорю, что здѣсь отзвалось у него наречіе Малороссійское, ибо по Церковно-славянски да и по Велико-руssки бы *у отца*» (Нов. письма 29). Въ Ст.-Сл точно «*у отца*»; но неужели мы, находя напр. въ Духовной Ивана Калиты (1328 Соб. Гос. Гр. I № 21) отца, Маковецъ, должны считать и здѣсь *ця*, *цю* за малоруссизмы? Эта Вр. по не Новгородская грамота, въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, не есть какое либо исключение. Колебанія между твердостью и мягкостью и, напр. между сочетаніями *цу* и *ци*, въ одномъ и томъ же Вр. памятникѣ встрѣчаются даже въ XVI вѣкѣ, не говоря уже о мягкости и въ нынѣшихъ Свр. говорахъ. Поэтому форма *отца* въ Лаврент. сп (XIV в.), сдѣланномъ на Сѣверѣ, на такомъ же основаніи можетъ считаться Мр. какъ и Великорусскою.

Подобнымъ образомъ г. Максимовичъ думаетъ, что смягченіе гортанныхъ въ з, ү, с (на порозѣ), особенная форма для звательного падежа и дательный на—ови, встрѣчаемые у Нестора и въ Сл. о П. Иг. суть малоруссизмы, п. ч. Велико-руssияне отказались отъ этого еще въ глубокой древности (Нов. письм. 31, 5). По такому способу разсуждать—окажется, что формы, встрѣчаемыя въ подлинныхъ памятникахъ XIV—XV в., очевидно Велико-руssскихъ, напр. въ тамзѣ, на Устюзѣ, въ Бѣжицкомъ версѣ и т. п. (См. С. Г. Гр. и Д. I, *passim*) заимствованы изъ Церковно-славянского, а нынѣшнія Бѣlorусск. и Южно-велико-руssк. ф. какъ «въ Ельцѣ на Сасиѣ рѣцѣ» (См. Даlь, Слов.)—съ Малорусского. Вѣрнѣе, что здѣсь нѣтъ никакого заимствованія, что хотя отдельные случаи неизмѣняемости гортанныхъ въ свистящіе восходятъ къ XII вѣку, а можетъ быть и къ XI (напр. если Изборникъ, относимый къ 1076 г., гдѣ встрѣ-

чается «въ бури морськии» точно написанъ въ это время; см. Срезнев. Др. Пам. Р. II 17); но случаи какъ версъ и т. п. были еще народны въ Бр. говорахъ въ XIV—XV, а мѣстами остаются таковыми и до сихъ.

— «Смягчаются ли шипящіе звуки ж, ч, ш? Смягченіе ихъ встрѣчается преимущественно въ нар. Кіевскомъ и Харьковско-Полтавскомъ, напр. лоша, лежать» (Новиц. прогр. вопр. 27). Вовсе не «преимущественно». Изъ § 39, 4 моей статьи и изъ приложений къ ней можно видѣть, что въ говорахъ Галицкомъ и Карпатскомъ сочетаніе шипящихъ съ я (=е), ю имѣть мѣсто и тамъ, гдѣ въ Восточн. Мр. шипящіе тверды, напр. въ случаяхъ, какъ жаль, хочу, какъ въ Др.-Русскомъ, не исключая и древнихъ Мр. памятниковъ, напр. грам. Бенка, старости Галицкаго. 1398, гдѣ: свѣдчи, на жюрковѣ, нашю (Срезн. Пам. и Ак. Ю и З. Р. I № 5). Замѣтимъ однако, что въ Др.-Русск. шипящіе мягки и передъ и, между тѣмъ какъ въ Галицкомъ и Карпатскомъ и стало среднимъ, стало быть шипящіе передъ нимъ не ётированы. Въ восточн. Мр. известны только три случая мягкости шипящихъ: въ З. л. мн. ч. наст. вр. глаголовъ съ характерами $\frac{\text{и}}{\text{въ-а}}, \frac{\text{и}}{\text{и}}$ (держать, положить), въ именахъ на—я, —яти (горща, верча) и на ѿв (кулачья, збіжжя); но неизмѣнно держати (а не держати) жаль, час., хочу.

— «Не вставляется ли ж или ѹ при стечениі губной согласной съ і? Это имѣть мѣсто въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Полѣскомъ: мѣйічъ, привѣїзъ, обѣїдъ, куплітъ, дивлітъся вм. мічъ, привѣзъ, обідъ, купітъ, дивітъся» (Новиц. Прогр. вопр. 17). Основные формы приведенныхъ здесь примѣровъ и пути коими произошло въ нихъ і—весыма различны. Если на основаніи Серб. *mach* принять за основную форму *мъчъ*, то переходъ е изъ ѿ въ і въ этомъ словѣ будетъ отклоненіемъ отъ Мр. стремленія не измѣнять о, е изъ ѿ, ѿ въ подобныхъ случаяхъ. Согласно съ этимъ это слово и встрѣчалось мнѣ въ Мр. въ формѣ *mечъ*. Впрочемъ, быть можетъ вѣроятнѣе, на основаніи древнѣйшихъ Ст.-Сл. пам. (см. Mikl. Lex. s. v.)

считать основною формою мечь съ е, которое, по принципу мягкости следующей согласной, могло перейти въ нѣкоторыхъ Mr. говорахъ въ і не черезъ е, ё, ю, какъ въ віз (вѣз, вюоз, вюз), а только черезъ е=е, какъ въ піч, сім. Во всякомъ случаѣ, какъ «мѣйч», такъ и «вѣйз» предполагаютъ въ корнѣ е=е, въ коемъ ј появилось не въ силу вліянія предъидущей губной, а по качеству слова: какъ въ Заблуд. сјем=Укр. сім, семи, такъ міч (если эта форма существуетъ), меча. Вопросъ, стало-быть, состоитъ не въ томъ,—вставляется ли ј послѣ губныхъ, а въ томъ, можетъ ли оно сливаться съ ними, или нѣтъ; но въ такомъ случаѣ вопросъ этотъ относится не только къ такимъ случаямъ, где за губною следуетъ і, но и къ другимъ, какъ напр. Укр. в'язати (в'яза-ти) и т. п. Въ обзѣйд, где основная гласная есть ы, появление ј опять таки зависитъ не отъ губной, а судя по другимъ съвер. говорамъ, отъ ударенія, и вопросъ сводится къ предъидущему. Въ Укр. купите острое і не изъ ѿ какъ въ ведите=ведѣте, а изъ и (купите), произносимого остро, вѣроятно, по той-же причинѣ, какъ и въ копї, т. е. въ силу нѣкогда явственнаго, а теперь потеряннаго ј, такъ что предполагаемая Украинскимъ произношенiemъ форма есть куп-ї йтё, въ отличіе отъ предполагаемой основной формы наст. вр. куп-итѣ. Если форма купліть действително существуетъ, а не образована по догадкѣ на основаніи формъ какъ ломлите (ломати, ломлю), то она обязана своимъ л не забытому ѿ въ цвелит. накл., а тому-же, чему Украинск. З. Л. мн. куплять, то есть аналогіи съ 1 л. ед. куплю. Замѣчательно однако, что, по словамъ г. Новицкаго, въ Черниговѣ говорѣ именно и нѣтъ л въ 3 л. мн. ч. рассматриваемыхъ глаголовъ: лупеть, а не луплять.

Къ § 39, б, в. «Смягчается ли ѿ? Есть три ступени его смягчаемости: на Юго-Востокѣ оно смягчается вполнѣ, какъ передъ гласными, такъ и передъ согласными, и въ окончаніяхъ словъ: бура, торювати, харько, царь, даже въ базарь и сахаръ; въ нариц. Чернигов-

скомъ, Нѣжинско-Переяславскомъ и Кіевскомъ смягченіе удерживается уже только передъ гласными, и то не строго: буря, горювати, говорю, и въ то-же время—горувати, говору; передъ согласными же и въ окончаніяхъ оно совсѣмъ не встрѣчается: царь, бондарь; далѣе же къ западу, начиная (?) съ Кіевскаго нарѣчія смягченіе *r* исчезаетъ уже совершенно, являясь только тамъ, гдѣ южно-русское племя соприкасается съ Молдаванами. Въ выносѣ: «послѣднее замѣчаніе нуждается еще въ подтвержденіи» (Новицк. прогр. вопр. 28). Именно нуждается, потому, что въ гов. Карпатскомъ и отчасти Галицкомъ *r* мягко не зависимо отъ какого либо посторонняго вліянія. Въ говорахъ Гроднен. губ. *r* твердо. Особенность восточн. Mr. въ томъ, что въ немъ *r* не только остается мягкимъ тамъ, гдѣ оно таково въ Др. Русск. и пынѣшнемъ литературномъ, исключая сочетаніе *re*, но и вновь смягчается во многихъ случаяхъ, гдѣ оно было твердо. Такъ у Котляревскаго—согласно со стремленіемъ этого нарѣчія — Венеря, Венері (родит.), Венерю, но у него же—олосажар (плеяды), хотя говорится иолосажарь. Неорганическое смягченіе *r* встрѣчается изрѣдка и въ стар. памят. Русск. письменности, напр. при правильномъ—Володимиръ, род.—а, находимъ «посла къ Володимерю» (Мономаху, Ип. лѣт.), «князя Володимеря (Васильковича) рукописаніе»—заглавіе, подъ которымъ въ лѣтописи помѣщены двѣ грамоты этого князя (Ип. 215, Срезнев. Пам. 73); въ тѣхъ же грамотахъ по изд. во П. т. Собр. Гос. гр. и Дог. 7,—се язъ князъ Володимеръ (въ Ип. лѣт. по изд. Археogr. ком. Володимеръ). Это произношеніе, уничтожающее звуковую разницу между существительнымъ и прилаг. притяжательнымъ, лежитъ и въ основаніи Польскаго произношенія Włodzisierz. Въ Нов. I л.—Днѣпры (32, 31; 40, 21; 41, 5)—отъ Днѣпра (ib. 41, 9), по Днѣпрю (32, 27). Слово трапеза пишется черезъ ю, ѹ (а не а) въ Ипат. лѣт., и вообще очень часто, о чёмъ см. Mikl. Lex. s. v. *Ks. б 40, 2.* Написаніе ѹ для звука Польскаго, Ли-

товского, Латинского *g*, свидѣтельствующее, что въ про-износилось уже какъ *h*, встрѣчается уже въ XIV вѣкѣ, напр. въ грам. короля Владислава 1387 (Срезнев. Др.-пам. Р. пис.) — Скиргаио, Тургкенево село ви. Турк-генево; въ гр. Витовта 1393 — Бургимишту (Русск. Лив. Акты № 122).

Замѣтимъ въ нѣсколькихъ словахъ измѣненіе основного *z* въ *k* въ сочетаніи *zg* и образованіе изъ него сочетанія *zk*, въ коемъ *z* сохраняется передъ отзвучнымъ *k*, потому что принадлежитъ къ другому слогу и въ случаѣ нужды отдѣляется отъ этого *k* неорганическою бѣглою гласною: бриз-ка, родит., мн., бризок, різка—різкъ, бряз-кати, мозок, родит., мозку, дрібъязок, дрібъязку (Поль. *drobiazg*). *K* есть здѣсь сдѣль обще-русскоаго и обще-славянскаго произношенія *z* какъ Поль. *g*, только гортаниѣ и тверже. Оно возникло изъ этого *z* одновременно съ его превращеніемъ въ *h* и возникло потому, что сочетаніе *zh* было бы еще труднѣе для произношенія, чѣмъ *zk*. Сходно съ этимъ въ нарѣч. Чешскомъ и Словенскомъ, въ коихъ основ. *g* = *h*, кроме нѣкоторыхъ заимствованныхъ словъ, какъ *gtot*, *granat*, *grunt*, группа, *zz*, даже раздѣленная неорганическою бѣглою, въ нѣсколькихъ случаяхъ сохраняеть *g* = *g*, или превращаетъ его въ *k*, напр. въ Чеш. *mozek*, стар. *tezeg* (однако *gozha*) въ Слов. *mozog*, *tziazga*, *razga* (*Hattala*, *Slovnaci Mlunice* § 153).

Къ § 40, 3. Не знаю, встрѣчается ли Мр. и Бр. измѣненіе *z* въ *z* въ памятникахъ раньше XVI вѣка? Косвеннымъ указаниемъ на существование этого измѣненія въ XV вѣкѣ можетъ, кажется, служить встрѣчаетъ мое изрѣдка въ Зап.-Русск. грамотахъ обратное измѣненіе *ø* въ *я*, напр. въ Зап.-Русск. гр. 1444 (въ метрикѣ літov. Ак. Ю и З. Р. I, № 22) «Станко Овтушико-вичъ», т. е. Овтушковичъ отъ Овтухъ, Евтихій, вынѣщъ нее Укр. Явтухъ; въ Кобринской гр. 1469 (ib. № 226) съ Мадорускими призывацами, Ехимъ, изъ Ехимы, нынѣши. Укр. Юхим, Евенимій; въ записи о Ржевской

дани, писанной безъ сомнѣнія Ржевитиномъ послѣ 1479 (Ак. Зап. Р. I, № 71) «то ему собралиши дали»; въ Луцкомъ актѣ 1583 (Русск. Бес. 1857, 3, 37) волторокъ (вовторокъ, вторникъ). Думаю что это *л* изъ *в* не всегда появлялось только на письмѣ, вслѣдствіе желанія писать по книжному; въ иныхъ случаяхъ и мѣстностяхъ оно слышалось и въ живой рѣчи, какъ напр. въ Свр. Бр. (Вятск и др.) колды, тоды, завсилды, где *л* не можетъ быть выведено непосредственно изъ *и*, но легко выводится изъ этого звука черезъ *в*, которое находимъ въ Вытегор. ковды, Переяславл. (Влад. Г.) ковда, товда. Другой примеръ произошленія *в* за *л* представляютъ Литовскія имена на — *товтъ*. Въ собственныхъ грамотахъ Китовта его имя такъ и пишется Китовтъ (напр. 1415, 1427; Ак. отн. къ И. Ю. и З. Р. I, № 12, 17); подобно этому и Кгастовтъ (ib. № 2), Воиштовтъ (ib. 22), Мостовтъ (ib.), Монтовтъ (ib. 48 и др.). Между тѣмъ въ гр. 1447, по болѣе позднему списку (ib. № 26) стоитъ Витольть, въ гр. 1452 (ib. № 28) Кгаштолтъ, а Поляки сть давнихъ поръ, и врядъ ли по требованію своего языка, произносили *Witold* (позднѣе *Witold*), *Gasztołd*, Врядъ ли однако гдѣ либо произносилось *л* за *в* въ Литовскихъ сложныхъ именахъ, въ коихъ *товти* стоять на первомъ мѣстѣ, какъ въ Товти-видъ, Товти-минъ (ib. № 22).

Кн. § 40, 4, а. Уже въ Волынскомъ спискѣ поученій Ефрема Сирина (до 1288, Срезн. Свѣднія о малозв. и неизв. пам. 50) находимъ Mr. измѣненія *вz* въ *у*, *ув*, *взъ* въ *уз*, (*у* часть, *увъ* молитвахъ, *узлюбиль*) и на обборѣтъ *у* въ *е*: *вгодно*, *повчти*, *въмрѣти*. Въ позднѣйшихъ Mr. памятникахъ и въ нынѣшнемъ языке *ув* обыкновенно только передъ гласными, напр. въ записи 1416, по списку XVI в. (Ак. отн. до И. З. Р. I, № 27); *увъ* *Фесьчи*, *увъ* *Опанасовъшинъ*. Однако формы какъ *узъ* и на оборотъ *взсе*, очень частыя въ Ипатьев. сп. *литописи*, не могутъ считаться рѣщительнымъ признакомъ М. Русского языка составителя, (Максимовичъ, Новая полемика о познаніе языка),

письма 25) ибо столь-же свойственны и С.-русск. говоры съ давняго времени (Ср. напр. Смолец. грам. 1229, а также и Сѣв. Вр. грам. XIV—XV в., напр. въ Акт. Юрия. стр. 110, 111, где читаемъ ув-ыгната, ув-онъчи-фора, у Степана въ Иванова унука) и гармонируютъ съ другими несомнѣнно Зеликорусскими чертами, внесеными въ эту лѣтопись Сѣвернымъ переписчикомъ, каковы два о изъ з при плавныхъ (подокъ—полкъ), о изъ и въ ыѣ (тысячкой), е изъ и въ ий (старицей, побейте), ч ви-, ц и на оборотъ.

Къ § 40, 5. Форма *что*, изъ коей образовалась позднѣйшая *що*, встречается уже въ грамотѣ Подоль. кн. Александра Корятовича, 1375 (Срезн. Пам.) и очень часто въ Волынскихъ пам. XV—XVI в. И до сихъ поръ она держится по окраинамъ, между тѣмъ, какъ срединные Mr. говоры замѣнили ее черезъ *що*.

Къ § 40, 6, а. Относительно опущенія тъ въ З. я., мн. част. вр. замѣчу, что хотя нѣть основанія думать, что это явленіе въ Mr. ново, однако многіе изъ тѣхъ случаевъ въ старинныхъ памятникахъ, на которые можно бы сослаться какъ на доказательство древности этого явленія въ Русскомъ языке, въ сущности не говорятъ ничего, ибо могли произойти отъ опущенія титла переписчикомъ, или отъ внесенія имъ дѣйствительного опущенія тъ изъ нерусского подлинника. Объ опущеніи тъ въ Древ.-Стар.-Сл. пам. нерусского и Русского письма см. Mikl. V. грам. III, 85; Срезнев. Древ.-Слав. пам. Юсовааго письма 166 и даа, Г. Максимовичъ (Нов. письма, 26) ошибочно считаетъ *теке* въ Сл. о П. Иг. за настоящее вр.; это З. я. ед. аориста: «*тоско розліаця*, (разлилась) по Русской земли, печаль жирна *теке* (потекла) средъ земли Русскыи».

— *О стечении одинаковыхъ согласныхъ.* Есть мнѣніе, что Славянскіе языки вообще (См. Hattala, De con-tiguarum consonantium mutatione in linguis Slavicis, Pra-gae 1865, p. 22), или Церковно-Славянскій и Русскій (Бусл. грам. § 38, 1) не терпятъ стеченія одинаковыхъ

согласныхъ. Руководясь подобнымъ мнѣніемъ, Даляръ принимаетъ за правило на письмѣ «не сдавивать буквы безъ прямой нуэды, т. е. гдѣ говоръ этого не требуетъ настоятельно, и потому писать: собранный, по-драный, но непремѣнныи, благосклонный» (Словарь I, ХII). Выходитъ, что несмотря на предполагаемую нелюбовь къ стечению одинаковыхъ согласныхъ, есть случаи, когда языкъ настоятельно требуетъ такого стечения, случаи, даже за выдѣленіемъ не настоятельно требуемыхъ по мнѣнію Даля, очень многочисленные, напр. поддать, оттуда, оббить, раззутъ, ссыпать и т. п. И проф. Буслаевъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ принужденъ указать на исключения: «каждующееся удвоеніе *ж* (истинный) объясняется выпускомъ *ъ*: истинный». Всякое удвоеніе чѣмъ-нибудь да объясняется: или опущеніемъ гласной между сходными согласными, или вліяніемъ слѣдующей за согласной йоты, или, какъ въ Италіянскомъ, краткостью и ударениемъ предыдущей гласной, или стечениемъ одинаковыхъ согласныхъ корня и суффикса; но несмотря на это, всякое изъ нихъ действительно, а не мимо. Отвѣчая на вопросъ: «могутъ ли въ данномъ языкѣ рядомъ стоять одинаковые согласные», неѣтъ нужны напередъ устанавливать различіе между удвоеніемъ согл. въ тѣсномъ смыслѣ слова, то есть такимъ случаемъ, когда двѣ одинаковые согласные являются изъ одной, и между простымъ стечениемъ согласныхъ, будуть-ли они первоначально тождественны, или уподобятся другъ другу въ позднѣйшихъ периодахъ языка. Другое исключение приводимое г. Буслаевымъ это *итти*, о чомъ ниже; третье: «къ особенностямъ Малорусского языка принадлежитъ наращеніе или повтореніе согласного звука, иногда раздѣляемое звукомъ *ъ* въ именахъ на *е* или *ъя*; при этомъ въ передѣ окончаніемъ *е* или *я* выпускается, изъ чего видно, что это повтореніе имѣеть видъ смягченія, напр. вуголья и т. п.». Ходъ образования этого явленія, не менѣе трехъ столѣтій существующаго въ Мр. и Бѣлорусск. (См. въ моей статьѣ § 39, 7 и 13, г.), точнѣе опредѣляется та-

кимъ образомъ: изъ и въ и ю, и т. п. образовадось ѣ и ѿ=й, выражаемое посредствомъ ѣ; это ѿ уподобило себѣ предыдущую согласную, сдѣлавъ ее нѣбною, а потомъ само подъ ея вліяніемъ превратилось въ такую же. При этомъ ѿ (=ъ въ общепринятомъ правописаніи) не выпускается: еслибъ оно выпустилось, то изъ жа мы получили бы на, а еслибъ слилось съ предыдущою согласною, потерявъ свою самостоятельность, то мы бы имѣли ия, а не ии (†). Выраженіе: «повтореніе согласныхъ иногда раздѣляемое звукомъ ѣ» основанное на написаніи ии и т. п. неточно, потому, что ѣ есть здѣсь не звукъ, а знакъ нѣбности предыдущей согласной, въ дѣйствительности ничѣмъ не отдѣляемой отъ слѣдующей такой же; разъ принявши написаніе ии, слѣдуетъ употреблять его не иногда, а всегда.

Въ Русскихъ говорахъ есть и другіе случаи прямо доказывающіе, что языкъ вовсе не избѣгаетъ образованія двойныхъ согласныхъ изъ стечения согласныхъ неодинаковыхъ: изъ днъ (=дн) напр. выходитъ ии въ нѣкоторыхъ Свр. и Юж.-Вр. говорахъ, о чёмъ см. въ моей статьѣ § 26, г.

Вообще утвержденіе, что Русскій языкъ не терпитъ стеченія одинаковыхъ согласныхъ, примѣненное не къ одному известному періоду Русскаго языка, а ко всему этому языку безъ ограничений, ошибочно.

— О Вр. и литерат. формѣ ити, при коей въ сложеніи съ предлогами сохранилась и древняя форма ити, Миклошичъ того мнѣнія, что она возникла на основаніи настоящаго ид-у (т. е. что ид-ти=итти есть уподобленіе темы неопределеннаго темъ состоящаго), и лишь въ то время, когда начали, конечно односторонне, мудрить надъ грамматикой (V. gram. I, 399). Съ этимъ согласенъ и г. Гѣттала, который называетъ ити или идти плохою выдумкою прежнихъ грамматистовъ, отвергая

(†) Нѣтъ основаній говорить объ опущеніи ѿ не только здѣсь, но и въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ Др.-Греческаго, Германскаго и Романскаго удвоенія согласной подъ вліяніемъ ѿ, въ коихъ нѣбности согласныхъ вовсе незамѣтна, какъ въ *укуса*, *шкозъ*, *вранненъ*.

при этомъ мнѣніе г. Буслаева (Грам. § 49, I, изд. 1-е и 2-е (*)), состоящее въ томъ, что *итти* образовалось не отъ настоящаго *иду*, а отъ усиленія древней формы, помошію удвоенія звука *t*, перешедшаго, по сходству, въ *d* въ формѣ *идти* (Hattala, Uvaha о Буслаевѣ опытъ, стр. 22). Г. Лавровскій (Сбъ Историч. грам. Буслаева, прилож. къ VIII т. Зап. Ак. Н 30-2), указавши на неясность отношенія вышеприведеннаго мнѣнія проф. Буслаева къ его же словарь, что Русскіе граматисты произвели неопредѣленное накл. *идти* (пишутъ *итти*) ужѣ отъ настоящаго времени» (Бусл. грам. § 87, 4; такъ и въ 3-мъ изд.), тоже признаетъ, что *итти* образовано отъ паст. вр. *иду*, какъ Поль іѣс (прибавлю Бр. исці и по свидѣтельству г. Новицкаго, Подольской іѣстї) и Чешск. области. *idst*. Эта послѣдняя форма предполагаетъ форму *ist*, равную Польской, къ коей потомъ, въ слѣдствіе забвенія этимологическаго смысла звука *s* (изъ *d*) прибавлено еще разъ *d* изъ темы паст. вр., сходно съ *pletst*, *vedst*. «Какъ народъ способенъ къ образованію новыхъ формъ на основѣ старыхъ... доказываетъ Русск. простонародная форма *итти-тъ*. *Итти* обязано своимъ происхожденіемъ не грамматистамъ, а «послѣдовательному развитію въ устахъ самаго народа».

Что форма *итти* образована не личнымъ произволомъ, а стоящимъ выше этого произвола народнымъ стремленіемъ объяснять забытое этимологическое значение словъ и давать новое направление измѣненіямъ звуковъ, въ томъ убѣждаетъ между прочимъ и древность этой формы: г. Буслаевъ (Гр. § 38, I, 2-е изд.) находитъ *итти* въ Патерикѣ Печерскомъ 1554; но она встрѣчается гораздо раньше: въ грам. Вас. Дмитр. 1389 (Собр. ф. гр. и дог. I № 35), и въ гр. 1434 (ib № 52), *пойтити* (sic) въ гр. 1436 (ib), причемъ *t* уже не гласная, а знакъ мягкости *m*.

(*) Въ 3-мъ изданіи... своей грамматики г. Буслаевъ отказался отъ этого мнѣнія.

— Относительно удвоенія согласныхъ Миклошичъ думаетъ, что два *и* въ суп. причастій страдат. опредѣленныхъ (влюбленный), встрѣчаемыя уже въ Ст.-Сл. памятникахъ преимущественно русскаго извода, есть явленіе совершенно произвольное и неорганическое, и что поводомъ къ этому удвоенію послужили, вѣроятно, прилагательныя *на-ын*, произведенныя отъ отглагольныхъ (точнѣе—отпричастныхъ) существительныхъ *на-иѣ* (Vergl. Gr. III, 346 и 95). Въ языкѣ есть много явленій, которыя при своемъ началѣ намъ кажутся произвольными, по которымъ, расширяясь и укореняясь, существенно видоизмѣня языкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ становятся независимыми отъ личного производителя. Такъ неполногласныя формы и причастія *на-щїй*, перусскія по происхожденію и нарушающія законъ Русской фонетики, внесенные въ языкѣ личнымъ, хотя и не безпричиннымъ и не неразумнымъ производомъ, нынѣ не могутъ быть выкинуты изъ языка. Археологическія побужденія не заставятъ насъ воротиться къ формамъ *оболокъ*, *ворожда*, хотя формы *облако*, *вражда* замѣтнымъ образомъ не обогащаютъ языка никакимъ новымъ оттѣнкомъ значенія и не имѣютъ того оправданія, какое имѣеть глава при голова, среда при середа. Двойное *и* въ прич. страд. опредѣленномъ, существующее на Русской почвѣ не менѣе какъ съ XIV вѣка, а вѣроятно и рожденное на ней, теперь представляется еще менѣе произвольнымъ, чѣмъ употребленіе неполногласныхъ словъ, потому что мы сохранимъ еще свободу выбора напр. между однозначащими: Сре-

да(день недѣли) и середа, средина и середина, но не можемъ уже поставить прельщенный вм. прельщенный и т. п., и причина этого заключается въ слѣдующемъ. Извѣстно, что простонародные Русскіе говоры стремятся къ потерѣ причастій и замѣнѣ ихъ частью прилагательными, частью дѣепричастіями. Они потеряли уже почти повсемѣстно причастіе настоящее, сохранившееся въ языкѣ образованнаго общества и письменности въ своей Ц.-Слав. формѣ, не потому, что эта форма есть Церковно-Славянская, а потому что она стала книжною, а книжный языкъ наклоненъ къ архаичности, гдѣ это согласно съ выгодаами отвлеченної мысли. Такимъ образомъ и двойное *и*, вошедшее въ причастія прош. страд. опредѣленныя, такъ и осталось въ нихъ въ литературномъ языкѣ, между тѣмъ какъ народныя формы этихъ причастій съ однимъ *и* приняты въ тотъ же языкѣ, какъ прилагательныя. Въ этомъ языкѣ двойное *и* въ причастіяхъ, какъ *пісанный* (=по формальному значенію съ печатанный), *нѣченный*, такъ относится къ одному *и* въ пригательныхъ *пісаний* (=по формальн. значенію съ печатный), *печбный*, какъ *щ* въ причастіи *горячій* къ *ч* въ прилаг. *горячий*. Малорусское нарѣчіе не усвоившее двойнаго *и* причастіямъ, остается при одномъ, не всегда дѣйствительномъ средствѣ различенія причастій страдат. прош. отъ сходныхъ съ ними прилагательныхъ, именно при удареніи: *нѣченій* есть причастіе, *печбній*—прилагательное, но *пісаний*—безразлично и то и другое. Стало-быть литературный языкъ въ этомъ случаѣ въ барышахъ противъ Малорусского.

Въ литературномъ языкѣ, кромѣ причастій сград. прош. есть значительное количество прилагательныхъ образованныхъ отъ тѣхъ же причастій посредствомъ *и*; формальная разница между ними та, что первыя теряютъ одно *и* въ неопределѣленой формѣ (данный, по данѣ, дана), а вторыя постоянно сохраняютъ второй суффиксъ, подобно сходнымъ съ ними прилагательнымъ неотпричастнымъ: *надменпый*—*ладмененъ*, какъ *странный*—*страницъ*. Двойное *и* суффикса проникло и въ народные говоры; но не

въ причастія, обреченный здѣсь на погибель, а въ прилагательныя. Въ Mr. есть отпричастные прилагательные; подобные литературному *надменный*, но ихъ, кажется, не много. Укажу на одно: *навижённый* (состѣв. тоже что *nawiedzony*, посыщенный т. е. наитiemъ), съумашедшій; въ космъ слѣдовало бы ожидать *и=ѣ*, а не *и*. Болѣе въ Mr. и въ Br. говорахъ прилагательныхъ съ интенсивнымъ значеніемъ, образованныхъ не отъ причастій, а отъ прилагательныхъ съ суффиксомъ *ън* (заливенный при заливной), близкимъ къ суффиксу прич. страд. *ен* (Серб. *лив-ен*); или отъ прилагательныхъ и даже существительныхъ безъ этого суффикса. Въ послѣднемъ случаѣ—*енн* принять за цѣлый суффиксъ, хотя въ дѣйствительности этотъ суффиксъ сложенъ, какъ—*енън* въ словѣ *надмененъ*. Въ этомъ самомъ смыслѣ народные говоры употребляютъ и суффиксъ причаст. настоящ. дѣйствительного въ его Церковно-Славянской или Русской формѣ: *заливущій* тоже что *заливённый*, проливной; *засылающій* и *завалющій* тоже что *затянутый*; Mr. *добрячий*, *злочий*, *проклятущий* въ формальномъ смыслѣ то же что *здраворѣній* (Br. *большущій*), *довженій*, *дзявлёній*. Проф. Буслаевъ объясняетъ эти суффиксы иначе:

«Степени сравненій именъ прилагательныхъ соотвѣтствуютъ *представленію* именъ существительныхъ... Потому въ просторѣчіи суффиксъ именъ увеличительныхъ *иц*, въ *иц* (напр. ручища), присоединяется къ нѣкоторымъ прилагательнымъ для означенія превосходной степени, въ *—ущ*, напр. *большущій*, тьма *тъм-ущ-ая*; точно также, какъ *и* въ *—ина* (дом-ина) въ прилаг. *здраворѣній* (Гр. § 68, прим.).» Я не вижу тутъ необходимости связя между посылкой и заключеніемъ: а *priori* никакъ нельзя вывести, что языкъ долженъ употреблять тѣ же самые суффиксы при образованіи прилагательныхъ интенсивныхъ (ибо о нихъ здѣсь рѣчь, а не о степеняхъ сравненія), что и при образованіи существительныхъ увеличительныхъ; это только возможно. Въ дѣйствительности только прилаг. уменьшил. на енъкій имѣютъ одинъ суффиксъ

съ сущ. уменьшительными. Въ этомъ г. Буслаевъ правъ (см. ib.). Но, во-первыхъ, *ище* возникло изъ основнаго *ск* (Поль. *iske*) и начальное и незамѣнно въ немъ другою гласною; *ище* въ *учий*, *ючий*, *ицій* имѣетъ при себѣ равносильное *ч* въ *учий*, *ючий*, *ячий*, при чёмъ преемственной связи между звуками *и* и *ч* пѣть никакой, такъ что совмѣстное ихъ существование можетъ быть объяснено только тѣмъ, что первый = шт т. е. Старо-славянскому смягченію основнаго *т*, а второй, *ч* = Русскому смягченію того же *т*. А что это основное *т* принадлежить къ суф. прич. настоящ.-*ант*, это видно какъ изъ чередованія гласныхъ *я* и *у*, объясняемаго юсомъ, такъ изъ множества примѣровъ, доказывающихъ, что отъ значенія прич. настоящ. весьма легокъ и постепененъ переходъ къ значеніямъ: имѣющій свойство дѣлать то-то и имѣющій это свойство *въ сильной степени*. Этого послѣдняго значенія суф. прич. наст. достигаетъ уже въ отлагольныхъ образованіяхъ; затѣмъ онъ начинаетъ соединяться съ именами. Не думаю, чтобы кто либо сталъ сомнѣваться въ томъ, что напр. Mr. пахучий и пахущий не имѣть никакой связи съ—ище; а между тѣмъ это—очевидно отпричастный прилаг. и по интенсивности значенія малымъ чѣмъ слабѣе прил. злющий=злующий. Замѣчу, что въ Бр. и книжная превосходная степень прилаг. на *ѣйшій* понимается, конечно ошибочно, какъ причастіе наст. и произносится какъ *тишии*: добрѣющій. Во-вторыхъ, такъ какъ *и* въ—*ина* составляетъ существенную принадлежность этого суффикса, то *непосредственной* связи между—*ина* и—*енный* не видно никакой, между тѣмъ какъ связь, между причастіемъ *заваленный* и прилагат. интенсив. *заяваленный* во всякомъ случаѣ вѣроятнѣе чѣмъ между этимъ послѣднимъ и сущ. *заявала*. Существительное это не имѣетъ увеличительного значения, но между значеніемъ его суффикса и увеличительностью есть связь подобная связи между—*ище* въ значеніи места, гдѣ что либо есть или было (ставище) *и—ище* увеличительнымъ.

Возвращаясь къ фонетическому вопросу, повторю, что стечениe двухъ *и* въ суп. есть весьма важная черта нынѣшняго Русскаго языка и что трактовать объ этомъ явленіи, какъ о случайномъ и не важномъ, не слѣдуетъ.

— По Миклошичу, стечениe двухъ *ж* въ *дожжи*, *дрожжи*, *запѣжать* существуетъ только на письмѣ, ибо «безъ сомнѣнія» произносится *дожикъ*, *дрожи*, *запѣжать* (Vergl. gr. I, 397—8). Объ этомъ замѣчу слѣдующее:

Въ Ст.-Слав. *шт* и *жд* замѣняютъ собою не менѣе одинадцати различныхъ сочетаній, такъ какъ *шт* образуется а) изъ смягченія *т*, *тт*, *кт*, *хт*: *мешти*, *пешти*, *мошти*, *врѣши*; б) изъ смягченія *ст* и *ск*: *крѣшти*, *ишти*; в) изъ стеченія *с* и *ч*: *бентильнъ* изъ бес-ч.. а это изъ без-числительнъ; а *жд*—аа) изъ смягченія *д*: *рожд*; бб) изъ смягченія *зд* и *зи*: *пригвожденъ*, *раждие* при розга; вв) изъ стеченія *з* и *ж*: *ижденъ* вм. *из-жень*. Русскій и Польскій, съ точки зреінія этимологической ясности, стоять здѣсь выше, такъ какъ вмѣсто двухъ старославянскихъ сочетаній *шт* и *жд* имѣютъ ихъ сначала не менѣе, какъ по четыре. Русск. и Польск. расходясь между собою въ случаѣхъ *а* и *аа* (въ Русск. *ч* и *ж* (дж), въ Польск. *ц* и *ձ*), совершенно сходны въ случаѣхъ *б* и *бб*. Изъ смягченія *ст* и *ск* въ обоихъ выходить *щ* (*шиш*), а изъ смягченія *зд* и *зи*—*ждж*. Я укажу здѣсь на главныя точки дальнѣйшей исторіи этихъ сочетаній въ Русскомъ языке.

жддж до нынѣ сохраняется въ нѣкоторыхъ говорахъ, частью сохранивая первоначальную мягкость (мѣстами въ юж. Бр. дажджа), частью потерявши ее, какъ мѣстами въ Mr. ѹїжджу, Бр. дажжу (родит.). Въ Mr. сочетаніе это въ отдѣльныхъ словахъ переходить въ соответственное отзвукное: *дощ*, род. *дощу* (въ Польск. *deszcz*, род. *deszcza* и болѣе архаичная форма *dždżu*, *wiżtati* (изъ вижджати, если за основ. форму принять *wizt*, а не *wisc*). Въ нѣкоторыхъ древнихъ Русскихъ памятникахъ находимъ сочетаніе *жч* (въ случаѣхъ *бб* и *сс*), занимающее середину между основнымъ *ждж* и Mr. *щ*: въ Галиц. Ев.

1144 г. дъжчь, дъжчить, рожчье, въжчадахся, въжчадтия, ижчивши, ижчену (Буслаевъ, въ Матеріал. для ист. письм. 13); въ Псалтыри 1296: каплюмъ дъжчвнымъ (Бусл. ib. 26); въ Волынск. сп. поучен. Ефрема Сирина до 1288: дожчь, дъжчевныи, уста изможчала, ижчену, ражчжеть, ражчизатися и даже выѣсто Ст.-Слав. жд тамъ, гдѣ оно соотвѣтствуетъ Русскому ж: тужими, т. е. чужими (Срезн. Свѣдѣнія VI, 50). Есть ли это *эже* точное изображеніе звука или только графическая замѣна вовсе не встрѣчаемаго въ этихъ памятникахъ *ждэж*, во всякомъ случаѣ оно свидѣтельствуетъ о свойственности Русскому языку этого послѣдняго сочетанія. Въ случаяхъ какъ *ижчи-ти эже*—не изъ:зд или эз, а изъ стеченія эж=жж (ижити, ижжити) съ эвфоническимъ д: иж-д-жити. Старо-Слав. языкъ въ этихъ случаяхъ поступаетъ также, но опускаетъ или, что на тоже выйдетъ, перестановляетъ второе эж. Эвфоническую вставку д во избѣженіе сочет. эжесъ тѣмъ смѣлье можно приписать древнему Русскому, что такое же д и т въ сочетаніи здр (идр?), стр изъ зр, (ир); ер стольже свойственно этому языку, какъ и Старо-Славянскому (см. Mikl. V. Gr. I, 191—2; Бусл. гр. § 38, 3 и онъ же въ Матер. 7, 13, 26, 32, 46).

Усиленіе первоначальной нѣбности второго ж въ *ждэж* ведетъ къ измѣненію этого сочетанія въ жд' съ мягкимъ д, какъ уже въ старин. Русск. памятн. (напр. въ Ип. лѣт. 73, 8, Ѵждю изъ Ѵждю), какъ мѣстами въ Вр. говорахъ—приѣждлъ, мѣстами въ Mr. злїждяе, едъїждяютъ (въ Кобр. у. Гродн. г., гдѣ и ч, ѿ мягки: щистя, дивча). Проф. Буслаевъ (Гр. § 36, прим. 6) видѣть въ Олонец. приѣждлъ «состатокъ ранняго Ц.-Сл. смягченія жд вм. эж» Сходство со Ст.-Сл. здѣсь не пол-нон, ибо въ Ст.-Сл. памятникахъ, не носящихъ слѣдовъ Русскаго влиянія *), эжд требуетъ послѣ себя твердыхъ

*). Русскіе писцы, заимствуя изъ Ст.-Сл. шт, жд, измѣнили шт въ ѿ, и послѣ этого ѿ и жд ставили мягкой гласной. Такъ въ Ев. 1409 (Бусл. Матер. 41) между, въ лѣтописяхъ часто въ прич. ѿя, ѿю напр. настанущю.

гласинъ *a*, *u*, а не *ынгкихъ*; по *еслибъ* и было полное сходство, то къ чему предположеніе о заимствованії, когда Русск. говоры представляютъ цѣлый рядъ ступеней напр между *жеджя* и *ждл?* Въ Стар. Чеш. есть форма *mlajší*, *slajší* и такія же формы есть въ Хорутанскомъ, но заимствованія тутъ нѣть и сходство только *мнимое*, т. е. сходство результатовъ, а не процессовъ: въ Чешскихъ формахъ *j* произошло изъ *dj* черезъ посредство *z*, подъ влияніемъ слѣдующей согласной *ь*; въ Хорутанскомъ же *j* изстари образуется изъ смягченія *d* и безъ стечения согласныхъ, такъ что при *mlajší* есть и *mlaji*, *slají* (моложе, слаже). Подобно этому и Русск. дождъ можетъ быть только *мнимо-тождественно* со Ст.-Сл. *деждъ*. Въ Русскомъ форма *деждъ*, одна изъ чѣсколькоихъ одинаково Русскихъ формъ этого слова, предполагаетъ форму *дежджъ*, какъ *можетъ* предполагаетъ *пежджю*. Сходно съ этимъ, мнѣ кажется, и въ Чешскомъ лишь въ относительно позднее время образовалось *žd'* изъ *ždž'*. Въ старин. Ченск. сочетаніи *šč* стоитъ тамъ же, гдѣ въ Поль. и Русск., напр, въ хроникѣ Далемила по сп. XIV в. па рицѣ, с *oščerem*; но въ пынѣшии Чешск. изъ этого *šč* развилось *šť* *ruštěti* и т. п. (Mikl, V. Gr. I, 440—1; Hattala Srovnaci Mluv. § 152—3). Вероятно около того же времени существовало въ Чешск. и *ždž'* тамъ же, гдѣ въ Польск. и Русск.; въ отдѣльныхъ словахъ это сочетаніе осталось въ Словен., напр. въ *družđati* (Поль. *druzgać*, *druždżę*), но вообще въ цынѣши. Чешск. *ždž'—žd'*: *dešť* (изъ *dežd'*), *rožďi*, *růšťka* (изъ *růščka*, а это изъ *roždžka*) *droždi*, *hvíždí*.

Дальнѣйшее областное измѣненіе *жedj*, проиншедшаго изъ *жеджj*, состоитъ въ переходѣ мягкаго *d* въ мягкое *z*, сходно со случаями какъ *кіло*, *кісто* вм. *тіло*, *тісто* въ нѣкоторыхъ Mr. говорахъ. Въ Трефолоѣ 1260 г. Новгородского письма находимъ: *прѣяжѧниши*, *чужыѣ* (*я*) *иемъ* (Бул. христ. 72). Невозможно сомнѣваться, что въ первомъ изъ этихъ словъ сочетанія *жя* возникло изъ *ждл*, въ основаніи коего лежитъ *зд* изъ *d*: *пзд*—изъ *п-д*, въ коемъ ко-

рень ја, тотъ же, что въ Литовск. ю-ли, ю-ди, а д. того же происхожденія, что въ и-ду; во-второмъ словъ жсѧ тоже изъ жсѧ, которое есть Русское видоизмѣненіе сочетаній жсда, заимствованного изъ Ст.-Сл. и предполагающаго д. безъ посредства зд: въ Русскомъ было бы чюжяемъ. Въ томъ же памятникѣ: напоилъ юси дъжельмъ (l. с.); въ стихиарѣ 1157, тоже Новгородскомъ: «въ пустыни манну одъжливыи людьмъ (Бусл. Матер. 19); форма дъжель и производная нерѣдко и въ другихъ Сѣв. Русск. памятникахъ, между прочимъ въ Новгор. I. лѣт. по Синодальному списку и въ Ипатіев. лѣт., куда дожь, дожгьцю, бездожгье — внесены Сѣв. Великорусс. переписчикомъ, между тѣмъ какъ дожь можетъ принадлежать Южно-русскому писателю. Для этой Сѣв. Врусс. формы дъжель я не вижу другаго объясненія, кроме того, которое вытекаетъ изъ сравненія съ прѣяжаемъ: дожь произошло изъ дъжель, а это въ Русск. языкѣ изъ дъждь. Форма дъжель относительно г. не можетъ быть остаткомъ того доисторического времени, когда Славян. языки еще не превращали смягченныхъ гортанныхъ въ шипящіе; напротивъ, она предполагаетъ такое состояніе языка, когда гортанные уже получили способность непосредственно соединяться съ мягкими гласными, когда уже стали возможны формы, какъ ръка (=ръка, ръки). Такой характеръ гортанныхъ, до нынѣ чуждый большинству Mr. говоровъ, въ Сѣв. Вр. замѣчается весьма рано. Есть мнѣніе, по которому, наоборотъ, форма дъжель возникла изъ дъжель, а эта послѣдняя непосредственно примыкаетъ къ доисторической предполагаемой дзг-ја (Лавровскій П. Опис. семи ркп. въ Чт. Об. Истор. и Др. 1859, IV, 69 и слѣд.); онъ же въ Изслѣдов. о миѳ. вѣрованіи въ облако и дождь, Уч. Зап. II отд. Ак. Н. т. VII). Подробное опроверженіе этого мнѣнія заставило бы далеко отступить отъ рассматриваемаго здѣсь вопроса, и я замѣчу только, что при этимологическомъ объясненіи слова дождѣ Новгородская его форма не должна лежать во главѣ угла, что она виѣтъ съ прочими славянскими, и глав-

нымъ образомъ — съ Рус. Польск. формами съ жедж предполагаєтъ сочетанія или зд или зг, кои въ свою очередь развились первое изъ д, второе изъ г. Такимъ образомъ если корень этого слова оканчивался на г, то это г, чтобы дойти до своихъ позднѣйшихъ славянскихъ видоизмѣненій, должно было перейти черезъ зг.

Въ нѣсколькихъ Бр. говорахъ сочетаніе щ (шч), потерявши мягкость, превратилось въ явственно различаемое ухомъ двойное ш (см. въ моей статьѣ «О звукѣ особ.» § 11, д. и 25 д.), а частью, особенно па концѣ словъ, черезъ это шши — въ одно щ. Сходно съ этимъ въ этихъ же говорахъ сочетаніе жедж передъ гласными превращается въ жж: формы: прижжать, разможжить, дожжикъ, дрожжи, столь же несомнѣнны и столь же употребительны, какъ ташить и т. п. Это — отвѣтъ на приведенное выше мнѣніе Миклошича. Есть Великорусские говоры, какъ Сѣв., такъ и Южн., вовсе не враждебные сочетаніямъ одинаковыхъ согласныхъ жж, шши.

Напротивъ Mr. говоры, вообще удерживающіе щ и жедж, действительно избѣгаютъ сочетаній шши и жж при стеченіи конечной согласной корня и начальной суффикса, и диссимилируя эти звуки, измѣняютъ второй изъ нихъ въ ч: краш-чий, виш-чий (изъ крас-ший, краш-ший, между тѣмъ какъ въ Бр. краше щ — прямо изъ сj) уж-чий, близ-чий, ниж-чий (изъ уз-ший, уж-ший), дуж-чий (изъ дуж-ший). Однако стремленіе языка, обнаруженнное въ этихъ словахъ, вовсе не можетъ быть названо нелюбовью къ стечению одинаковыхъ согласныхъ вообще, если имѣть въ виду случаи, какъ підашша (—шье) и т. п.; оно ограничивается указаннымъ случаемъ, т. е. образованіемъ сравнительной степени, не распространяясь а) на стеченія конечной свистящей предлога и начальной шипящей корня (роз-шукати = рошшукати, рожувати = рожжувати), б) свистящей корня и щ суффикса причастія прош.: перелізши = ліжши или лішши. Съ щ, жч въ крашчий, дужчий сходны по происхожденію группы жч, щ въ Древ.-Русск. *ижчилиши*

и т. п. Ср. *ицъло* (изъ из-шъло) въ Смол. грам. 1284 г.: «Си же грамота psана бысть: ицъло было от ржества а, лѣт» (Срезн. Древ. Пам. Р. письм. 238). Не знаю, есть ли въ нынѣшихъ Вр. говорахъ *иц*, въ формахъ сравнил. степ. какъ Mr. вишний, или же повсемѣстно удерживается здѣсь двойная шиняющая: какъ въ Литер. высшій (вышишій) низшій (нижшій, нишшій), какъ въ Польскомъ и Чешскомъ *wyszszy* — *vysši*, *nizszy* — *nizši*? Но что же *иц*, *иц* въ слушаихъ упомянутыхъ выше подъ б) не чуждо, по крайней мѣрѣ не было чуждо нѣкоторымъ Вр. говорамъ, на это указываютъ формы *перелѣзчи* (т. е. з-ши) въ Грам. 1511 (Ак. Юр. 20) и *перелѣзщи* въ гр. 1504 (ib. 21).

III суффикса сравнил. степени послѣ гортанныхъ и губныхъ въ Mr. остается неизмѣннымъ: ле^ниний, мъяк-ший, тихий, крипкий, һлибший; но послѣ зубныхъ замѣтно колебаніе между неизмѣнностью *и* и его измѣненіемъ въ *и*: при формахъ солодший, молодший, гладший, корот-ший (какъ въ Поль. *słodzsy*, *krótszy*) есть и гладчий, швид-чий, швидче. Есть двѣ причины этого колебанія. Въ *швид-че* *и* можетъ быть необходимо потому, что оно происходитъ не изъ *иц*, а изъ *и* суффикса прилагат. въ положительной степени (какъ въ крѣпче отъ крѣпокъ), на что указываютъ формы *швид-ч-ій* (=ѣю), *швидчій*. Такъ, быть можетъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ прилагательныхъ. Разница между швидший и швидче — этимологическая. Но и по чисто фонетическимъ стремлѣніямъ сочетанія *д-иц*, *т-иц* могутъ измѣняться въ *дц*, *ти*, т. е. могутъ образовывать стеченія одипаковыхъ звуковъ, ибо первый элементъ звука *иц* есть *т*.

Въ лучшій сочетаніе *иц* для Укр. говора есть единственное. Самая сочетанія *ти*, *ди* при быстромъ произношеніи переходятъ въ *иц*, какъ въ вышеприведенныхъ сло-вахъ, такъ напр. отче, молодче, тче, тчу (отъ твати)= очче и пр. причемъ двойственность *иц* очень замѣтна и отнюдь не выходитъ ничего подобного Сербскимъ оче (отча), чем (тчем) *klu* (*dhu*). Сочетаніе *дц*, *ти* изъ *ди*,

тиш въ дѣприч. прошел. издавна существуетъ и въ Бр. говорахъ: покрадчи (1541 г. Ак. Юр. 47), ъдчи, привѣдчи, счотчи (у Кошихина). Теперь мѣстами въ Ювр. не только пришодчи, но и безъ этимологического оправданія прильгадчи. Безъ видимаго основанія появляется сочетаніе тч въ притчина, протчій.

Какъ дч, тч (затѣмъ чч) образуются изъ ти, такъ ти и затѣмъ цц—изъ тс при стеченіи т окончанія съ съ мѣстоименія ся. Это тч, цц имѣетъ мѣсто во многихъ Бр. говорахъ (см. въ моей ст. § 10, г.) и въ большинствѣ Малорусскихъ, причемъ конечное ц твердо или мягко, смотря по говору:—тца, цца, ццы, тыца, ця и пр.

Кѣ § 41, а. «Получаютъ ли о и у въ началѣ словъ приыханія, приставку в, г или ѹ? Эти приыханія тѣсно связаны съ переходомъ о въ ѹ; въ тѣхъ нарѣчіяхъ, где переходъ этотъ существуетъ, употребительны и приыханія напр. відъ... вогонь... вулица или юлиця, горати, йденъ; а въ другихъ мѣстахъ, где о не переходитъ въ ѹ—од, овця, огонь, улиця, орати, одинъ» (Новиц. Прогр. вопр. 6). Правда, что въ говорахъ, измѣняющихся о въ ѹ, начальное о, измѣненное такимъ образомъ, принимаетъ приыханіе в, а не какое либо другое: вічи и, сколько известно, никогда hічи или ѹчи. Что до ѹдёнъ, неизвестного въ Укр. говорѣ, где есть только еднѣти (уговаривать, договаривать, склонять къ единомыслію), то ясно, что въ немъ ѡи отнюдь не изъ о въ одинъ, а изъ в, и что эта форма по начальному звуку по Русской родомъ, а Польская. Затѣмъ крайне ошибочно мнѣніе, будто приыханія вообще (в, ѹ, б) такъ связаны съ переходомъ о въ ѹ, что встрѣчаются только тамъ, где есть этотъ переходъ, и неупотребительны тамъ, где его нетъ. Во-первыхъ, то в, которое одно изъ всѣхъ трехъ приыханій ставится передъ ѹ изъ о, ставится въ тѣхъ же говорахъ и передъ неизменными о, у, изрѣдка и (варій), но тамъ же можетъ и не ставиться: въ Укр. вона, но обыкновенно орѣлъ, орати. Во-вторыхъ, приых. въ составляетъ принадлежность и тѣхъ Мр. говоровъ, которые

измѣняютъ о не въ *i*, а въ другіе звуки: вуон=вун, вона. Приыханіе это по всей вѣроятности древнѣе Мрусскихъ измѣненій звука *o*; несомнѣнно, что оно было уже въ началѣ XV вѣка: въ грам. Ягайла, писанной «въ Сундемири» 1408—«вонъ и его дѣти» (Ак. Ю. И. З. Р. I. № 40). Въ-третьихъ въ Укр. приыханіе *h* встрѣчается лишь въ немногихъ словахъ съ о неизмѣннымъ, чаще — передъ *a* (ханна) и никогда передъ *u* и *y*. Въ Брест. и Кобр. у. слышится, напротивъ, не только очи, горел (=Укр. очи, орел, но horih) но и hулиця, hинчи (инши, инчи).

Г. Новицкій (Прogr. вопр. 11), говорить, что гдѣ существуетъ твердый звукъ *u* (т. е. въ Западныхъ говорахъ), тамъ начальное *i* остается неизмѣннымъ: *i*ва, Иванъ, іиший; тамъ же гдѣ вместо *u* употребляется *u* (среднее), въ этотъ послѣдній звукъ переходитъ и начальное *i*: *i*ва, Иванъ, іиший». Здѣсь рѣчь идеть о Mr. говорахъ, незнающихъ различія между основнымъ *u* и основнымъ *u*, ибо о тѣхъ немногихъ, въ коихъ разница между этими звуками сохранилась, г. Новицкій не упоминаетъ. Замѣчаніе его невѣрно. Если вообще основное *u* отвердѣваетъ до звука=Br. и Поль. *u* или до средняго, то острое его произношеніе въ началѣ словъ сохраняется лишь при помощи эффонического или коревнаго *j*: такъ въ Укр. гдѣ именно *u* среднее довольно мягко, говорится не только *j*их, *j*им, *j*ими, но и на Іівана, па Іівана, а не на Іівана=ыв... Наоборотъ на западѣ, благодаря приыханію *h*, слышно и=ы въ hинчий.

— «Не переходить ли иногда јж въ з? Мѣстами въ Нѣжинско-Переяславскомъ нарѣчіи говорять: мезъ, озердъ, зеврати (?) вм. межъ, ожердъ, жевріти» (Прogr. вопр. 18). Вагилевичъ говоритъ, что Mr. мѣщане въ Галиціи вмѣсто всѣхъ шипящихъ произносятъ свистящіе, считая это произношеніе болѣе деликатнымъ (Gram. XXII), а я знаю, что именно мѣщанки Восточной Малороссіи, между пропримъ и въ Харьковѣ, держатся такой моды съ тою разницей, что и на оборотъ вм. свистящихъ и ц произно-

сать шипящіе: мішачь—кожачко щонче». Такое прищеп-
тыванье вообще не последовательно (одно лицо скажетъ
и піночку и паноцку) и не только не характеризуетъ цѣ-
лыхъ говоровъ, какъ изстари въ Сѣв. Бр. *), но на Востокѣ
Мр. не распространяется на мужское населеніе городовъ.
Сюда не относятся немногія слова, какъ залізо, въ кот-
орыхъ произношеніе з вм. жс весьма распространено.

— «Не удерживается ли к вм. ч? Это замѣчается
преимущественно въ нарѣчіяхъ Черниговскомъ и Нѣжин-
ско-Переяславскомъ, гдѣ говорятъ напр. двійки, трейки,
керез, карувати вм. двіичи, и пр.» (Прогр. вопр. 24).
Вопросъ слишкомъ узокъ, такъ какъ при к вм. правильного
ч, есть h вм. жс и з, x вм. ш, с. Случай эти такъ не
многочисленны, что приводя ихъ, нечего говорить «на-
примѣръ» и встрѣчаются въ разныхъ говорахъ: керезъ
встрѣтилось въ Гродн. губ., на ѣлах дободах (—на злах)
въ Полтав., карувати (въ пѣснѣ)—въ Харьков. Изрѣд-
ка они есть и въ древнихъ памятникахъ: въ Еванг.
1307 г., гдѣ к соединяется уже съ и—окруже мѣсто
(вм. окружнене) (Бул. Матер. 32); въ Паремейникѣ
1271—«и бысть викеръ» (вечеръ, Бул. Христом. 73;
подальше тамъ же — вечеръ). Какъ-бы однако ни были
древни эти случаи, они позднѣе правильныхъ измѣненій
гортанныхъ въ шипящіе и свистящіе и вообще не мо-
гутъ считаться остаткомъ доисторическаго произношенія
гортанныхъ.

Я не буду здѣсь распространяться о формахъ Mr:
говоровъ, ибо въ виду разсмотрѣть ихъ въ другомъ
мѣстѣ. Отмѣчу только нѣкоторыя неточности въ про-
грамѣ г. Новицкаго.

«На правой сторонѣ Диѣпра глаголъ *плавати, ла-*
мати спрягаются правильно: *плаваю, ламаю*, а на лѣ-
вой—*плавлю, ламлю*» (вопр. 47). Формы *плавле, ламле*

*) Въ Еванг. 1409 г. Новгородского письма, не только ч
вм. ч, но з, с вм. жс, ш: жерно, рожыгу, пригласющими, по-
мыслениемъ (Бул. Матер. 42).

и т. п. столь же правильныя, какъ и *писати*, *пише*, встрѣчаемыя какъ архаизмъ на востокѣ, свойственны и западнымъ говорамъ (напр. западн. часть Волынской г., Костомаровъ въ Сборникѣ Мордовцева, 201); *куплеся*, котораго я на востокѣ не встрѣчаль, есть въ Галиції (Головацкій, вѣсни II, 32). Человѣкъ знакомый съ говорами Полтав., Харьков., Черноморья, я думаю, удивится, услышавши, что въ этихъ мѣстахъ не говорится *плаває* или говорится рѣдко.

Къ вопросу 56. Формъ—*казав ем*, *казав есь* по сю сторону Днѣпра нѣть; раздѣльное же употребленіе *еси* (*казав еси*), хотя нѣсколько устарѣло, но употребительно.

Къ вопросамъ 57 и 58. О формахъ *ходив був* и *ходив би був* г. Новицкій говоритъ, что онѣ употребляются преимущественно въ западныхъ нарѣчіяхъ. Какъ это измѣрить? Развѣ выраженіе «як би я була знала» хоть сколько нибудь не привычно и устарѣло въ Полтавск., Харьков. губ.?

«Звателный м. р. въ нѣкоторыхъ словахъ на правой сторонѣ Днѣпра оканчивается на *e*, напр. *віtre*, *сыne*, а на лѣвой на *u*: *віtrу*, *сыну*» (Вопр. 32). На лѣвой сторонѣ говорится *vіtre*, но обыкновенно, согласно со Ст.-Слав. и Др.-Русск. «*сину*»; изрѣдка, и то, сколько мнѣ известно, въ пѣсняхъ, при употребленіи формы зват. вм. именительного—*сине*: «як приїхав *сине* з путь из дороги..»

«На правой сторонѣ употребительно окончаніе *ovi* (батькові), а на лѣвой—*u* (батьку).» (Вопр. 34). Не полно въ томъ отношеніи, что на западѣ во многихъ говорахъ есть окончаніе—*ovi* (и среднее, или близкое къ *u*), и не вѣрно потому, что по сю сторону Днѣпра вполнѣ обычно *батькові*.

Къ вопросу 36. Въ Укр. говорѣ не слышно формъ «дві оці, дві слові», или они очень рѣдки, но «дві вербі, дві верстві»—формы обыкновенные.

Не знаю, гдѣ замѣтилъ г. Новицкій, что предлогъ *къ* чаще употребляется на лѣвой сторонѣ Днѣпра, а *до*—на правой (вопр. 61). Въ Укр. говорѣ совершенно обычно и «ік мені» и «до мене».

ОБРАЗЦЫ

СЪВЕРНЫХЪ МАЛОРОУССКИХЪ ГОВОРОВЪ.

1. Говоръ Заблудовскій (въ Бѣлостоцкомъ и отчасти въ Бѣльскомъ у. Гродн. губ.). Образецъ этого говора былъ уже приведенъ мною въ приложении къ моей статьѣ «О звуковыхъ особ. Русск. нар.», по очень хорошей статьѣ «Замѣтки о зап. части Гродн. губ.» помещенной въ 3-мъ вып. Энн. Сб.

Привожу оттуда же еще нѣсколько пѣсенъ, стараясь строго держаться фонетического правописанія и отмѣчая въ выноскахъ важнѣйшія отступленія отъ правописанія, принятаго авторомъ упомянутой статьи. *у* косымъ шрифтомъ не составляется слога. О написаніяхъ, какъ *вje* (=*eъe*, гдѣ нѣбная согласная не сливается съ ёгированной гласной) и *r'je* (=*rзe*, гдѣ твердая согласная отдѣляется отъ ёгированной гласной) смотри выше на стр. 9, б. в. Небность согласныхъ передъ согласными обозначена черезъ *в*, хотя и здѣсь можно бы ставить *j*.

Полецеу соколік на сіні озёра, (¹)

Жаль же мије сокола, полёту (¹) ёбо!..

Німа сокола рочобк і другі, (²)

жаль и пр.

На треци рочок соколік лецит,

жаль и пр.

Соколік лецит, уточку несе.

жаль-же мије уточкі, рабоно шјер'јечка! (³)

Поехау Ясенько я-у чужые людзі,

жаль-же мије Ясенька, поезду ёбо!

Німа Ясенька дзенёк (⁴) і другі, (²)

жаль и пр.

На треці дзенёк ⁽¹⁾ Ясенъко едзе,
жаль и пр.
Ясенъко едзе, Марысю везе,
жаль-же ми ёе Марысі, русојі кубсоныкі!
(¹) озіора, політу, дзеніокт (²) друки, други, (³) піўръ-
ечка.

Бежыт (¹) р'јечика (²) од мэльнічка, 2.
ой рано!

А другая од Дуная,
ой рано!

На туой р'јечы (²) човён (³) плыве.
ой рано!

Бял мбодзец красны Стасенъко
ой рапо!

Стрүже стр'јелкі з калінопкі,
ой рано!

Што просціёйши (¹) у човён (³) кладзé,
ой рано!

Што крывяйши (¹) на Дунай мецé:
ой рано!

«Плыньце, стр'јелкі (²) до мое дзјеукі!
ой рано!

«Моя дзјеука....нка (по имени деревни)
ой рапо!

«Моя дзјеука Касюленъка, (⁴)
ой рано!

«Нехай прадзé ценіосенъко,
ой рано!

Нехай бяліт беліосенъко!
ой рано!

(¹) бѣжитъ, просыціёйши, кривяйши, (²) р'јечки, р'јечи-
цы. Я исправилъ: «р'јечка», потому, что въ другихъ
мѣстахъ записыватель пишетъ «рыәчка», и въ этой са-
мой пѣснѣ—стрыэлки, (³) човьонъ (⁴) Касюленъка.

«Ой беленькі ты лебедю,
Чы (¹) бывау ты на мору?
Чы (¹) бывау ты на мору.
Чы (¹) відзеу ты лебядку (²)?»
— Ой як же я не бывау
Ой як же я не відзеу!
Скоро я на мост злецю,
Лебядка (³) у сітнях упала, 2.
Сітнічок поломала, 2.
Быструю воду розоїнала.

«Молодзенкі Ясцінку!
Чы (¹) бывау ты у Н (назв. деревни), 2.
Чы (¹) відзеу ты Марысю?
— Ой як же я не бывау,
Ой як же я не відзеу?
Скоро я на двоур в'єхау, (⁴)
Марыся з сёней выбеіда,
Марыся з сёней бежыт, (¹)
Пуд ю земля стучыт (¹) 2.
А на юй сукні шаццат (⁵) 2.
Кодо пфеса ключы браццат:
Ой на юй—зелёные,
Кодо пфеса—золотые.

(¹) Чи, бежыт, стучыт влючи. (²) лебядку, лебядка. (³) въіхай, (⁴) выбѣка. (⁵) шасццать.

Бял молодзец сёено косіт,
Млода удова ёсці носіт,
Несла, несла, недонесла,
Сјела собе (¹) й зопочыла (⁶),
Бяла сына породзіла,
Породзівши (⁷) й окупала,
Й-окупавши (⁸) уповіла,
Й-уповівши (⁹) һоворыла (¹)
«О муй сыну белюсенкі,
Муй Дунаю быструсенкі! 8*

Ой чы ⁽²⁾ цебе утопіці,
Ой чы ⁽²⁾ цебе й һодовалі?
Й-утопіушы ⁽²⁾ од Бога һр'ях, ⁽³⁾
һодуючи ⁽²⁾ од людзей смјек».
Чуе тое бјел молодзец,
Кінуг косу у шокосу,
Сам поскочыу до удовоныкі:
«Чы ⁽²⁾ ты удэво ошаліела,
Чы ⁽²⁾ розуму мало мјела?
І нас матка һодовала
І поціехі дожыдала, ⁽²⁾
І мы будзем һодоваци
І поціехі дожыдаці!»

⁽¹⁾ сјѣла, собѣ. ⁽²⁾ зопочила, породзивши, окунавши, говорила, чи, утопивши, һодуючи, дожидала: но здѣсь же и «поскочыу». ⁽³⁾ һрыхъ.

По образцамъ, напечатаннымъ въ выше названной статьѣ, звуковые признаки этого говора—следующіе:

— о, ё (изъ ё) измѣняются въ двоегласные уб, юб, изрѣдка въ у, ю, въ тѣхъ же случаяхъ, въ коихъ въ Укр. говорѣ они переходятъ въ і: а) куонь, муой, буоñ, нуоñ, кусонька, һолувонька, здоруовјечко (въ Укр. не слышно соответственной формы здорівјачко, но въ пѣснѣ встрѣтилось марівјачко, отъ основ. формы норовъе, а эта отъ норовъ—нравъ); б) лебюодка, плюорце, своюой, прывюоз (привьюозъ), сюлко; в) у нетум, пуд тобою, лебюдка. Изрѣдка въ тѣхъ же случаяхъ остаются неизменными о, ё: на дубовомъ пию, своей. Я замѣтилъ лишь нѣсколько словъ, въ коихъ уо стоять тамъ, где его нельзя предполагать на основаніи Украинскаго говора: пукі (вѣроятно, въ силу вліянія Польск. рóki, между тѣмъ какъ въ Укр. поки) и хвоечка не сеструонька (Укр. сестронька, и было бы хвоечка), мнуоно (Украин. мноho). Г. Гильтебрандъ въ предисловіи къ Сборнику Памятн. Народн. Творчества въ сѣверо-западн. краѣ (Вильно 1866 стр. XXIV) въ этой случаѣ, должно быть, согласенъ со

мною, потому что взялъ у меня вмѣстѣ съ краткою характеристикою Заблудовскаго говора и всѣ приведенные у меня для примѣра 25 словъ съ *уо*, *юо*, *у*, *ю*, въ томъ же самомъ порядкѣ (см. стр. 101 и 143 моей статьи). Однако, странное дѣло, г. Гильтебрандъ не замѣтилъ, что 16 Заблудовскихъ пѣсень, напечатанныхъ въ его Сборникѣ (стр. 95 и т. д.) доказываютъ соверши-ную негодность моего мнѣнія объ измѣненіяхъ *о*, є какъ въ Заблудовскомъ, такъ и въ другихъ Мр. говорахъ. Въ этихъ пѣсняхъ переходъ *о* и *уо* подъ рядъ встрѣчается именно тамъ, гдѣ по общему правилу, въ другихъ говорахъ онъ невозможенъ: въ слогахъ прямыхъ съ основнымъ *о*, въ первыхъ прямыхъ же слогахъ словъ полно-гласныхъ, въ слогахъ хотя и среднихъ, но обыкновенно не допускающихъ измѣненія *о*, въ слогахъ съ *о* изъ *з*: по-*вуолах*, *вуоликом*, *вуодою*, *иуогою*, *куоню*, *куонѣм*, *куоник*, *вуойта* (род.) *вуони*, *вуона*, *туобѣ*, *муои вуолы*, *муое*, *муого*, *муою*, *скуоро*, *гуолуб*, под *суюсною*, *шуо-сцель*, *буоже*, под *муостом*, *стуояла*, *хуомаци*, *у шуочи*, *штуобы*, *у куонопли*, *соруочку*, *муолоды*, *муороз*, *хвую-рост*, *вуорон*, *буороници*, *бруовы*, *хуоць*, на *слуоньцу*, на *часуок*, *свекуорко* и мн. др. Я не скрупулюсь на примѣры, но далеко не исчерпываю ихъ; не привожу также тѣхъ немногихъ случаевъ, гдѣ *уо*, *у*, *ю*, по моему мнѣнію, стоятъ на своемъ вмѣстѣ. Редакція Сборника, не замѣтила противорѣчія между принятымъ ею мнѣніемъ и сообщаемыми ею же фактами. Г. С. К., учитель Бѣлостоцкой гимназіи, доставившій въ редакцію упомянутыя Заблудовскія пѣсни, я думаю, надѣлалъ ошибокъ потому, что самъ къ народному говору не прислушивался, а подправляя записанное другими, пересолилъ, какъ это дѣлаютъ иногда люди, не обладающіе ни знаніемъ языка, ни вѣрнымъ чутьемъ, съ Украинскимъ і изъ *о*: *Підтава* или *Півтава*, *Місква*.

— Измѣненіе *е* (изъ *е*) въ є въ Заблудовскомъ не совпадаетъ вполнѣ съ такимъ же измѣненіемъ въ Укр. и Галиц., о чёмъ см. въ моей статьѣ стр. 106.

— Но образцамъ въ Этн. Сб., ѿ въ Забл. произ-

носится такъ: а) ъ ударяемое въ срединѣ и на концѣ слова послѣ согласныхъ смягчаемыхъ=је (или ѿ, ѿѣ) бјел, бјеѣла, у лјесі, у земље; ъ ударяемое, послѣ согласныхъ, не допускающихъ непосредственнаго сочетанія съ ј, жаковы въ Забл. р, ц, и шипящіе, =ыѣ, а по предлагаему мною правописанію—је съ предыдущею согласной отдѣленію апострофомъ. Самъ записыватель колебляется между ыѣ (брьзѣ, срѣбною кулєю, трыеска, стрыэлка, грыѣк, сестрыѣ, цыѣлы, у почѣв) и јѣ безъ апострофа (рјѣчка, на рјѣчцы, у почѣв). Послѣдніе случаи ничимъ не отличаются отъ первыхъ и я бы въ обоихъ писалъ одинаково: у почїје. Если принять написаніе ыѣ, то слѣдуетъ помнить, что сочетаніе это разложимо на два слога, что удареніе падаетъ всегда на второй элементъ и что ыѣ или похожій на него звукъ есть результатъ несоединимости ј съ предыдущею согласной; б) ъ неударяемое внутри слова послѣ согласныхъ смягчаемыхъ=е (=ю) въ космѣ ј сливается съ предыдущею согласною: лесѣ, у лесах, бежѣт (бѣжитъ) выбѣжѣт (выбѣжит), беленѣкі; ъ неударяемое внутри послѣ несмягчаемыхъ р, ц, (и шипящихъ?)=с (з): выстрѣлѣ; в) ъ неударяемое на концѣ, послѣ смягчаемыхъ согл.=і (=Укр. і и Вр. и), послѣ несмягчаемыхъ=ы: на дозорї, въ болонї, у лјесі, но џелї, матцы, на р'јечцы, по бадызінцы. Вѣрно ли написано «у вѣчери?» Ужели на концѣ і? г) Изрѣдка встрѣчается и=i въ срединѣ словъ въ слогахъ какъ ударяемыхъ, такъ и неударяемыхъ: не зоусім, сподѣвацісе. Вѣрно ли это?—Замѣчательно, что такимъ же измѣненіемъ, какъ ъ ударяемое, подчиняется въ нѣсколькихъ словахъ и основное е. Здѣсь я различаю два случая: а) е основное ударяемое=је (а не е), или је (ы) тамъ, гдѣ въ Укр. е=i (изъ е): сјем, пјар'јечко (пїар'єчко), весјелечко, ш'јесць (шыесць), въ Укр. сім, пірячко, весіллячко; можно думать, что Заблуд. слова записаны вѣрно и что, быть можетъ, і въ соотвѣтствующихъ Украинскихъ произошло изъ е не черезъ ё, ю, какъ въ другихъ случаяхъ, а непосредственно изъ је; б) е основное ударяемое=је тамъ, гдѣ въ Укр. е=в: пјерсень,

сестроинка; по правилу здесь следует *e* (персцень, сестроинка) и вероятно, что *je* (jъ) поставлено записывателем по ошибке.

Различие въ Заблуд. произношениі *ъ* ударяемаго и неударяемаго срединаго и конечнаго не выдумано записывателемъ. Для выдумки оно слишкомъ тощко и при томъ подтверждается свидѣтельствомъ другихъ говоровъ. Поэтому я не придаю никакого значенія тому, что въ Заблуд. пѣсняхъ, помѣщенныхъ въ Собр. Пам. нар. тв. Свз. кр. между *ъ* ударяемымъ и неударяемымъ и *e* разницы не замѣтно.

— Не понимаю измѣненія *а* въ *је*—*ы* въ удыоры (Этн. Сб. III, 90).

— *O* неударяемое не произносится за *a*. Аканье кижется Заблудовцамъ смѣшнымъ въ сосѣднемъ «Литовскомъ», т. е. Бѣлорусскомъ (Этн. Сб. III 105). Форма зазуля (Укр. зозуля) не составляетъ исключенія, потому что она свойственна Галицкому и др. Mr. говорамъ, не знающимъ Бѣлорусскаго аканья, и следовательно зависить отъ другихъ условій. Спрашивается, откуда г. С. К. въ Сб. пам. Свз. кр. почерпнулъ якобы Заблудовскія формы гарѣлка, адзінъ, аднá, капейка, з Турацкай землі?

— о въ глагольномъ характерѣ *ova* не измѣняется въ *у*, какъ въ Украин.: показовау, а не показував.

— Неясны причины измѣненія *o* ударяемаго и неударяемаго въ *e* въ борёю—доліою (хорою), вјетреві, трейчи.

— *e* неударяемое (изъ осн. *e*) не подчинено Южно-белорусскому измѣненію въ *и*, *я*, о коемъ см. въ моей ст. § 7, 8. я въ бярў, вязуць Заблудовцы считаютъ «Литовскимъ» (Этн. сб. III, 87); но какъ въ Укр. и многихъ другихъ Mr. говорахъ *e* неударяемое, ослабѣваетъ до *и* средніго и *i*, такъ и въ Заблудов.: німа міжы собою, соунышко.

— *я* неударяемое внутри словъ=*e*: памеці, не лекайсе, һледзіш, свеценькі; сюда-же подходитъ *a* изъ *я=e* (двацесь) и въ одномъ словѣ даже *a* основное=*e*: зарез. Не знаю, слѣдуетъ ли считать за исключенія, или за ошибки случаи, какъ сjeяу, выцлавнуу? Я на концѣ въ мѣст. ся—постоянно=*e*, а гдѣ *e* сливаются въ предъ-

и́дущемъ *t* въ *u*, та́мъ = *e* (=ə): спраци́с, сварыци́с, зда́це, бо́ице, лью́це, шлю́це. Одна́ко конечное *я* въ Мары́ся—неизменно. Если же въ кјеми́у, кјемлят, покјеми́ш предполагаетъ *я* (Укр. тя́мити), то непонятно, почему это *я*, находясь подъ ударениемъ, изменилось въ *e*.

— *u* основное опускается (з-за хаты, свою́ изъ сво́ю) и сокращается въ *j* (ще *й* разу не было, хто йшоу, зайдра́ют) какъ и въ другихъ Mr. говорахъ; большою частью не сокращается въ суп. неопр. накл. (бачы́ці, каза́ці) и въ род. ед. прил. ж. (нето́і зі́мы, зло́і мо́цы, русо́і ко́сы).

— Въ буольш, какъ и въ Укр. більш, конечное *e* можетъ опускаться.

— *ый*, *ий* стягиваются въ *ы*, *i* въ оконч. им. ед. прил. м. р. (добры, мілы), а также въ *бі* вм. бій.

— Въ им. вин. прил. опр. ср. и мѣстоименій—*ов* (и *еев*?), а не *еев*, *e* какъ въ Укр.: такое, ліхое.

— Въ им. мн. прилаг. опр. трехъ родовъ—*ые* (*іе*?), а не *ыі*, *i*, какъ въ Укр.: старые, немалые.

— Какъ это *ые*, *іе*, предполагаетъ основную форму винительного съ конечнымъ *и*, такъ и им. вин. множ. мѣстоименій: свое скарбы, свое свацікі. То же основное *и*=*e* въ род. и вин. ед. ж. *еев* маюнькі, *e* самую; въ род. ед. ж. до моє дзя́зукі, свое сестронькі—изъ моєе, своее.

— *ы* отличается отъ *i*=основному *u*. Разница въ употреблениі этихъ звуковъ сравнительно съ древнимъ Русили Ст.-Сл. та, что послѣ несмягчаемыхъ согласныхъ (*u*, *p* и шипящ.) ставится *ы*, а послѣ гортанныхъ *i* (веслікі). Кроме этого весьма рѣдко встречаются не на своихъ мѣстахъ, какъ бы въ силу вліянія Mr. говоровъ, потерявшихъ разницу между ними: піняка (изъ ныня-ка), перепыніт. *ы* въ быу, бы́об, былі, Мары́ся—остается.

— Основное *e*=*e* вездѣ, кроме вышеупомянутыхъ случаевъ, где оно= *је*, и кроме мѣстъ послѣ несмягчаемыхъ соглас. *u*, *p*, и шипящ. где оно= *e* (ə): бере, спече, слоньце.

— Древнее посредственное смягчение *d* есть дж, а не ж: охолоджаці, недзы́єджаю.

— *d*, *t* передъ *я*, *e* (изъ *e* и Ѣ), *i*, *ё* (изъ *e*, *е*) *је* (изъ *ѣ*), *ю*, *ь*, т. е. передъ ётизованными смягчаютъ

ся въ дз, ц: дзядъко, дзень, һрудзі, одзёя (изъ оден, одинъ) недзяля, вјецер, сцена, смерць: случаи: цверды, цверозы, недзвједжою, дзверы и (въ Заблудовск. пѣсняхъ помѣщенныхъ въ Сб. Нам. Свз. кр.) дзвѣ показываютъ, что мягкая гласная можетъ дѣйствовать на зубную че-резъ е. Окончаніе З л. наст. вр. един. и мн. постоянно твердо: бежит, бегут, бачит, ест; ѿ изъ ть (знающъ) считается Литовскимъ.

— р, ѿ (основное и происшедшее изъ тъс, но не ѿ изъ т передъ мягкими гласными) и шипящіе соединяются только съ твердыми гласными. Я такъ думаю, считая отклоненія отъ этого правила въ статьѣ Этн. Сборника, напр. щодаришъ, за ошибки, происходящія отъ влиянія этимологического правописанія, и пишу чы (а не чи или чі), бежыт, бежыш и пр. Впрочемъ въ поманутой статьѣ довольно основаній для моего мнѣнія: рабоho, запращаці, прадзе, бращат, бере, цыцка, розбуйніца, зда-ще, кажеш (въ кажэшъ въ очевидно лишнее) окружу, чужые, іншымъ, бачу и пр.

— Удвоенія мягкихъ согласныхъ тамъ, где оно необходимо въ Укр. и др. говорахъ (напр. зілля и т. п.) въ статьѣ Этн. сб. нѣть: holja (holъja), а не голля (род. ед.); при другихъ условіяхъ появилось зз (безъ смягченія) въ не ззымаю (не зъимаю=не лоймаю); 'мо въ пѣсняхъ Сб. Нам. Свз. кр.—веселле, зелле (sic).

— г=Лат. h; опускается въ дзје (гдѣ).

— в=y, у (составляющему слогъ), какъ въ Укр. напр. удова; опускается въ «озыме», какъ въ Укр.

— Основное чъто—што (а не що).

— т въ З л. ед. наст. можетъ, какъ въ Укр. опускаться, если за нимъ не слѣдуетъ возвратное мѣстомен-ніе, во всѣхъ глаголахъ, кроме тѣхъ, где характеръ 1-й темы—и: ідзе, каже.

— Придыханіав —(вубон, вона) и h:нетой, нета, до нетуль.

— Нѣть эвфоїческаго и въ мѣстоим. З л. послѣ предлога: до єго.

— Ударенія вообще—тамъ же где и въ Укр.

— Фонетическое влияніе Польского языка сказы-

вается только въ словахъ заимствованныхъ съ Польского какъ патыхмаст, тенго и пр., и потому легко отдѣлимъ отъ общаго звукового характера говора. На основаніи пѣсень, помѣщенныхъ въ Эти. сб. III подъ № 26, 27 (стр. 101—2) вовсе не слѣдуетъ заключать о мѣстномъ языѣ, потому что эти пѣсни во всѣхъ отношеніяхъ Польскія.

— Изъ формъ замѣчу:

— Уменьшительныя, отличныя отъ Укр. усенько, усенько, усюлько, усевютко, цансенько, балусенько, быструсеньки.

— Зват. пред. ед. ч.: сыну, Яську, Олексо, удово.

— Дат. мѣст. ед. сущ. м. на ові, еві (изъ ові, напр. віятереві, въ Сб. Пам. Свз. кр. брацішкеві (91), на ковеві).

— Сохранилась неопр. форма им. вин. ед. прил. ср.: дзіятко родненько, през поле узенько.

— Мѣстоим. личн. и возвр.— какъ въ Укр., *m̄tais m̄tandis*: род. мене, цебе, себе, дат. мије, тобје, собје.

— Мѣст. той во мн. ч. нетых, нетым, тых, тым.

— 1-е лицо наст. мн. на—мо.

— Нѣть, какъ и въ др. Мр. говорахъ, благодовъ, на ыса, ыса.

Въ Сб. Пам. Нар. Творч. Свз. края, кроме вышеупомянутыхъ 16-ти Заблудовскихъ пѣсень, помѣщено 4 (№ 49—52), записанныя въ Бѣлостоцкомъ уѣздѣ. Все что въ нихъ замѣтно, сравнительно съ образцами Заблудовской рѣчи въ Эти. Сб., скорѣе похоже на неумѣнье писца, чѣмъ на особенности говора: о—о, въ одномъ словѣ—у (рудиеньки), уо вовсе нѣть; ѿ ударяемое и неударяемое внутри слова не различаются; ѿ неударяемое на концѣ—ї (причемъ не извѣстно, отличаетъ ли записыватель этотъ знакъ отъ и, или нѣть) и ѿ (матен-ци); вмѣсто е, е и даже ѿ пишется е, вслѣдствіе чего напр. «орец» можно бы читать и ореце и орэцэ (то и другое ошибочно, судя по образцамъ въ Эти. Сб.; слѣдуетъ оре (—э) це); пишется я въ ся: вернутся; цу (а не тъ) въ З л. наст. болиць, говоряць; иногда ыя въ им. мн. прил. дробныя слѣвки; замѣтимъ еще: слонемко, Украинонку, се мосту, разстала (ростала); цебя, шолкомъ, полтора.

2. *Пружанский уезд*, Гродненской г. а) Въ Сборнике Памятниковъ народнаго творчества въ Сѣверозападномъ краѣ, изд. редакціею Віленскаго Вѣстника въ Вильнѣ, 1866—четыре пѣсни, записанныя въ деревнѣ Чахець, Михайловской волости, №№ 96—9; б) тамъ же, стр. 289 сл.—пословицы, записанныя въ м. Сельцѣ.

Здѣсь и ниже въ выпискахъ изъ этого сборника я стараюсь держаться фонетического правописанія, а въ сомнительныхъ случаяхъ привожу въ выноскахъ написаніе сборника.

№ 99. Зелёное орешенне ⁽¹⁾

по теню полянае, ⁽²⁾

С-пуд тоно орешення

сивий кунь вибенас. ⁽³⁾

Не сам вун ⁽⁴⁾ вибенас, ⁽⁵⁾

Андрейко вијіжджае, ⁽⁶⁾

женчиков приданае: ⁽⁶⁾

«Жніте, женчики, жніте, ⁽⁷⁾

«Сами себе не пузніте, ⁽⁸⁾

«Ни ⁽⁹⁾ мене молодобе,

«Ни ⁽⁹⁾ коня воронобо»:

—Ми жали, не лежали:

По сім коп нажали!

Андрейку, наш паночку,

Пусти нас до домочку:

В нас доми далёкіе

І матусенькі чужененькія, ⁽¹⁰⁾

Шосилают ⁽¹¹⁾ по ⁽¹²⁾ водицу

У Дунай у криницу

(¹) «зеленое оръшнне»; я поставил «зелёное» съ ё, на основаниі нижеслѣдующаго «далёкіе» и на основаниі выговора въ уѣзд. Бѣлостоцкомъ, Бѣль., Брест. и Кобр. (²) по тѣню полагае; я? Буквальныи смыслъ: зеленая лѣщина ложится по тѣни. Не ошибка-ли? Дѣйствительное значеніе этихъ стиховъ кажется то, что вотъ уже тѣнь ложится отъ лѣщины, т. е. полдень прошелъ, вечеръ настаетъ, а по этому панѣ выѣждаєтъ воропить жнецовъ. (³) выѣзгае. (⁴) вінъ. (⁵) выѣзжае. (⁶) приганае. (⁷) жните, (⁸) «Самы собі на пожнітѣ», а въ опечаткахъ «нэ пузднітѣ» (⁹) нэ (¹⁰) «И матусеньки муженькія. (¹¹) посылаютъ. Я исправилъ, на основаниі другихъ образцовъ изъ той же мѣстности, (¹²) на.

Без Бога—ани до порова.

Не смейса, батьку, з моюю припадку: мис севонії⁽¹⁾, а тебе узватра.

Покорне дитятко две маткі (²) ссе, а непокорне и нѣоднос (³) не ссе.

Где много инацѣк, тамъ дитя безносое.

Не чепай жида, не марай вида.

Правдою увесь светъ обидешъ и назадъ вернесса.

За одною битою даютъ десеть небитихъ, а ёх і так не берутъ.

Не хвалис, а Богу молис.

За очами пиромъ (⁴) з блинами, а ік ми пришли, то і куска хлѣба не нашли.

Зеж и вола, то будъ одна хвала.

Дав Бог теля, да нема хлѣва.

Чоловѣк не пень, не будутъ бити увесь день.

(Люби як) душу, тресий як ѣрушу.

Дѣда пусти подъ лавку, то вони скоче і на лавку.

Не шукай беды, беда сама найде.

До чою бик звик, то ішуночѣ рицае.

«Лесь, отчини⁽⁶⁾ Ивері!» — Подай кочергу, ⁽⁷⁾ я
с мечі отчиню. ⁽⁸⁾

Научат люди, як застібати ہруди.

Не питай у староно, а питай у бивалоно.

Не за то бито, що ходило в жито, но за то, що
у дома не начовадо. ⁽⁹⁾

Бачили очі, що купляли, сжте, хоч повільзьте:

(¹) Сёгони. (²) дві матки. (³) ни годное. (⁴) пироги
(⁵) отчини, отчиню (⁶) начовадо.

— Нѣть эвфонического й въ пришов, пошов, пришли,
пошли.

— О (=Укр. і)=у (с-пуд, кунь); —о: кои, женчиков,
вон, конь, пирог; но въ п'єсняхъ есть и і изъ о: він
жінка, пїйди, Върно ли это?

— е (Укр. і) въ одному случаѣ: сім.

— ё, о изъ е: дамѣкіе но, вѣроятно, по ошибкѣ, зе-
леное; на четырох, чоловек, з моѣю, своїму, сеїоні,
нянѣк.

— въ ударяемое=а (пишуть ы): орѣшнне (сыдуетъ
ожидать: орѣшнне, такъ какъ р твердо), бедній (Мих.
вол.), свет, хлеба, вїж, сжте, дед, зв. деду, янь;
—е въ ыде (какъ и въ Укр. де) и послѣ несмѣгчаемыхъ:
у ночѣ (ср. въ Заблуд.). ы неударяемое=а: це ченай, за-
стібати, беда, беди. Въ п'єсняхъ (Мих. вол.) и лъ неуда-
ряемое пишется черезъ й (=е), и на мѣстѣ лъ ударяема-
го находимъ і (пишуть и и і), а послѣ р—и (пишуть ы):
вибенас, похмелись (быть можетъ, вибенас, похмелись);
діток, дітки, жніте (жните), пузште, не журите, хо-
рилки (горылки), һорильні (горыльни).

— о неударяемое не переходить ни въ а (начовади—
ошибка), ни въ у въ характерѣ ова: начовади.

— я неударяемое внутри словъ—е (а не е): десеть, тресій
(Селецъ); на ковцѣ въ ся—е смейса, іверниса (іі); но въ
п'єсняхъ — пойдае, лягла, осталася, что требуетъ по-
вѣрки.

— въ окончан. ѿ не переходитъ въ я: орешнне.

— ыи въ им. ед. прил. м. р.—и: һлухі (или һлухи?),

Селецъ; однако въ пѣсняхъ (Мих. вол.) постоянно ий: сівій, живій и пр. Такъ-ли? и сливается съ конечной гласною предлога въ обидеш (а не обойдеш, или обийдеш, обійдеш), придется (ся?), Селецъ.

— ал и а въ им. ед. прил. ж.: тяжка, молодая.

— ов и е въ им. вин. ед. прил. спр.: друное, зелное, похиле (или похіле?) дерево, покорне дитятко.

— ов въ род. ед. прил. и мѣст. ж.: ни водное (конечное в изъ я=іа).

— е основное==е (ə).

— и смѣшалось съ основнымъ и. и среднее (изъ осн.) стоить и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ Укр. і: кумови (ы), ниїде; оно близко къ е (ə) и поэтому пишутъ: не (нє) мене, не коня (вм. ии), таке (таки). По неисследованности правописанія, неизвѣстно, слышится ли послѣ гортанныхъ и шипящихъ и, или і: ѣлухи или իлухи (им. ед.)?

— у въ буда (Мих. вол.), но би(ы)валою (Селецъ).

— и твердо: водицу, криницу, таньцовати; однако: карбованецъ, яйца.

— с твердо въ смейса, вернесса, утописса, хвалис, молис (Селецъ), но тамъ же: домислится, спотикается и т.д.

— р твердо: четырох.

— т, а не тъ въ З л. наст. вр.: спит, просит, скачут, берут, научат; но тамъ же горить и пр.

— Согласные передъ оконч. ѿ и др. удваиваются: орешенис, орешения.

— г=h; в, л—какъ въ Укр.

— що (а не што).

— д опущено въ сафоні (Селецъ); спр. «О звук. Особ. Русск. нар.» § 56. г).

— Нѣть эвфонического и. за ѹім (Селецъ).

— Приыханіе һ въ ии һодное (Селецъ).

3. *Пинскій у. Минской губ.* Въ Сборн. Пам. нар. твор. Ствэрозап. кр.—пять пѣсень (№ 296 слѣд.), записанныхъ очень дурно. Образцовъ не выписываю, за невозможностью ихъ исправить.

— о (Укр. і)=у, о: вуз, пуд, постуй, коными.

— е (Укр. і)=и: сим вуз. Должно быть это и значить і острое, но записыватель кромѣ начертанія и, употребляетъ и і, и.

— ё въ зелёны, вишнёвы слѣдуетъ читать за е (=е), и или є?

— ъ=ѣ (ъхаты (sic), поїдземъ, табъ, объдъ, гдзъ), ѿ (свѣчку, мэдью, вэнокъ), і (сіры, білы, повістоныку, павістоныку, до діла, літіла, літось, лішша, у ліску) и (у хаты). Кромѣ этого ъ неударяемое, какъ въ Бр.= і, я, о чёмъ ниже.

— о неударяемое пишется то черезъ о, то черезъ а: поїдземъ, погонили, посадзимъ, робочая, охочая, соловѣйка, топоромъ; палани, залатого, маладая, табъ, сабъ, абъдъ. Вѣроятно, слѣдуетъ вездѣ писать а.

— е неударяемое=я: павістоныку (однако літіла),

— ъ неударяемое=я: по сножати, зацвала, гназдо.

— ѿ въ им. вин. прил. опр.=ы: зелены, вишневы, сіры, білы, какъ въ Заблуд.

— oe въ им. вин. прил. сп.=oe и ee: святое, дівненъкэе.

— oe (т. е. oe) въ род. ед. прил. ж: старшое свашки.

— ѿе въ им. мн. прил.: гаршки не накрыты; однако лавы не мытыя, неизвѣстно, согласно ли съ выговоромъ, или по общепринятому литературному правописанію.

— Написаніе e основного рѣшильно сбивається съ толку: выше приведено я изъ е (павістоныку); смягченіе д въ dz передъ е указываетъ на то, что это е мягкое: поїдземъ, ъдзе, будзе; но въ той же пѣснѣ: будешь, буде, людей, что предполагаетъ е=е; э при е написано въ везе (bis), вэреску, кромѣ того въ пачку, соловѣйка, діучненъкэе, замерзъ.

— ы основное=ы (пыталася, куды, зелены, сіры, лавы), и (=і или и?) послѣ к (лавки), у въ бувая.

— На произношениі *и* основного звука указываетъ смягченіе передъ нимъ *и* въ дѣ: сяди, пади, приядзимъ, поядзимъ, паладзимъ; на произношеніе его за *и* среднее (или *ы*?) указываетъ написаніе: ёхаты и отсутствіе перехода *т* въ *и* въ ёхаты, лампти, щипати (въ той же пѣснѣ гдѣ ёхаты) и *о* въ *о* въ погляди, дитяти, клади, диво дуненськое (*ю*);

— *и*, *л*, *в* — какъ въ Укр.

— О дземанни *и*? выше...

— «ти хороше у хати?» а не чи, ци.

4. *Овручскій у. Волынской губ.* Въ Народн. Южно-русск. казакахъ *И. Рудченка*, вып. I, пересказанная плохими виршами казака подъ № 34. Правоцисаніе, какъ и во всемъ сборникѣ, фонетическое, которое, хотя для некоторыхъ говоровъ удовлетворительное, но само по себѣ не можетъ снабдить записывателей ни наблюдательностью, ни знаниемъ. Въ указанномъ образцѣ замѣчу:

— *о=i*, какъ въ Укр. — *и* (про бісів); — *о* (гдѣ въ Укр. непремѣнно *i*): вон (и він), домовку, чортов (род. мн.).

— *е=i*: постерігся.

— *и* ударяемое — *e*: ехав, въ лес, въ свѣті, беси (если ударение на 1-мъ слогѣ; въ Укр. бісій), до дела, леси плесчи, однако же при тѣхъ же условіяхъ и *и*: чоловік, всім, стріяса, вмію, ні, свиніть (новал.), сіять.

— *и* неударяемое — внутри словъ — *e* (бежить) и *ie* (про бісів, літаки), на концѣ — *i* (въ свѣті, в болоті).

— *i* острое въ свісму, свіщи, свіщіть вмѣсто ожидаемаго *и*. Ужели такъ говорится?

— *е* въ засец, но въ ся и въ другихъ случаяхъ стоитъ *и*.

— *и* въ имен. мн. прил.: голіе, волохатие, какъ въ Забл. Пинск. и др.

— *и* то твердо (засец, зайца), то мягкое (зайця, очиці, пінці, бояція).

— Во 2 л. мн. поведительного то *та* *то же*: свіщіть, засяжітъ.

Осторожне, по видимому, якъъ мъ (Укр. поверѣ). и

5) Козеленікій у Черніговской руб. Рудченко, Сказки, I, № 8 и 22, запис. въ селѣ Рудьковій И. П., Новицкимъ. Для образца вынешу изъ этихъ сказокъ нѣсколько фразъ, сохрания тоже правописаніе.

Пуйшов раз чоловік у цюле ореть... Ліг собі ведмідь на возі, да й лежить... Той пуйшов, уявъ у мешок троє курей та собаку, принес... А вона стала так оддалук. «Пускай, каже по однуй, я половлю». От вун одну курицю пустив; вона аловила другу и третю, а іде, як випустить собаку — лисиця в ліс... Собака як ухопить йї за хвост — насиду вирвалась... Тилько щоб тут зробити, щоб вона не втікала, поки я за заступом піду... Пуйшова дал — лежить балабайка. Вона пудойшла — брецькає.

— Той чоловік увуйшов да й каже: «жунко, що мені робить оцюому теляті?... Іде да й иде тедя, аж бежить кабан... кабан каже: «я побежу від бодото да в іух уриюсь...» Вун увуйшов да на пул луг... Вовк прийшов да в комурку, виев муку, пойів жито, все сало ззів... Ей, братте, вставайте вовка быти...»

— Разъ встрѣтилось *пуйшов* безъ эвфонического *й*, но рядомъ: *пуйшов*, *пудойши*, *увуйшов*.

— о (Укр. *ї*) = у: хвуст, пул, жунка, даже мух, хотя можно бы ожидать *мох*; — о: стожек; і: піду.

— е (Укр. *і*) — у не только по слѣдѣ отвердѣвшихъ согласныхъ, какъ въ жунка, но и посдѣ смягчающихъ кавкви я, и: принес (а не — *пюс*), оддалук (а не *отдалюк*), луг (а не *луг*). Это не вѣрно, такъ какъ не можетъ быть, чтобы въ говорѣ, въ країнѣ я, и, могуть соединяться еъ мягкими гласными и съ я, возникло такое смѣшное формъ *пюс* (*пюс*), и *пюс* (въ другихъ говорѣ *пюс*, *пюс*), *луг* (льєть на низкемъ мѣстѣ и щедок), и *луг* (въ другихъ говорахъ *луг*, *ліг* и пр.), тѣмъ болѣе, что это предыднє слово тамъ же встречается и въ формѣ *ліг* (ср. втікала). Піч, на печі — какъ и въ Укр.

По аналогии съ у маъ о слѣдуетъ ожидать ю изъ е, стало быть *ліог*; если предположить, что къ написанію *луг*, *пюс* послужило то, что въ этикъ словакъ дѣйстви-

тельно не слышно той нѣбности л; и, которая въ люди, нюхати, то все же нельзя будетъ понять, откуда взялось такое произношеніе, такъ какъ сколько известно изъ другихъ говоровъ, непремѣнное условіе измѣненія основнаго (не ётированного) е въ юо, ю, і есть предварительное смягченіе этого е, т. е. превращеніе его въ е, затѣмъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаетъ, въ ё т. е. јо.

— ъ ударяемое—і: ведмідь и пр. Однако такъ измѣняется и ъ неударяемое не только на концѣ (далі, на возі, на жердоцї), но и въ серединѣ: втікала, посміялась. ъ неударяемое—е, послѣ гласной—е: у мешок, бежить, побежу, виев; на концѣ—дале при далі (далѣ).

— ѿ въ пеньок выражаетъ конечно звукъ Ѹ. Слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ писать Ѹ (пенёк), потому что ѿ мы и произносимъ за ѿ со звукомъ, ѿ слышишь отдельно отъ предыдущей согласной, какъ ѿ є въ свинѣ.

6. *Сосницій у. Черніговской губ.* мѣстечко Александровка. См. неудовлетворительно записанные образцы въ статьѣ Св. Базилевича (Этн. Сб. I) и замѣтку г. Кулиша въ Зап. о Юж. Р. I, 46).

— о (Укр. і), по свидѣтельствѣ г. Кулиша,—уе (ує: вузл), при чемъ неопредѣлено, на которомъ изъ элементовъ дифтонга слышится удареніе; по Базилевичу—у: въ тум, вун, жунку, один на'днум, у землі королевськай, на однай мілі, на славнай Україні, у Білай Церкві, на оковитуй горільці, козакув;—о: жидов—рандаров, жидовку; начало думы о жидовскихъ откунахъ у Св. Базилев. читается: «якъ од кумынъщы да до хмельныщи... да и до свого жто дня... у землі Королевськай да добра не будо»; а г. Кулишъ записалъ: «од кумівщини». Это значитъ, вѣроятно, отъ временъ Барабаша, кума Хмельницкаго, и, быть можетъ, было произнесено: «од кумівщини» или «кумуївщини».

— е (=Укр. і), кажется—і, судя по одному слову въ Этн. Сб.: зільем; ю изъ е не встрѣтилось.

— *и*, по Кулишу, произносится почти такъ какъ въ Великороссии, а не за *i*; по образцамъ [въ Энг. Сб. *и* неударяемое = *e*, ъ (*e?*): греби, погребай, задремало, исшеници, сѣдали, покрову сѣчовую; г. Кулишомъ въ записанныхъ имъ думахъ удержано *e* въ словахъ «кров іх... з жовтимъ пескомъ мешайте» (З. о Юж. Р. I, 54) повтекали, бежить, и даже въ ударяемомъ слогѣ: «воі козацьки рѣки (*ib* 58; у Базилевича рѣки т. е., рѣкі?); у Базилевича ъ неударяемое = *i*: на рички, дитей, дилами, у городи Полонози.

— *и* ударяемое у Св. Базилевича = *i* (и): пъєного пеменици, літні вытер повые, выри свое; *i*: рікі (или рїки?), на річкі (или річки?), исхотів, діти, з дітьми, медвідь, желізние, зазвеніло, на коні, бороді, мині (или міні?) собі (и себі, тибі).

— *о* неударяемое, не переходящее въ Украинскомъ въ *i*, = *a*: каня, мастький пане (*taścīwy*), на кані. у Св. Базилевича это написаніе не выдержано.

— *о* неударяемое въ глагольномъ характерѣ ова = *u*: заорувать, приписував; согласно съ этимъ є должно быть = *ю*.

— *я* неударяемое въ як = *i*, т. е. *jī*: јк у свити день... — *е*: ек изъ низу літні вытер повые... Другихъ примѣровъ этого перехода не встрѣтилось; *я* въ ся остаются:

— *е* въ существѣ средн. на ѿ не переходитъ въ я: зільемъ, хрестъ (средопостье, на Крестопоклонной недѣлѣ въ среду, когда пекутъ кресты изъ тѣста).

— *ы*, *и* въ им. ед. прил. и. = *i*, *i*: бити тарель (тарезъ) святій день, Хмельницкі, невеликі, другі; *и*: мостикий: — пришов (а не прийшов).

— *оі* (а не *oe*) въ род. ед. прил. ж.: Білої Церкви: — *ыс*, *іс* въ им. мн. ч. прил.: широкіe желізниe ворота, женци молодіе, старіе, серпи золотіе, лубяніе.

— *е* основное, кажется, = *e* (ъ), а не *e*. — *ей* въ третью, въ силу вліянія слѣдующаго мягкаго слога.

— *и* и *и* основное = *i* среднему. Св. Базилевичъ пи-

шеть вм. осн. и и средняго и, а и вм. средн. и и
остраго, а потому можно только догадываться, что въ
этомъ говорѣ гортанные требуютъ послѣ себя не и, а і:
рибкі вловити (у Базилевича рибки).

— Неизмѣнность гортанныхъ тамъ, гдѣ въ Др.-Русек.
и Укр. они переходятъ въ свистящіе, встрѣчается (на-
річкі), но, кажется, не составляетъ правила: у городі
Полонозі (мѣстный пад. произведенный отъ темы Поло-
ногъ, возникшей изъ ошибочно понятаго родительного На-
лѣнага т. е. Полонного отъ Полонное).

— *r* твердо: цар, дат. цару, зв. цару, господару, за-
орувать; *рандáри*, но есть отклоненія, зависящія, веро-
ятно, отъ записывателя.

— *ц* твердо или мягко? У Св. Базилевича женцы и жен-
ци (і?), пешеницы, старца и яйца.

— Удвоенія согласныхъ передъ оконч. єе и т. п. ка-
жется нѣтъ: данье, хрестъе, Ѱильем.

— *ть* (а не *т*) въ З. л. наст.

— Приых. *h*: не годного (ні одного).

— *що*, а не *што*.

7. Кролевецкій у. Черниговской губ. Рудченко,
Сказки I, № 41, запис. въ м. Попорницахъ. Удерживаетъ
тоже правоиссаніе.
—... Охрем музика, що жив, колись у Сухой Вербі...
Хто його не зне? Там такий бувъ человікъ на все вродли-
вий! Чи вуз (було, чи лапату, чи що друге) — дакъ ощиоди-
дивись!... А вже на веселли, або так в скай кумпанії —
тульки його й слухай. Як начне було вигаваруватъ?
Господи твоя воля! де що береще? неначе з рукава сипле.
Да ще к тому не те, що наш брат, а и въ носи такий
кручикъ мавъ. Йому сїї ведьми — плование діло! Вуй на їхъ,
каже, не разъ и до дому верхомъ йездивъ, а то дакъ, не
при хати споминаючи, и зъ чертаками ни разъ кунпанію
водивъ...

А то въ друге (е?) рассказувавъ: грав тут-такі у насъ
у когосамто веселля, да пуд-пувачъ (ч), як усмъ вже пуд-

пили, чимсь-то не вдоволили Охрема; вун за шанку, да й був такій. Іде—коли будинкі, а в інших людей—видима-не-видима! Свечки (i) зяють, пани бегають в музика чепеляє, да так, каже, нещепенна! «Лиха година—б тебе града, дума Охрем: не так би цюю ми заграли! Дай зайду! Тут видна веселля, а музика юе веселля не буде лишній!» Тульки (i) що задумав, аж вибегають пани до (a) Охрему в пояс: ходи, будь ласкав, кажуть; до нас!» Охрем сюди, да зараз—клим, вілим! Наладив скрипку, да як удере;—пани як на рукахъ не носять його.

Коли трохи з годом—дзвонок: дзвено! дзвено! «О, кажуть, що гости єдуть до насъ. Грай, Охрем, лучше: пан, що еде, на горелку дастъ.» Коли ж справдя пан, ю з дзвонком, і став тут. Охрем, скулька мега, грає. «Хто там грає?» питает пан. А Охрем дума: «Види, побачинь (ш!) да іншиа!, да веселійша! коли ж чує, два чоловеки щупать його да привели до пана. «Що ти за чоловек?» питает пан.—Охрем музика.—За чим ти (в) научи (у?) тутечка граєш?—У панив на веселля, каже. «Ти няяни!»—Ta ще не, каже Охрем, а як ваша мілостість дастъ на горелку, тади (и?) може й буду. «Садиесь же, одвича пан, на вуз, я тоби пойграю!...» А то пан станови їхав (в) нучи, а Охрем грає у пустуй хаті крій дороги. От його привезли, да й у халодну! А на завтра так, казав, найграли, що вун скакав, скакав, лежачи, трепака.

— Усиленіе коренного о въ а въ глаголахъ, съ характеромъ ова во 2-й темѣ, остается: договáривать (въпрятно дагавáривать, въ Укр. договбрювати).

— Нѣть эвфонического й (i) въ вишов, пришла; однако вишов (въ начаї средисе и, или i?)

— о (=Укр. i)=у: вуз, поруг, нуч, стул, свїй, буг, спасибу, рувни (sic) не було, тульки, скульки, въ ской, у пустуй, з Хлапеникув, даже (в) нучи, у двуре, тдъ слѣдовало бы ожидать о;=и: у пустай винниці, у панив, без урокив;=і: вітти и витти (Укр. відтіль);=о: у СухойВербі.

— ё (=Укр. i)=ю: въ юй;=е: од звала;=и: з ве-

силля, на весилли. Послѣднее довольно странно, если только здѣсь и не есть ошибка.

— е остается въ человѣкѣ; но это ошибка, судя по формамъ чалавекъ, два чалавеки, предполагающимъ: чоло-вѣкъ. е остается въ все; переходитъ въ о въ пловане діло, гдѣ ло (а не лѣ), если оно не вымыселъ, весьма странно.

— нъ ударяемое какъ внутри слова такъ и на концѣ—е; послѣ несмягчаемаго рѣногда—е: Охрем (осн. Ст.-Сл. Форма Єфрѣмъ), вѣдьми, мене (дат.), табе (дат.), зхотев, басови, чортяки, чалавек, не (Укр. ні=осн. фор. нѣ изъ нѣсть), не-чого (осн. фор. нѣчего, а не нечего), пасели, свечки, бегаютъ єде, сдуть, ва сне, недель зо две, у двуре, на горелку (слѣдовало бы ожидать «на гарелку» и «Охрем.»). Встрѣчая при тѣхъ же условіяхъ и є изъ нѣ, недоумѣваемъ, слѣдуетъ ли приписать эту непослѣдовательность говору, или записывателю? Такъ: йїздив, пойдем, діло, свѣт, ні, хотів, зовсім, скорій, веселійшаі, з лахмілля, у Сухой Вербѣ, горілка. Въ такихъ же случаѣхъ и (среднее): затарахтило, загуркатило, на горилку.

— нъ неударяемое внутри словъ—е, послѣ согласныхъ: на стенах (удар. на 2-мъ слогѣ?) вибегають, вилез, пріежають (одно ж?); однако вестімо;—и: мирошник, адви-ча. Ё неударяемое на концѣ—и: въ носи (однако на воні) при хати (и у хаті), у поли, у болоти, на весилли (и на весиллі). При дѣлѣ стоять и далі (далѣ).

— о ударяемое въ тей—е: не тей (им. ед. м. р.).

— о неударяемое, не переходящее въ Украинскомъ въ і,—а и передъ, и послѣ ударенія: пакойни, лапату, ба-іце, тарахтить, не довга, ока и пр., но весьма много отступлений, зависящихъ отъ невнимательности записывателя или переписчика, а быть можетъ, въ меньшей степени и отъ свойствъ самого говора; Охрем, царство (однако нешпетна, недовга, нарѣч.) його, йому, волос и пр.

— о неударяемое въ глагольн. характеръ ова—у: ра-сказывать, вигаварувать, пакаштував.

— я неударяемое внутри словъ и въ возвр. ся—е, а

послѣ несмягчаемыхъ р, ц (изъ т—с) и шипящихъ—е: екій, в екій, нараѣла, скле(а?)нифо, з брезкульками, лежечи, береще, баїще (однако пояс, за десять, становицца, дивуеще).

— с въ те послѣ удвоенныхъ согласныхъ остается въ угалле, однако измѣнено въ я въ веселля.

— Ни е, ни ю неударяемые почти не подвержены Юж.-вруссикимъ измѣненіямъ по образцамъ: бирагу, вянокъ и т. п. ср. гарцивать.

— ыи въ им. п. ед. прилаг. опр.=ы: пакойны, пьяны, становы,: однако вродійвий, екій, такій.

— и въ иду сливается съ и предлога: приди.

— ое въ им. вин. прил, сред. р. можетъ сокращаться въ е, послѣ гортанныхъ—е: небесне, друге.

— оi, ei (а не oe) въ род. п. ед. прил. и мѣст. ж.: инима, веселійшаі.

— ѿе, іе, въ им. мн. прил. инишіе, такіе; стягивается въ е: усяке очи.

— сїі ведьми (им. мн.), а не сi.

— е основное—е (=э): идеш и вѣроятно по ошибкѣ завернеш;—е послѣ гортанныхъ: у друге.

— и и осн.—и (среднему), кромѣ у въ бувало, була; и стоять и тамъ, гдѣ въ Укр. і: кони (им. мн.).

— Гортанные, какъ въ Укр и Др.-Русск. переходятъ въ шипящіе и свистящіе; тѣмъ не менѣе гортанные согласные требуютъ і, е, а не и, е: екій, такій, такіхъ, геть-такі, усяке очи, друге. Слuchaи, какъ будинки, хиба, трохи, скульки, два чалавеки, край дороги, можно бы приписать записывателю.

— Дзеканія нѣть.

— р твердо: вигаварувать, вечерать, кручок.

— ү изъ т-с твердо: береще, дивище, разглядище (хотя дивуеще, цюю изъ от-сюю). У основное повидимому мягко: гостинець, у винниці, гарцивать.

— Шипящіе тверды. Невѣроятно, чтобы въ «роска-жешь, побачиша, робиша» въ было у мѣста, тѣмъ болѣе, что находимъ и пограемъ безъ э.

— с, а не съ въ колис (если это не ошибка, такъ какъ пишется тамъ же чогось).

— тъ въ З л. ед. и множ. мягко. Въ ед. ч. оно можетъ опускаться, какъ въ Укр.

— д изъ т въ дак, если это слово употреблено въ значениі союза и не имѣть на себѣ ударенія: «жік стане разказувать, дак волос дубом»; «у малодиках вундетьтакі любив склепнаго Бога... дак бувало, як іуд хмільком, дак такого порасказує, що...» т въ так, нарѣч. остается: «на весилли обо так вакуй кумпанії»;

Разсматривая этотъ, къ сожалѣнію, крайне прерывистый рядъ образцовъ, не трудно замѣтить, что въ образцахъ изъ уѣздовъ Пружанскаго, Овручскаго и Козелецкаго вовсе не замѣтно Великорусскаго вліянія, если, какъ и слѣдуетъ, не считать за его слѣдствіе синорадиическаго измѣненія я неударяемаго въ е. Изъ этого одного (кромѣ другихъ данныхъ и соображеній) видно, что съвернѣе этихъ говоровъ есть другіе Малорусскіе-же. Въ образцахъ 1, 3, 6 и 7 очевидно вліяніе Южно-великорусскихъ говоровъ: въ двухъ первыхъ—говоровъ дзекающихъ (Бѣлорусскихъ), въ двухъ послѣднихъ—сохранившихъ д, т передъ ј и мягкими гласными. Заимствовано: въ Заблудовскомъ—смягченіе е въ е и дзеканье; въ Пинскомъ измѣненіе о неударяемаго въ а, е и ю неударяемыхъ въ я, смягченіе е и дзеканье; въ Сосницкомъ и Кролевецкомъ—измѣненіе о неударяемаго въ а. Эти Великорусскія черты доказываютъ, что упомянутыя четыре мѣстности близки къ съверному предѣлу области Малорусскаго нарѣчія, но никакъ не то, что они суть крайнія. Далѣе всѣхъ выдвинулся на съверъ Заблудовскій говоръ, самый западный. Если считать его крайнимъ изъ Малорусскихъ, то окажется, что черта (до сихъ поръ лишь приблизительно намѣченная), отдѣляющая синонимическое Великорусское населеніе отъ сплошнаго же Малорусскаго, не крайнемъ, а наѣдь продегаетъ почти на поясъ, проходя съвернѣе, чѣмъ

въ туб Курекой и Воронежской. По Великорусскую сто-
рону этой черты есть говоры, почти тождественные съ
Малорусскими въ формальномъ и лексическомъ отноше-
ніи, но не представляющіе ничего специально Малорус-
ского въ звукахъ. Таковъ напр. говоръ въ Шогарѣ Черн.
губ. образцами коего могутъ служить сказки, напечатан-
ные въ Сборникѣ г. Аѳанасьева (Ск. I, №№ 4, 6, 6,
17; II, №№ 30 и 31) и записанныя довольно удовлетво-
рительно, впрочемъ, повидимому, больные по памяти, чѣмъ
со словъ. Вотъ образецъ, въ коемъ я отъ себя ставлю и вм.
и, въм. е и ъ, отбрасываю конечное з, а при другихъ
поправкахъ ставлю въ скобкахъ написаніе подлицника:

Быв сабе дед да баба, да у юх (их) не была дѣ-
тей. Вѣ баба и кѣжа дѣду: «иди, деду, в лес, да выру-
бай тельпушок, да зраби калисачку; я буду таинъ тель-
пушки калыхать, чи не (не) будя чаю?» Дед зрабив такъ,
як казала баба. Вѣ баба калыша тельпушок, да и при-
пѣвая:

Люди, люди, тельпѣшику!
Зварѣ табѣ кулѣшику
И ячнаха и смачнаха
Явсянаха, прасянаха.

Нладить баба, аж у тельпушка нохи єсть. Баба...
спѣвѣ... пакуль изъ таю тельпушка зрабилась дитя. Ра-
ды были дед и баба и ня знали, что рабить свайму дитятіи.
... Ти мала, ти баѣата ета такъ была, вѣдьма...
задумала заубить бѣбинаха сына.

...Приняла Иваньку дамбѣ да и кажа сваѣй даццѣ
(даццѣ) Аленце (—цѣ): «дачунечка мѧя! вазьми сяю
хлопчика, абмый, да витапивши пѣч укинь... Аленка
здура да и лягла, а Иванька—бурхѣть яѣ у печ... Вѣдь-
ма... пришла, да давай... тым мясам закусывать. Яна
думала, шта дачка принатовила кушання, да пашла
булять... Падаўши харашенъка таю мяса... вѣдьма да-
вай качаца... пакачуся—павалося Иванькинаха мяса на-
ѣвшися!» А ѿ и кажа: «а трясцы? (т. е. че хочешь—

ли?) Аленкинава!..» Владить Иванька, аж лягти стада
гусей; во ён и начав просить ихъ:
«гуси, гуси лебедята!
Вазьметь мене на крылата,
Панесеть мене к ацу—к матке и пр.»

Замѣтимъ здѣсь слѣдующее:

— *ы* не измѣняется въ о ни въ глагольныхъ корняхъ (абмы), ни въ окончаніяхъ прил. такій, брубы.

— о ударяемое=е (ё) въ «тей» (тотъ), а вѣроятно и въ другихъ случаяхъ, о чемъ см. въ моей статьѣ «Звуков. Особ.» стр. 59.

— о неударяемое=a; но въ характерѣ ова=u: закусывать и пр.; въ началѣ слова послѣ гласной можетъ опускаться: на'дномъ рябрь.

— е и ю неударяемые въ известныхъ случаяхъ=y, а (см. въ моей статьѣ § 7), что предполагаетъ ихъ произношеніе за e послѣ смягчаемыхъ согласныхъ.

Въ измѣненіи e ударяемаго въ ё есть Бѣлорусскія особенности: ёсть, свай и др.

— ай, ю въ им. мн. прил. не стягивается въ ы, и.

— ы и и различаются, но u=i стоять послѣ гортающихъ; въ колиска и ви. ы по Малорусскому вліянію.

ийзъ e въ свайму и пр., какъ въ Mr. и Br.

— Переходъ гортающихъ въ свистящіе еще въ силѣ (дацце, ухатце и пр.), но довольно отступленій: матке (дат.). Въ «Иванькин, Аленкин» въ Mr. было бы ч: Иваньчиин.

— Дзеканья нѣть.

— р мягко: царь, царя, бура.

— ў твердо: трасцы, бицца. Поэтому слѣдуетъ писать «на щаце» а не «на щацъ» (ъ=e).

— Передъ оконч. ѿ и др. согласные удвоются: кушання (им. и вин. ед.).

— г=h, л=v, у=b, какъ въ Mr.

— ѿ въ З л. ед. и мн. наст. вр.; окончаніе это въ З л. ед. можетъ опускаться какъ въ Mr.

— Приыханіе ј въ ён, яно, какъ въ Бри.

— Изъ формъ замѣтимъ сохраненіе авательного падежа, употребленіе глаголовъ съ характеромъ у овъ въ значеніи Великорусскихъ глаголовъ и въ ы въ, 2 л. мн. ч. повел. возвѣстить, панесеть.

При этомъ совершенное отсутствіе характеризующихъ Малорусскіе говоры измѣненій *o*, *e* и *n*.

Возвращаюсь къ Малорусскимъ говорамъ Гроднен-
ской губерніи. Нижеприводимые образцы—изъ «Сбор.
пам. нар. творч. въ Свз. кр.»

8. Бѣльского у. село Чижы. Пять пѣсень, №№ 32,
33, 124—5, 149.

№ 124. О сюй ночи стучало—хриміло.

Я думала, што брат з вуйска ѡїде,

А то ѡіхали Татаре-буяре,

Везли з собою три Подоляночкі, (1)

Три подоляночкі (1) всі три сестренькі. (1)

Ой старшую везли въ червонум убранні, (2)

А середнюю везли въ зелёnum жупані (и?)

А найменьшу везли һоленку-наиенку.

Ой найстаршой треба чипок випити,

А середной треба виночок (3) увити,

А найменьшу треба на Дунай пустити:

Нихай пливе до ойца до маткі (1)

До своєй родинонкі. (1)

(1) Ставлю—кі (а не ки) на угадъ. Въ текстѣ—ки.

(2) убранні (3) виночок.

№ 149. Ой заржи, поржи, мой (1) сивий коню,

Дороною бенучи, (2)

Ой чи не вчуе моя дівчина

З руткі (3) винбчкі (4) вьючи.

Скоро учуда, зара (5) познала

Што мой (1) Ясенсько ѡїде.

«Ой мой (¹) Ясеньку, мое коханье,
Сталася ми прихода:
Била (²) я увила пару виночков, (³) (⁴)
И то забрала бистра вода».
— Моя Касюлю, мое коханье,
Не фрасуйся (⁵) ты тому:
Маю я, маю пару лебедёв
Помплю я по виночкі (⁶)—
Лебеде плыуть, виночкі (⁴) тонуть,
А бистра вода юарне; (⁸)
Ой потрацила (⁹), моя дзівуюю (⁹),
Своі виночкі (⁴) марне!
— Страціл ты, Ясю, страціл, пебоже,
Коника ворононо.
А я не страчу молоденькая (¹⁰)
Виночка (⁴) рутяного.

(¹) мой, а не муй, віночков, а не—ув, какъ слѣдовало ожидать. (²) бѣгучи. (³) зъ рутки. (⁴) віночки, а не виночкі (—ки?), какъ можно ожидать, на основаніи предыдущей пѣсни. (⁵) т. е. зараз; въ текстѣ стоять зоря, что безсмысленно. (⁶) была. (⁷) Поль. nie frasujsię, не заботясь, не огорчайся; ср. Нѣм. fressen и суга edax. (⁸) Поль gągrę; но Mr. было бы юорне. (⁹) ц и дз въ потрацила, трацил, дзивуюю—сь Польского; вообще въ этомъ говорѣ дзеканья чѣтъ. (¹⁰) младенъка..

9. Брестскій уѣздъ. а) Село Косичи, Сб. Пам. I №№ 34, 123, 136, 144—8 150—1, 155—6; б) Каменець-Литовская волость, ib. №№ 181—203; пословицы и загадки стр. 288—9, 299—300; в) того же уѣзда безъ точнаго обозначенія—ib. №№ 127—133, 159—160, 162—6.

№ 34. «Чом ти, (¹) юю, чорний стоїш, (²)
«Чом ти, юю, ии зеленіеш (³)?»
— Як я маю зеленіти?
Була зима (³) сутужная,

Ішло (⁴) вуйсько велике,
Подо мною ночовало,
Кориньнечко (⁵) подоптала
І бульчик постінало:
Кориньнечко (⁶) копитками.
А бульчик шабельками.

(¹) ти. (²) стоишъ, зеленієшъ. (³) зима, кориньнечко.
(⁴) я шдо.

№ 144. Ой ти (¹) хмеленьку, буйное жите (⁸)

Мноho (⁹) розуму маеш: (⁹)
Ой і п'яноho (⁹) і тверозово
З розуму спроваджаеш. (⁹)
Ой ти (¹) дівчино перебурниця,
Мноho (⁹) есь (⁹) перебрала,
Усім молодцям (⁹) дохану (⁹) дала,
А вдовцёви (⁹) досталася:
Во у удовця (⁹) тихая мовця,
В (¹⁰) єшо жовтиє влости. (¹¹)
Ой не зажила жадна невіста
У свекорка (¹²) роскбши,
Ходить свекорко (¹²) по нових сінєх (¹³)

Нівисту пробуджає: (¹⁴)
«Устань, невісто, устань, молода,
«Устань до роботи!
(Устань до роботи) Додай охвоти
«Усий своїй челядопъци (¹⁵):
Муй мілій устав, по зорам познав:
«Ше, батеньку, рано!
Рано вставати, рано вставати,
Й сніданне нотовати!
Поздоров, Боже, мою милою
І мене коло єшо,
Що вун не каже рано вставати
Й сніданне нотовати.
Ой як я була в (¹⁶) свою батеньку
Я нічою (¹⁷) не знала;
Я кур ни чула, я зур не знала

Й (¹⁵) роботи не знабила¹, (¹⁶)
Ой як я пошла та(¹⁹)й до свікорка(¹²)
Я все тое познала:
Кури почула, зори познала,
Роботу поробила.
Кури почула, куря почула
Тонкій кужель прадучи;
Зори познала, зори познала
Рано по воду йдучи.

(¹) ты. (²) жице. (³) мнуно. (⁴) маєшь, спроваджаєшь.
(⁵) п'яного. (⁶)есь. (⁷) молодцам. (⁸) догону. (⁹, ¹⁰) удов-
ціовы, вдовця, у юго. (¹¹) відозу. (¹²) свікорка, свікор-
ко, свікор'ка. (¹³) синіхъ. (¹⁴) пробужає. (¹⁵) челядонь-
ці. (¹⁶) у. (¹⁷) нычого. (¹⁸) не знабыла. Я думаю: не знаб-
дила, Ст.-Русск. и Ст.-Слав. *набѣдѣти* и *сънабѣдѣти*,
собств. бдѣть *на*, т. е. надъ чѣмъ, сохранять, соблю-
дать, исполнять что, напр.—заповѣди (Макарьев. Минеи
I, 54; ср. Mikl. Lex. s. v.). (¹⁹) те.

№ 155. Ой летала ітерешюдка по полю
І зберала (¹) дрюбни (²) пташкі (³) до бору:
«Ой до бору, дрюбни пташкі, (³) до бору,
Бо вже (⁴) ви—те (⁵) наулялися по полю!»
—Ой ни дармо ми по полю *hуляли*,
Бо ми собі пожиточку шукали,
Бо ми дрюбни юдоношкі (³) зберали,
Із літечка на зімоньку складали.—

Ой ходила наша пані по полю
І зберала челядоньку до двору:
«Ой до двору, челядонька, до двору,
Бо вже (⁴) ви—те (⁵) наулялися по полю!»
—Ой ни дармо ми по полю *hуляли*,
Бо ми жито і пшеницю дожали,
Ой дожали ми житечко (й) оброї (³);
Печі, печі, наша цаї, широї (³).
Ой котився (⁶) цаш виночок (⁷) по долу
І просився (⁶) пана юсподара вістодолу:
«Я у своєго юсподара доношу»

«І стороноп'ку домошу,
«На новое, на другое заложу.
«Викоть, викоть (в) бочку меду, вина—дві,
«Почастовати челядоньку на дворі».
Ой чия челядоп'ка так дрюбна?
— То нашому пану смодубна. (9)
Ой чия то челядонька на долині? (10)
— То нашого пана з України.
Ой чия-то челядонька нухла?
— То у нашого пана дожала.
Ой одчини цам, пане, ворота,
Бо несем ми виночок (7) зъ золота;
Ни з золота наш виночок (7)—що з жита,
Суди, Боже, пану спожити,
На другое, на новое літо заложити!

(1) И уберала. (2) дрюбы, (3) пташки, ягодоньки, облоги. Быть можетъ я ошибочно ставлю въ этихъ сло-вахъ і, какъ въ Заблудовскомъ, а не какъ въ Укр., гдѣ слѣдуетъ и; но записывавшійставилъ и въ і острого, напр., пані. (4) уже. (5) витѣ. Это—те изъ—сте, есте, а си=сы. (6) котыся, просыув (7) віночокъ (8) выдочь. Ужели народъ такъ говорить? (9) «до сподоби», «до спо-добоньки, р т. е. нравится. «Что челядь милая пану»—кос-венный отвѣтъ на вопросъ: чья челядь? (10) на долины.

До пори збан воду носит, (1) а як ухо одорвєцца, (2) то лихо складецца.

Білое поле, чорное насінне, розумний сіс (письмо).
Без нюх, без рук, а лізе на друк (хињль).
Вовк зелізний, хвост конопляний (игодка и щитка).
Вийшов (9) на бюрку, одчинив (4) комюрку, коб-
ие пан Димінський, то собакі (6) звали б (пчолы).
Дівка в комори, (6) а ві коси на двори (6) (морковь).
Лізу, лізу по зализу на мяснью (7) бору (на коня).
Приде осень, забью лося, бодову зіям, шкуру олуп-
лю, а мясо (8) за плют викіну (9) (денъ).

Четире (sic) брата би^{ют}, (10) один другого хонит,
неяк не зловит, а коб на^{хонив} тоби один другому
шию (11) зломив (колеса).

Як лежит, то менше за кота, а як устане, то буль-
ше за коя (дуга).

(1) носить. (2) одорвєтца. (3) вийшев. (4) отчинувъ.
(5) собаки. (6) въ коморы, па дворы (7) месную. (8)
быть можетъ мъясо или мясо? (9) выкину (10) быгуть.
(11) шію.

Хотя, быть можетъ, есть некоторая разница въ го-
ворѣ между уѣздами Бѣльскими и Брестскими, но она въ
наличныхъ образцахъ мало замѣтна. Поэтому я разсмотрю
совмѣстно оба говора, обозначая, какіе примѣры взяты
изъ образцовъ Бѣльскихъ, какіе изъ Брестскихъ.

— Нѣть эвфонического *и*, *и* въ запло, поща, при-
шло, зипло (Брест.), однако ів. вийшовъ, стр. 183; въ
Бѣльск. пойшов стр. 34.

— *i* въ соловайко, соловіку (36) (Бѣльск.), соловій,
канарійка, до дверій (Брест.) есть, вѣроятно, не основ-
ное *i*, а образованное изъ *e* (см. ниже).

— *o* (=Укр. *i*)=*u*: муй, кунь, вун, вуйсько, з вор-
ут, на чужой стороні, найстаршій (Бѣльск.); зауун,
гульечко, перебурниця, порувняемось, жунка, воружка,
доружка, умолтно (въ Укр. было бы умолтно), зихуд-
но, в вишнёвум, въ жалиньской, смутнуй (Брест.); съ
точки зрѣнія Укр. говора сомнительны случаи: серед
пулка (гдѣ, впрочемъ, *u* можетъ быть оправдано Поль-
скимъ вліяніемъ: pułk), Пульша (требуетъ подтвержде-
нія какъ относительно *u*, такъ и относительно *w*; въ
Укр. Польща) Бѣльск.; мнуho (стр. 147, bis: въ Укр.
мноho) Брест.

o==ю: рюдная, рюдний (Бѣльск.); дрюбни, дрюбними;
юю (род. мн.) хвост, на юрку, комюрку, бульше
(Брест.); это *ю* или близкій къ нему, быть можетъ, двое-
гласный звукъ служить переходомъ къ *и* и *i* изъ *o*.

o==и: зийшlo (Брест.).

о=о: под, мой, пойшов, віночков (Бѣльск.), подо мною, при зороньках (Брест.).

— **е** (=Укр. і)=ю: занюс, о сюй, середній (Бѣль); перепюлка, намютку, принюс, батюнко, матюнка, юй, своїй, усюй, моїй стеженьки (род. ед. пъ мой, моїй, моєї), въ своюм, по сюм (Брест.); послѣ **р—у:** вперуд, вирукся (при виреклася) іб.

— **ë:** пару лебедев (Бѣльск.), моїй матенки (Брест.).

— **и** въ свикорко, до свикорка врядъ-ли есть и среднее изъ **е** (Укр. свекорко), такъ какъ на немъ стоитъ ударение; если же слѣдуетъ читать **і** (свікорко), но это **і**—изъ ё; рівненько заплакала (стр. 151) или, вѣрнѣе, съ и послѣ несмягчаемаго **р**: рівненько плачет (т. е. ревненько; ср. plakac rzewnie), кориньечко (съ и ви. **i** послѣ **р**), сім.

— **е:** на печ (и піч, 205), камень, матенька.

— **ë** (о) изъ **е** имѣетъ място и въ такихъ случаяхъ, гдѣ въ Укр. **e**-неизмѣнно: зелёному, в зелёную, товарищом (Бѣльск.); всѣ, всей сад, всей ліс (=Укр. весь, увесь; стр. 185). въ вишнёвум, зелёну, тверозоно, за-ручоная, засмучоная, служонька, вітер, удовицви, поно-вих синёх. Впрочемъ это ёх въ окончаніи мястнаго и мн. ч. предполагается украинскимъ **ix** (въ воротіх, чоботіх):

— **ъ**, какъ ударяемое, такъ и неударяемое=**i**: ми, всі, гриміло, білій, на чужуй стороні, міданіі, осідаю, сідаю, виїжаючи (=жж?) (Бѣльск.), вітер, віс, зеленіти, зеленіеш, при місяці, поїду, до сліду, ліс, сміеш въ дворі, не стріляй, слідки, ціловати, на порозі, въ по-лі, в сукмані, ліси, лісочки, цвіточки, дівчывы. Что многое здесь внесено произволомъ или невниманіемъ записывателей, это видно изъ того, что въ тѣхъ же образцахъ замѣтно стремление языка измѣнить **ъ** неударяемое въ **е** и **и** среднее (пишутъ **ы**). Единственный случай, гдѣ, быть можетъ, по недосмотру **ъ**=**е**—бенучи, бѣгучи (Бѣль. стр. 151, и тамже віночки); въ двухъ словахъ **е**: лета-ла (159), куре спевають (149 Брест.); чаще—и внутри словъ и на концѣ: спивати, спиваш, лищину, лишній,

вісичу, утикай, нарикає, три літи (=осн. форма им. вин. двойств. лѣтѣ), по сюм світи, в ліси, на помости, при долини, при дорози, в хати, по зеленій дуброви. Согласно съ этимъ легко было бы исправить и выше приведенные слова съ і изъ тъ неударяемаго.

— о неударяемое изрѣдка ослабляется до у (татаре- буаре, т. е. бояре), но какъ въ Бѣль., такъ и въ Брест. остается неизмѣннымъ въ глаголахъ съ характеромъ —ова: юдовала, ночовати, частовати. Быть можетъ, отсутствіемъ ударенія можно объяснить е вм. о въ уменьшит. на- енька послѣ несмягченыхъ согласныхъ: нуженьку, три сестреньки (Бѣльск.), стороненъка (Брест.).

— е вообще — е (э), но при отсутствіи ударенія скло- няется къ и среднему или ы, какъ и во многихъ дру- гихъ мѣстностяхъ и по сю, и по ту сторону Днѣпра: чорниї очинька, гриміло, иихай, ни знала, нима (Бѣль. и Брест.). Наоборотъ въ и неударяемомъ можетъ слы- шаться звукъ е = э: үберала (Брест.). Этимъ можно бы объяснить и форму куре (кури), если бъ не встрѣтился им. п. мн. ч. лебедѣ. Впрочемъ послѣдняя могла воз- никнуть подъ вліяніемъ Польск. *Łabędzie*.

— Конечное е въ им. на де и въ производныхъ ос- тается неизмѣннымъ: розмовлянне (а не-ния).

— е изъ я неударяемого мало замѣтно: на месную; въ дівче (или дывче) конечное е можетъ быть не изъ а, я (Укр. дівча, дівчя), а изъ подражанья Польскому е изъ е въ *dzięwczę*.

— ejí (eї) или сокращенно (для размѣра?) ej вм. ojі въ род. ед. прилаг. ж. р: и мѣст. тѣй дівчини, мене мо- лодѣї, темиejі ночи, до такеї пані (Брест.; въ Бѣльск. не встрѣтилось); съ этимъср. Ювр. тей радией, О звук. особ. Рус. нар. 59. Сокращеніе конечнаго і въ ё вле- четь за собою измѣненіе предыдущаго е въ ё — ю: «здра- дило юй (изъ ёй, а это изъ ejí) ночное ночование (149), моюй (изъ моёй, моejí) стеженьки.

— Въ им. ед. ч. прил. муж.—ый, ій, а не и, і: муз- ний и пр.

— Въ имен. вин. ед.) прил. и мѣст. ср. р. *вс: тое,*
ночное, друное, тихое.

— Въ именит. мн. прилаг. З-хъ р. пишутъ *и* (какъ и произносится во многихъ другихъ мѣстностяхъ) и тутъ же, какъ въ Укр. *ијі, іјі:* воли половіе и коні воронії. Сокращеніе этого окончанія въ *и* предполагаетъ *ијі:* по-
квапни служонъки, біли цвіточки.

— Стяженія въ «ма (=моя) лиха доля», *коло меї* (*моїї*) *хати, мему* (*моєму*) життю.

— Основное *и* по произношению смѣшалось съ *ы*, такъ что для обоихъ нуженъ одинъ знакъ. Записыватели слы-
хали, что нѣкоторыми принято для средняго звука — *и*, а
для острого — *ї*, но не понявши этого, ставятъ безъ раз-
бору *ы*, *и* и *ї*, напр. маты, дитя, прѣимала, увѣти (увѣ-
ти віночокъ) вышиты и т. д. Вследствіе этого изъ за-
писаныхъ ими образцовъ нельзя узнать, между прочимъ,
соединяются ли гортанные съ *и* среднинъ, близкий къ
ы, какъ въ Укр., или съ острымъ *ї*, какъ большою частью
въ Польскомъ и въ нѣкоторыхъ Мр. говорахъ. Пишутъ
и, изрѣдка *ї*: луги, туги, вороги, до ноги, подоляночки,
матки и маткі, широкий и великий. Благодаря употребленію *ы*, видно, что *и* среднее слышится и тамъ, где въ
Укр. *ї*, именно въ дат. на *ови* (Укр. *овї*), въ ни (Укр.
нї) и въ немногихъ другихъ случаяхъ: лайдакови, кони-
кови, ни где, ни кто-ж (ни хто-ж?) ани, ничоно, зима
(зыма) (Брест. и Бѣльск.).

— Отсутствіе сокращенія *и* основного въ въ біє.
піє («Ой не кунь воду піє, кунь копитками біа, 123,
Бѣльск.) есть полонизмъ; тамъ же находимъ и правиль-
ные Русск. формы, какъ выучи (Польск. *wijac*).

— *и* (*ы*), а не *у* въ била (152), бивай.

— *дож* изъ основного *д* находимъ въ спроваджаеш
(Брест.) но *ib.* пробужає.

— Гортанные измѣняются въ свистящіе и шипящіе, по
старинѣ, но, какъ упомянуто, неизвѣстно, требуютъ ли они
послѣ себя *и* (*ы*) или *ї*? Изрѣдка *к* ви. ч: керез (через).

— *p*, по видимому, твердо: вечерати (Бѣльск.), по

зорам, кучеравий, потерав, зори (ы), два писары, въ бой-
жой кары, зур (род. мн.) вирукся; однако һосподаря и т. п.

— *и* въ Бѣльск. образцахъ пишется съ мягкимъ гл.
(оіця, овія), въ Брест. и съ твердыми, и съ мягкими:
отец, риболовцы (ы), молодцы (ы), два місяца, у свитли-
ци, складецца; мовця, серця, удовцёви, молодецькое, ми-
нецця, пшеницу. Вѣроятнѣе, что *и* здѣсь твердо.

— Въ окончаніи З л. ед. и мн. настоящ. вр. пишутъ
ть (какъ въ Укр. и Брест.) и *тъ*. По сравненіи съ
одной стороны съ Заблудовскимъ, съ другой—съ Кобрин-
скимъ, можно ожидать *т*, а не *ть*; прихилит, постоат.

— *i=h*; *л*, *ө=v* (ў), какъ въ Укр.

— Удвоеніе согласныхъ передъ оконч. ѿ есть, по ви-
димому; но записыватели въ одной и той же пѣснѣ пи-
шутъ напр. иочованье и размовлянне (sic, 149); въ пѣ-
снѣ № 144 я поставилъ сніданыне вм.—нье.

— Приыханія: воченьки, һулоныкою.

— *что* (Бѣльск. bis) и *що* (Брест.).

— *ци* и *чи* (Брест. 193.)

---

10. *Кобринскій у.* Гродненской г. а) село Озяты,
Сб. пам. нар. тв. Свз. кр. I. №№ 15—30. 66—95,
203—213; б) село Черевачицы, ib. № 31, 152—4;
в) село Приборово, № 136; г) Дорогичинская волость
№№ 10—14, 53—65; д) мястечко Бездзѣлже №№ 121,
138—143, 157—8; е) безъ точнаго обозначенія мяст-
ности № 135 и 137, стр. 296—8.

№ 16. Ой вийду я за новиї ворота,

За воротами усе (І) трава—муравá,

Всюди һляну все (І) чужая сторона.

Із за гори два соколи ленé:

«Моі ж ви-те (ІІ) оба соколи,

«Чи не булы у моюй стороні,

«Чи не плачут отец-мати по мні?»

— Плачут, плачут, розбиваюцца (ІІ)

Слезоньками уливаюцца, (ІІ)

Хустонькою утираюця,
Сина в юности сполываюця;
Стара матка на лужечку лежыт,
Праву ручку на сердечку держит.

(¹) все. Можно ожидать: всё, усв. (²) «вите» и читаю со среднимъ и (вы). (³) разбиваются и пр.; чул поставлено на основаниі другихъ образцовъ.

№ 29. Ой зажурився ясний соколонько,
Що ніде сісти, һніздачка ізвити.
«Ой сяду я, сяду в верху на ялині,
Ізовью һніздачко хоч із травянини,
Роспушу дитоньки (¹) по всюй Україні,
Ой а сам полену поле через поле
На синє море.»
А в чистому полю маки зацвигают,
На синому мори пташеньки летают,
На битуй (²) дорози рекрутє ступают.
Ой вишла (³) мати сина познавати,
І стала воша в сінёх на порози,
Познада сина в четвартум обози:
«Вернись, синоньку, змію һоловоньку!»
— Ой ізмий, матко, собі, не мі.
Вже мі судилося наістися (⁴) землі»

(¹) дитоньки, между тѣмъ, при удареніі на первойъ слогѣ, слѣдуетъ ожидать дитоньки. (²) sic, уі читай за одинъ слогъ. (³) вышла. Неправлено по другимъ образцамъ. (⁴) наістися.

№ 83. У һоридци (¹) бервиночки (²)
По һоридци (¹) постилаюця; (³)
Десь муй милий чернобривий
Черезъ люде міі кланяецца. (⁴)
Ой що-ж бо міі по бервинках,
Коли на јіх ягодок нема;
Ой що-ж бо міі по поклонах,

Коли єхо (⁴) самою чена.
Приїдь, приїдь, муй миленький
Із (⁴) чужини да й до домоньку,
То я звяжу червонею
Китайкою я һоловоньку.
— Се жив буду, повернуся,
Будеш мею қоханкою.
Любив тебъ дівчиною,
Теперь люблю молодицею,
Сім літ ждав (⁵) нежонатим,
Чи не будеш удовицею.

(¹) у горідцы. Слѣдовало бы читать: горідицы, но я по-
стовилъ и сред., такъ какъ р не смягчается. (²) берві-
ночки, но ниже—«по бервіночках». Здѣсь и умѣстнѣе,
чѣмъ і въ Укр. барвінок, такъ какъ въ основной формѣ
не і, а ё: ревінса. (³) постилаются, кланяется. (⁴) его.
(⁵) изъ. (⁶) Быть можетъ для размѣра слѣдуетъ—іждав.

№ 84. «Ой ти вѣрбо зелененькая,
Чом на тебѣ һодячче (¹) һнедця?»
— Нехай һнедця, хочъ һоламнечця,
Таки на ині листе (²) знайдецца,
«Ой ти, дівко молоденъкая,
Чом за тебе молодци (³) бьюцца?»
— Нехай бьюцца да й поладацца,
А на мене нах не надацца!
Нехай же я іэросту (⁴) зросту,
То я пойду а за старосту,
За старосту за старенькою,
За писара молоденъкою.
Ой муй писар а бонач, бонач,
Купив сукню і зелен (⁵) кабач.
А в кабачі колопні рвати,
А в суконьци добре һуляти;
От колопень һолова болит, (⁶)
До тавочку то й душа һорит (⁶)

(¹) голячъ, (²) лысцв. (³) молодцы. Я прочею и за среднее. (⁴) изросту (⁵) зелин. Можно бы ожидать: зеден и зелюн, какъ въ другомъ мѣстѣ — чердюн. (⁶) болыть, горыть.

№ 90. Ленув соколик черезъ три лісій,
Черезъ три лісій, черезъ чотири,
На пятум ліси пав на орєшье (¹).
Пав на орєшье (¹) з лісомъ говорит (³)
«Ой лісу, лісу, чомъ ти не шумиш,
Чомъ ти не шумиш, чоно тихъ стојиш?
Черезъ тебе лену, крильцемъ не тену, (²)
«Крильцемъ не тену, перцемъ (⁴) не рухну.
Іхав Івашко (⁶) черезъ три селі, (⁶)
Черезъ три селі (⁶) черезъ чотири,
На пятум селі (⁶) застановився,
Застановився въ тестенька на дворі,
Въ тестенька на дворі, на воронум коні:
«Ой коню, коню, брай пудо мною,
«Звеличуй (⁷) мене передъ тестенькомъ,
«Передъ тестенькомъ, як (⁸) передъ батенькомъ.»

(¹) орєшье. Если это ъ=а, то оно вдвойнѣ странно: во первыхъ послѣ твердаго р слѣдовало бы ожидать е, а не ь; во вторыхъ, и ударяемое въ другихъ образцахъ этого уѣзда=i а не е. (²) говорить. (³) тену не стъ тяти, рубить, какъ объясняетъ редакція, а отъ тенути, кор. теп. ср. тепсти и Укр. тіпати, бить, напр. конопли. Смыслъ пѣсни такой: соколь величается полетомъ: чрезъ лѣсъ летить, крыломъ не ударит, перомъ не шевельнетъ; молодецъ величается поѣздкой. (⁴) пырцемъ. (⁵) Иванко. (⁶) три села, на села. Основная форма здѣсь село (им. вин. двойств. ч. и мѣстн. ед.) и если, какъ слѣдуетъ ожидать, удареніе на 2-мъ слогѣ, то ъ=i, а не и. (⁷) возвеличуй. (⁸) як слѣдовало бы опустить. Оно, можетъ быть, вставлено по догадкѣ записывателя.

№ 30. Новій, повій, тихий вітбер ⁽²⁾ від ⁽¹⁾ .
Із ⁽¹⁾ за крутей гори,
Приїдь, приїдь, муй миленький
Із ⁽¹⁾ чужей сторони.

(1) Ізъ.

№ 212. Ой у горидци ⁽¹⁾ на ярій рутці,
Плаче баничка виночки виночи.
Почув Іванько ⁽²⁾ на коші йдучи:
«Чоно, серденько, плачені ревценсько?»
— Ой як же бо мні а не плакати?
Въ тебе молодою родини мною, ⁽³⁾
В мене мододєї подаркув мало.
«Ой не журися, молода баничка:
«Я своє батенька сам перепрошу
«Низким ⁽⁴⁾ уклоном, тихеньким словом.»

(1) горидцы. (2) Иванько. (3) мнёго. (4) въ Укр. говорѣ — низьким.

№ 64. Повінь вітрик з гори в долинську,
Розвінь мою туфу по зеленому ⁽¹⁾ луhy,
Ой щоб же я не ⁽²⁾ тужила, хорошенсько ходила
Шо суботи в золоти, що недили ⁽³⁾ в сигнити: ⁽⁴⁾
В золоти жито жати, в ⁽⁵⁾ сигніти похудяти.
(1) зеленому, (2) ны. (3) нидилы. (4) w. sygnescie, въ
перстній. (5) во.

Один каже: «світай боже», другий ⁽¹⁾ каже: «смертай боже», а третій каже: «як в день, так в ночі ⁽²⁾ витрищай зеркачі. (2) (Постель, дверь, окно).

Вуз без колюс ⁽³⁾, бич без ласку, а дорона без писку ^(ib. песку). (Лодка, весло, рѣка).

Брат брата сичé, біла кровь тече ⁽⁴⁾ (Жернова).

Шаталось, моталось, под припичок ^(ib. припечок) сховалось. (Въникъ).

В нашеї ⁽⁵⁾ невісти рубашок ⁽⁶⁾ больш як двісті ⁽⁷⁾,
а вітбер вийне, і тіло видно. (Курица).

Крикнув вул на сем смол, ёго (в) не видати, а немос чувати. (Колодоль).

Черлюн жука лиже. (Красный огонь лижетъ черный горшокъ).

Чотири (в) брата пуд одною шапкою стоят. (Столь).

Що Ієго за писар, що по ночі пише?

— Був у нас баран, на юм меныш шерсти як рана (Колодка, на которой дрова рубятъ).

(1) другий. (2) ночи, зеркачи. но и у записывателя
(3) калюсь. (4) тыче. (5) въ нашіи, (6) рубашекъ (7) дви-
сты (8) его. (9) четыре.

— Нѣть эвфонического й въ пошов, знашов, нашов,
перешов, пошла, пришовши. Ср. Пруж., Козель., Бѣль.,
Брест. однако зайшов, вийшла. (Дорог.).

— і въ соловійко, какъ въ Бѣльск., Брест., и солов-
ейко (Дорог.), дверей.

— о (Укр. і)=у: пуйду, туй (дат. ж.), на лужечку; со-
мпітельно «Пудолянка» въ пѣснѣ № 63, поддѣльной или
сильно испорченной. о=уї (одинъ слогъ): на битуй до-
рози (стр. 23). о=и: нич (стр. 22) риднею сестрою, въ тим
селі, зийшло, зийшов (Дорог.). о=і біі, біі-ме, військо,
дрібний, рідний, дві жалібночки, післув (въ одному сло-
вѣ о=і и у); страшно: миіо, немиіо (75, 213), какъ
въ Бѣльск. и Брест миіо. о=о: дороженьку, за во-
ротими, косоньку, поченька, пчолонька, коски, рожки,
пошов, пойду, здоймае (Озяты); oddati, въ вишневом (До-
рогич.; holle, holлечко, забрав (Черевач.).

— у=і: бійниї вітрики, однако за муж, дуброва.

— е (Укр. і)=ю: у моюй, своюй (дат.) къ ній, на
юм, по всюй, колюс, матюнька (изъ матінка) въ бостюх
(изъ бостехъ), запрююши (изъ запрѣнши), черлюн (изъ, чер-
лінь, а это изъ червленъ). е=і: пліточку, Семін (зы
Укр. Семен), приніс (и принес съ ы, стр. 68) мід-вино
(Укр. мед), сім, постіль, з берізки, дві сістріночки; за-
мѣтимъ: свікорка (стр. 87, какъ въ Бѣль. и Брест.).
е=е: слезоньками, ѣребенцем, камень, неж, сем.

— е=ë, о, сходно съ другими говорами Гродн. губ. и отлично отъ Укр.: всѣ (часто) черотомъ (Укр. оноретом), вітёр, юрол (орел), бёрожок, бероженьки, кудёрки, поперок, четвёрту, зорою, молодцёви, (дат.), з перцем, (но іб. в емберцем, серцем), служомыка, недіафішка (ш—ленька), деревцо, синёе море, при зелёный, зелён (зелен) явор, трава зелёна, дуброва весёла, свячони, кручини (им. ед. муж.) заручоная, васмучоная, дитя рожоное, сужоное, керови подоёни, телята напоёни, жито молочоне; юкочоне, въ сінех, в воротх. Кромъ того, ё (гесрест. ю, і изъ ё)—и тамъ, гдѣ въ Укр.

— ю ударяемое въ рѣшительномъ большинствѣ слу-
чаевъ=і: цвіт, світ, слід, вік, вітёр, дівчина, річка,
шікому, ніде, сісти, наїхали, сідла, повій, посій, пові-
шу, міти, человіка, собі, мні, дві, в обні, в млині (Укр.
у майні) на окні, стороні, у лозі, у тузі, въ корчмі.
вербі. Рѣдко встрѣчается и (ы) вм. ё, и ѣги случаи мо-
жно, кажется, считать за ошибки: неви(ы)стки (іб. не-
вістци), сусиди, явор стину пробивае.

— ю неударяемое большую частію=и (пишутъ ѿ): сми-
ются, спивай, заспивайте, утишати (утѣшать), вітёр пови-
ває, сидлає, сидло, змишався, линуюсь, литаеш, (основная
общеслав. форма есть лѣтати, а не легать, какъ мы пи-
шемъ) поцилую, бижи, видро, дивча, дивкій (но дівушка),
бніздачко, оцвили, зацвітают, утикай (осн. ф. утѣкати),
вінка, виночек, развинчай, повинчалися, писок (осн. ф. пъ-
сокъ), писку, в сигніти, на помости, у юроди, на порози, в
комори, по соломи, на дорози, у корчомци, у поли, в мори,
у місті, въ золоти, на панщини и пр. Изрѣдка ю неударяемое
=е: рострепалася, пташенки летают, козаче лентяю, не
дремаймо, до стеаі. Еще рѣже пишутъ ё: орѣшье, хутчѣй.
Нѣсколько чаще случаи съ і=ѣ неудар., какъ на камені, на
циві и пр. гдѣ і, судя по сходнымъ случаямъ, ошибочно.

— о неударяемое въ характерѣ ова остается, а въ дру-
гихъ случаахъ изрѣдка=у: мурдовати (въ Укр. было бы
мордувати), наполовае и т. п. какъ во всѣхъ Мр. гово-
рахъ Гродненской губ.

— *e*: и изъ *а* неудар. въ уменшит. суффикс: перепьки не маю, сеструнька, һалунька.

— *я* неударяемое въ одномъ словѣ = *e* (наговорца), а въ речемъ неизмѣнно.

— *e* (= *ə*) неударяемое склоняется къ и (ы): убируся, видѣ, видуши, жиниха и пр.

— Наоборотъ *и* (ы) неудар. склоняется въ *e* (= *ə*): ніт некою, нема сіна, не оброку, можетъ быть въ оконч. имен. мн. рекрутє.

— *e* въ оконч. ѿ послѣ удвоенія не измѣняется въ я: коханнє, коханнечка, һуляннє, һолле, но поседіннячко (Черевач.) быть можетъ по ошибкѣ.

— Отклоненіе отъ обычной формы представляетъ *a* въ *из-пуд краменю* (78), *с-пуд крамяшай һоры* (84).

— *ый=ий* въ им. ед. прил. м. не стягивается въ *и*.

— Въ им. вин. прил. спр. р.—ов и е: другое, ридце.

— Въ род. ед. прил. и мѣст. ж.—еї, ей, а въ твор. ю вм. ої, ою: таї пісни, до лихеї һодини, хорошеї дівчини, милеї, дороги широкеї, з великої злости, из чужей стороны, з-за крутей һори; з милею, червонею, ридцею, бистрею, темненькею, яснею зорою, с тую, сиреною дубиною; *e* въ *еї*, если на немъ нѣтъ ударенія, по вышесказанному, склоняется къ *i*: з новай свѣтици, с правой ручици (т. е. новей, правей).

— Въ им. мн. прилаг. большею частію *иї* (новијі ворота и т. д.), *и* (кони сиви-воронијі, біли листи); однако и *иє*: молодис, золотис (Бездзеже, 160).

— Стяженія въ меї, свеї (род. ж.), мею, свею (тв. ж.), на сви крыльца.

— *и* основное послѣ согласныхъ = *i* среднему въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ въ Бѣль. и Брест., коневи (8ви?), молодцёви, по сичови, по козакови, на сінови (от сіно), кони (им. мн. а не коні), в хости, зятій, перстеній, три коні, двери, таї пісни, щастя-доли, в Маруси, ани, николи, никому, вишрати, зима.

— Буты и пр., а не быти.

— *дає* изъ *а* незамѣтно.

— Гортанные соединяются съ и (ы), а не съ ё: вов-
ки, луhi, воли полсовенькиj.

— Спорадически встречаются гортанные вм. шипящихъ:
скануть (—т, стр. 11; но обыкновейно скажут), керез.

— Шипящіе мягки: дивчя (и дивче 23), розвичай,
плечя, щастя, з'їждле, одіждають (т. е. жджа).

— и твердо (отца, хлопца), но очень часты отступле-
нія: каменець и т. п.

— р твердо: писарь, въ мори, зорою, борую; но ча-
сто—рі, ря и пр.

— т въ З лицъ наст. твердо: стоїт, плачут, но множе-
ство отступленій съ ть.

— што-б—(141, Бездз.), но часто ѹо.

— Удвоеніе согласныхъ передъ ѿ и др.: бояле, ко-
ханне, но и покриване, снданечко.

— г=б; я, в—какъ въ Укр.

— Придыханіе б: бетим серпом (Озяти), биячі (инші),
бочи, бармія, борол.

— Озъму (возьму), какъ и въ Укр.

— в изъ б въ товді (Дорогич.).

— и изъ я въ ламнецця (82).

— Написаніе сонико, если оно въроb, предполагаетъ
произношеніе сонийко, сонейко (изъ соненько).

Мартъ, 1870 г.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ:</i>
9	29	бъя или бј	бъя или бји
10	2	со слѣдующимъ о,	со слѣдующимъ о;
15	35	идзѣто	идзѣшо
18	11	Не сомнѣнио	Несомнѣнио
25	18	прилагательного	прилагательного
26	22	скаго, добыты	скаго добыты
29	20	къ чимъ	къ нимъ
35	12	по фактическому	но фактическому
—	»	языкоизначенію	языкоизнанію
39	29	сочетанія	сочетаніе
—	30	языку;	языку:
40	13	про чорний	про чорный
42	9	ль—е	ль—е
60	8	сходной	сходно
99	34	Придыханія—	Придыханія—
100	22	помѣщено	помѣщены
106	2	припадзимъ	принадзимъ
—	18	какъ въ Укр.	какъ въ Укр.;
108	15	со звукомъ, ѡ,	со звукомъ ѡ,
111	4	нешпешна	нешпетна
121	21	просыув	просыу ся
129	7	срешье	орешье
129	8	орешье	орешье
130	21	в сигнити	в сигніти

